

Научный журнал

Основан в 2006 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61039 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р юрид. наук, проф. О.Ю. Ильина (*глав. редактор*);
д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ Л.В. Туманова;
д-р юрид. наук, доц. Н.А. Антонова;
д-р юрид. наук, проф. Л.Т. Бакулина;
д-р юрид. наук, проф. М.В. Баранова;
д-р юрид. наук, проф. А.Г. Безверхов;
д-р юрид. наук, проф. А.А. Воротников;
д-р юрид. наук, ассоциированный проф. Б.А. Джандарбек;
д-р юрид. наук, проф. И.Г. Дудко;
д-р юрид. наук, проф. М.А. Ефремова;
д-р юрид. наук, проф. А.И. Коробеев;
д-р юрид. наук, проф. В.И. Крусс;
д-р юрид. наук, проф. А.Н. Кузбагаров;
д-р юрид. наук, доц. А.Н. Левушкин;
д-р юрид. наук, проф. Т.Н. Михеева;
д-р юрид. наук, проф. Ю.А. Попова;
д-р юрид. наук, проф. В.Д. Потапов

Адрес редакции:

Россия, 170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222
Тел.: +7 (4822) 70-06-57

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2022

Scientific Journal

Founded in 2006

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФЦ77-61039 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: Law

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

Doctor of Law, Professor O.U. Ilina (editor-in-chief);
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation L.V. Tumanova;
Doctor of Law, Professor N.A. Antonova;
Doctor of Law, Professor L.T. Bakulina;
Doctor of Law, Professor M.V. Baranova;
Doctor of Law, Professor A.G. Bezverkhov;
Doctor of Law, Professor A.A. Vorotnikov;
Doctor of Law, Professor B.A. Dzhandarbek;
Doctor of Law, Professor I.G. Dudko;
Doctor of Law, Professor M.A. Efremov;
Doctor of Law, Professor A.I. Korobeev;
Doctor of Law, Professor V.I. Kruss;
Doctor of Law, Professor A.N. Kuzbagarov;
Doctor of Law, Professor A. N. Levushkin;
Doctor of Law, Professor T.N. Mikheeva;
Doctor of Law, Professor Yu.A. Popova;
Doctor of Law, Professor V.D. Potapov

Editorial Office:

Office 222, 22, 2nd Griboyedova st., 170021, Tver, Russia
Tel.: +7 (4822) 70-06-57

*All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced without the written permission of the publisher.*

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы частного права

Барткова О.Г.

О взаимосвязи и разграничении права на реабилитацию умершего обвиняемого и права его наследников на возмещение вреда (на примере судебного спора).....7

Гринева А.В.

К вопросу о новой идеологии правового регулирования родительского правоотношения.....15

Ильина О.Ю.

Невмешательство в дела семьи или обеспечение прав третьих лиц: основания и приоритеты.....23

Актуальные вопросы публичного права

Бауэр В.П., Бурак П.И., Сухарев А.Н.

Конституционализм в развитии принципа обеспечения результативности государственного управления.....32

Жукова О.В., Туманова Л.В.

Специфика и пределы применения главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.....41

Крусс И.А.

Актуальные вопросы международного гражданского процесса в аспекте теории конституционного правопользования.....50

Кусков А.С., Усцов Д.К.

Особенности возмещения расходов на проведение досудебной экспертизы по делам о защите прав потребителей.....54

Очагова В.С.

К вопросу о некоторых положениях проекта Федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».....62

Сладкова А.А.

Услуги таможенного представителя как профессионального посредника в процессе декларирования товаров.....69

Федина А.С.

Принципы адвокатской деятельности, определяющие характер участия адвоката в гражданском процессе.....77

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

Александрова О.П., Буданова Л.Ю.

Значение признаков объективной стороны общественно-опасного деяния для его квалификации в правоприменительной практике.....86

Викторов В.Ю., Матвеев П.А., Шумаков С.А.

Проблемы усиления уголовной ответственности за изнасилование и другие преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних.....94

Калюжный А.Н.

Структура способа совершения незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.....102

Матвеев Д.Н., Радченко М.Э.

Проблемные вопросы при исполнении наказания в виде ограничения свободы.....111

Сапронова Т.П.

Проблемные вопросы ответственности по статье 207¹ Уголовного кодекса Российской Федерации118

Туманова Л.В.

Особенности доказывания по делам, связанным с оказанием медицинских услуг.....123

Вопросы истории государства и права

Смирнов С.Н.

Образовательная поддержка высокомотивированных школьников в России в аспекте функционирования социального лифта: современный организационно-правовой механизм и отечественные традиции.....131

Фролов М.Г.

Наказание в виде ограничения свободы: история, современные реалии и перспективы.....137

Проблемы организации учебного процесса

Гордеева Л.К., Мясникова Т.С.

Моделирование иноязычного пространства в авторском курсе «Иностранный (английский) язык в сфере юриспруденции для профессиональных целей».....144

Туманова Л.В.

Татьяна Ларина как предвестник современной виртуальной жизни.....151

Трибуна молодого ученого

Никитина К.И.

О доступности транспортной инфраструктуры и услуг железнодорожного транспорта для потребителей с ограниченными возможностями здоровья (правовые аспекты).....157

Терехов М.Г.

Научный анализ законодательного определения понятия «Цифровые финансовые активы» как объект гражданских прав.....165

CONTENT

Topical issues of private law

Bartkova O.

Correlation of the conditions for the realization of the right to rehabilitation of the deceased accused and the right of his heirs to compensation for harm (on the example of a court dispute).....7

Grineva A.

On the question of a new ideology of legal regulation of parental relationship.....15

Ilyina O.

Non-interference in the family or enforcement of the rights of third parties: grounds and priorities.....23

Topical issues of public law

Bauer V., Burak P., Sucharev A.

Constitutionalism in the development of the principle ensure the performance of state administration.....32

Zhukova O., Tumanova L.

Specifics and limits of application of chapter 22 of the Code of administrative procedure of the Russian Federation.....41

Kruss I.

Current issues of international civil procedure in the aspect of the theory of constitutional use.....50

Kuskov I A., Ustsov D.

Features of reimbursement for pre-judicial examination in cases on consumer rights protection.....54

Ochagova V.

On certain provisions of draft Federal law No. 40361-8 «On general principles of organization of local self-government in the unified system of public authority».....62

Sladkova A.

Services of a customs representative as a professional intermediary in the process of declaring goods.....69

Fedina A.

Principles of advocacy that determine the nature activities of a lawyer in civil proceedings.....77

Topical issues of science and law enforcement practice

Alexandrova O., Budanova L.

The meaning of the attributes of the objective side of a socially dangerous act for its qualification in law enforcement practice.....86

Viktorov V., Matveev P., Shumakov S.

Problems of strengthening criminal responsibility for rape and other sexual crimes against minors.....94

Kalyuzhny A.

The structure of the method of illegal hospitalization to a medical organization providing psychiatric care in in-hospital conditions.....102

Matveev D., Radchenko M.

Problem issues in the implementation of the punishment in the form of restriction of freedom.....111

Sapronova T.

Problematic issues of liability under article 207¹ of the Criminal code of the Russian Federation.....118

Tumanova L.

Features of evidence in cases related to provision of medical services.....123

Issues of state history and law

Smirnov S.

Educational support for highly motivated schoolchildren in Russia in terms of means of social mobility functioning: modern organizational and legal mechanism and national traditions.....131

Frolov M.

Penalty of restriction of liberty: historic background, current situation and opportunities.....137

Problems of organization of the educational process

Gordeeva L., Myasnikova T.

Foreign environment's modelling in the authors' course "Foreign (english) language in the sphere of law for specific purposes".....144

Tumanova L.

Tatyana Larina as a foreigner of modern virtual life.....151

Tribune of young scientist

Nikitina K.

On accessibility of transport infrastructure and rail transport services for consumers with disabilities (legal aspects).....157

Terekhov M.

Scientific analysis of the legislative definition of the concept "Digital financial assets" as an object of civil rights.....165

Актуальные вопросы частного права

УДК 343.13

DOI: 10.26456/vtpravo/2022.2.007

О ВЗАИМОСВЯЗИ И РАЗГРАНИЧЕНИИ ПРАВА НА РЕАБИЛИТАЦИЮ УМЕРШЕГО ОБВИНЯЕМОГО И ПРАВА ЕГО НАСЛЕДНИКОВ НА ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА (НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНОГО СПОРА)¹

О.Г. Барткова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Обосновывается юридическая значимость правильности определения круга условий, составляющих основания возмещения вреда. Право гражданина на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием, имеет особенности, отличающие его от права на возмещение вреда иным физическим лицам, включая и возмещение вреда, требования относительно которого могут быть заявлены наследником умершего обвиняемого. При этом важно учитывать корреляционный характер этих прав. Особое внимание в исследовании отводится вопросу необходимости разграничения оснований ответственности, установленных ст. 1070 и п. 1 ст. 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации применительно к категории обвиняемых и их наследников. На основе конкретного гражданского спора и судебных актов, в которых исследованы его обстоятельства, автором проанализированы определенные ошибки, допущенные судебными органами при рассмотрении такого спора. Сформулировано несколько дополнительных выводов к судебным позициям.

Ключевые слова: вред, деликт, незаконные действия, государственные органы, возмещение вреда, компенсация морального вреда, основания и условия возмещения вреда, право на реабилитацию, противоправность, вина.

К числу общих условий возмещения вреда, как известно, относятся те, которые закреплены, прежде всего, в абз. 1 п. 1 ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и в первом предложении п. 2 этой же статьи. Из них следует, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред при наличии его вины. Соответственно, общими условиями являются: наличие вреда, противоправность поведения причинителя вреда, причинно-следственная связь между первым и вторым условием, а также вина лица, причинившего вред.

¹ Данная работа выполнена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.05.2019).

Подчеркнем, перечисленные условия относятся к содержанию общего основания возмещения вреда, но случаи причинения вреда чаще всего требуют обращения к положениям о специальных деликтах, что имеет место и в исследуемом нами примере судебного спора. Обстоятельства его связаны с правом обвиняемого на реабилитацию, умершего еще до возбуждения уголовного дела. Его жена обратилась с исковыми требованиями о компенсации морального вреда. В ходе изучения четырех взаимосвязанных судебных актов [2–5], возникает вопрос: идет ли речь о таком требовании в рамках перешедшего к ней как к наследнику права на реабилитацию умершего мужа либо она заявляла это требование исключительно в своих интересах? Таким образом, главной проблемой является определение нормативного основания для такого требования, что не так просто, учитывая корреляционный характер указанных требований.

Гражданка В.В.Д. состояла в браке с Н.П.Д., который 30.11.2012 г. умер. Уже после его смерти, 26.06.2015 г. было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) «Мошенничество», по которому 17.05.2013 г. постановлением следователя умерший Н.П.Д. привлечен в качестве обвиняемого, а В.В.Д. в качестве его законного представителя, а в последующем и в качестве гражданского ответчика по уголовному делу. Этот пример интересен еще и тем, что иллюстрирует позицию, изложенную в Постановлении Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 г. № 16-П (далее – Постановление КС РФ № 16-П) [1], который признал, что при наличии такого основания прекращения уголовного дела, как смерть подозреваемого (обвиняемого), защита конституционных прав личности не может быть обеспечена без предоставления близким родственникам умершего права настаивать на продолжении производства по уголовному делу. Целью этого является возможное признание в последующем реабилитации умершего и обеспечение реализации этого права. Более того, этим лицам должны быть обеспечены права, которыми в соответствии с законом, в частности Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее – УПК РФ), должен был бы обладать подозреваемый, обвиняемый (подсудимый) при его жизни. Конституционный Суд РФ также указал, что федеральному законодателю надлежит внести соответствующие изменения, направленные на обеспечение государственной, в том числе судебной, защиты чести, достоинства и доброго имени умершего подозреваемого (обвиняемого), включая конкретизацию перечня лиц, наделяемых правом настаивать на продолжении производства по уголовному делу в контексте указанной выше цели и соответствующий правовой статус таких лиц. Разработанный в связи с этим Законопроект № 180771-6 [6]

до настоящего времени не принят. Однако положения Постановления КС РФ № 16-П применяются правоохранительными органами.

Вернемся к казусу. Постановлениями Ленинского районного суда г. Ульяновска в мае и октябре 2015 г. наложен арест на имущество, ранее принадлежавшее Н.П.Д., а после его смерти – его жене и детям как наследникам. Такая мера принуждения сохранялась весь период расследования уголовного дела.

22.01.2019 г. приговором того же суда, Н.П.Д. был оправдан. Соответственно, за его законными представителями было признано право на реабилитацию и возмещение причиненного им имущественного и морального вреда. 20.03.2019 г. приговор суда первой инстанции в части признания права на реабилитацию изменен: за наследниками Н.П.Д. признано право требования возмещения только имущественного вреда, причиненного умершему.

Напомним, что согласно п. 34 ст. 5 УПК РФ, под реабилитацией понимается порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда. Из ч. 2 ст. 6 УПК РФ, где определено назначение уголовного судопроизводства, в более широком и основополагающем смысле реабилитация – это публичное признание отсутствия оснований для уголовной ответственности и уголовного преследования лица, которому оно ранее подверглось; реабилитация является следствием установления невиновности лица в совершении деяния, запрещенного уголовным законом. Такое толкование было дано в Постановлении КС РФ № 16-П. Реабилитация рассматривается также в контексте особого права, которым наделены определенные в законе физические лица, и включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление во всех правах, включая трудовые, пенсионные, жилищные. При этом такой вред возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда. Таким образом, право на реабилитацию охватывает собой и право на возмещение вреда, причиненного тем имущественным и личным неимущественным правам, которые составляют объект гражданско-правовой охраны и защиты (ст. 2, ст. 1064, ст. 1079 ГК РФ), являясь при этом более широким по объему, характеру и содержанию прав, подлежащих восстановлению в процессе применения механизма реализации права на реабилитацию (п. 34 ст. 5, ч. 1 ст. 133, 135, 136, 138 УПК РФ).

Признание судом за наследниками Н.П.Д. права требования на возмещения имущественного вреда основано на ч. 3 ст. 135 УПК РФ. На это указано и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 17) [2]. Соответственно, сам закон допускает правопреемство в отношении такого права. Подчеркнем, что речь идет об имущественном вреде, причиненном реабилитированному, но не наследникам. Нам неизвестно, заявляла ли такое требование гр. В.В.Д., но достоверно известно, что 03.02.2020 г. Ленинским райсудом г. Ульяновска в рамках дела № 2-512/2020 было рассмотрен иск В.В.Д. к Российской Федерации в лице Министерства внутренних дел РФ, Министерства финансов РФ, Управления федерального казначейства по Ульяновской области о компенсации морального вреда в сумме 4,3 млн. руб. Поясним, что сумма была рассчитана так: 100 тыс. руб. в месяц за 43 месяца незаконного уголовного преследования. Решением того же суда требования были удовлетворены частично (в размере 100 тыс. руб.), со взысканием с Министерства финансов РФ (безусловно, за счет средств казны Российской Федерации). В остальном в удовлетворении иска к Минфину РФ, а также к иным федеральным органам было отказано. Примечательно, что ответчик был указан верно – Российская Федерация, что соответствует положениям ст. 16 ГК РФ и разъяснениям, данным в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25. Но все ли органы, указанные истцом и перечисленные выше, являются теми, которые в соответствии с законом должны выступать от имени РФ при возмещении вреда за ее счет? Это была одна из ошибок, допущенных истцом и районным судом. Ошибки объяснялись тем, что суд в оценке требования граждански В.В.Д. применил п. 1 ст. 1070, в то время когда основания ее иска лежат в границах применения ст. 1069 ГК РФ. Заметим также, что при определенных условиях (а они будут специальными по отношению к названным выше статьям ГК РФ), у гр. В.В.Д. могло возникнуть право на возмещение вреда на основании ч. 3 ст. 133 УПК РФ.

Безусловно, В.В.Д. не относится к числу лиц, наделенных правом на реабилитацию в соответствии с ч. 2 ст. 133 УПК РФ, а также п. 1 ст. 1070 ГК РФ. На это в своем Апелляционном определении указал Ульяновский областной суд от 16.06.2020 г. по делу № 33-2323/2020, отменив решение суда первой инстанции в полном объеме. Эта позиция была в целом подтверждена всеми последующими судебными актами [2–4].

Примечательно, что В.В.Д. очень убедительно описывает обстоятельства, свидетельствующие о наличии у нее морального вреда. В частности, по мнению истицы, которое было поддержано судом первой инстанции, незаконное привлечение супруга истицы к уголовной ответственности повлекло причинение ей нравственных страданий, нарушению ее конституционных прав на уважение семейной и частной

жизни, личных неимущественных прав – чести, достоинства и доброго имени как члена семьи умершего супруга. Она же указывает на те нравственные страдания, которые являются результатом незаконных, по ее мнению, действий органов предварительного расследования: срок следствия продлевался 14 раз; был наложен арест на имущество истицы и ее детей; на нее и детей длительное время оказывалось психологическое воздействие, расследование проходило в условиях вмешательства в личную жизнь; истицу допрашивали вместо умершего обвиняемого, предлагали признать вину за него; сведения об уголовном деле могли негативно сказаться на отношении общества к истице и ее детям и пр.

Таким образом, даже из небольшого отрывка судебного акта можно понять, что гр. В.В.Д., заявляя требования о компенсации морального вреда, фактически выступает и как лицо, действующее в интересах умершего супруга, пытаясь защитить его доброе имя, и в собственных интересах, говоря о ее личных нравственных страданиях, и в интересах детей, испытывавших нравственные страдания. Все они являются разными субъектами отношений, обладателями определенных субъективных гражданских прав и носителями собственных интересов. Однако заметим, что центральное в позиции В.В.Д. – это причиненный именно ей моральный вред.

Могла ли гр. В.В.Д. обращаться требованием о компенсации морального вреда в интересах своего мужа? Уже сложилась доктринальная позиция по данному вопросу, суть которой в том, что поскольку право на компенсацию морального вреда в денежном выражении неразрывно связано с личностью реабилитированного, то оно не входит в состав наследства и, следовательно, не может переходить в порядке наследования (ст. 1112 ГК РФ). Поэтому в случае смерти реабилитированного до разрешения поданного им в суд иска о компенсации морального вреда производство по делу подлежит прекращению на основании абз. 7 ст. 220 ГПК РФ (п. 24 Постановления Пленума ВС РФ № 17). Кроме того, суд обратил внимание на то, что Н.П.Д. умер еще до возбуждения уголовного дела и был привлечен к качеству обвиняемого уже после своей смерти.

Заметим, что касательно недопустимости наследственного правопреемства требования о компенсации морального вреда, в цивилистической науке нет единого мнения. Более того, аргументы некоторых ученых, в частности кандидата юридических наук А.А. Ягельницкого [7], позволяют сомневаться в сложившейся практике такого отрицания правопреемства.

Важно обратить внимание на то обстоятельство, что истицей требования о компенсации морального вреда изначально были заявлены в соответствии с нормами, предусматривающими реабилитацию, но юридически более верным при данных обстоятельствах могло быть

только основание, предусмотренное ст. 1069 ГК РФ. При этом ее применение предполагает наличие общих условий, которые были указаны в самом начале исследования (включая вину лица, причинившего вред), а также специальные условия, относящиеся к субъекту причинителю и к сфере деятельности, где мог иметь место факт противоправного поведения причинителя (два последних условия действительно присутствовали).

Таким образом, судебные органы указали, что В.В.Д. не представлено доказательств наличия вышеперечисленных условий для наступления ответственности в порядке ст. 1069 ГК РФ, в том числе не представлено доказательств как самого факта причинения вреда истице, так и противоправности действий следственных органов, вины лица, причинившего вред.

Отвергая также такое возможное основание заявления требования как ч. 3 ст. 135 УПК РФ, апелляционная инстанция указывает, что к В.В.Д. меры уголовного принуждения не применялись, истицей не представлено доказательств причинения ей морального вреда действиями следственных органов, расследующих уголовное дело в отношении ее умершего супруга. Кроме того, 09.07.2016 г. В.В.Д. была исключена из числа гражданских ответчиков, 27.05.2016 г. отстранена от участия в уголовном деле как законный представитель обвиняемого Н.П.Д. Это было вызвано тем, что В.В.Д. на протяжении всего срока следствия умышленно уклонялась от явки к следователю и не являлась на проведение следственных действий с ее участием. Была дана оценка поведению В.В.Д. – такие действия наносят ущерб интересам Н.П.Д.

Итак, проведенное исследование позволяет сформулировать нам следующие выводы. Необходимо различать субъективное гражданское право обвиняемого на возмещение причиненного ему вреда в порядке, предусмотренном гражданским законодательством РФ (в силу п. 1 ст. 1070 или ст. 1069 ГК РФ), и право на возмещение вреда, которое обеспечивается через механизм его реабилитации в соответствии с гл. 18 УПК РФ (может применяться в совокупности с п. 1 ст. 1070 или п. 2 ст. 10170 и ст. 1069 ГК РФ), а также перешедшее к наследникам право на реабилитацию умершего лица. Условия возникновения и объем таких прав отличаются. При этом для права наследников на реабилитацию умершего лица, безусловно, первичными являются юридические факты, лежащие в основе права умершего обвиняемого на реабилитацию.

Кроме того, право каждого из наследников требовать возмещения причиненного им вреда как самостоятельное субъективное право может возникнуть по основаниям, предусмотренным ст. 1069 ГК РФ, а также ч. 3 ст. 135 УПК РФ.

При этом важно учитывать корреляционный характер этих прав, в основе которого лежат как общие юридические факты, необходимые для

их возникновения, так и специальные, предусмотренные для каждого из них в гипотезах разных правовых норм.

Список литературы

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 г. № 16-П // СПС «КонсультантПлюс».

2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2021 г. № 80-КГ21-4-К6, 2-512/2020// СПС «КонсультантПлюс».

3. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 28.10.2020 г. по делу № 88-21710/2020// СПС «КонсультантПлюс».

4. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 16.06.2020 г. по делу № 33-2323/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Решение Ленинского районного суда города Ульяновска от 03.02.2020 г. по делу № 2-512/2020// СПС «КонсультантПлюс».

6. Проект федерального закона (Законопроект № 180771-6) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части уточнения порядка производства по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности)» // Сайт СОЗД ГАС «Законотворчество», [Эл. ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/180771-6> (дата обращения: 08.05.2022 г.).

7. Ягельницкий А.А. К вопросу о неразрывной связи права с личностью: преемство в праве требовать компенсации морального вреда и вреда, причиненного жизни или здоровью // Вестник гражданского права. 2013. № 2. С. 60 – 91.

Об авторе:

БАРТКОВА Ольга Георгиевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 1716-9636, e-mail: bartkova_og@mail.ru

CORRELATION OF THE CONDITIONS FOR THE REALIZATION OF THE RIGHT TO REHABILITATION OF THE DECEASED ACCUSED AND THE RIGHT OF HIS HEIRS TO COMPENSATION FOR HARM (ON THE EXAMPLE OF A COURT DISPUTE)

O.G. Bartkova

Tver State University, Tver

The legal significance of the correctness of determining the range of conditions that constitute the grounds for compensation for harm is substantiated. The right of a citizen to compensation for harm related to criminal prosecution has features that distinguish it from the right to compensation for harm to other individuals, including compensation for harm, claims for which can be made by the heir of the deceased accused. At the same time, it is important to take

into account the correlative nature of these rights. Special attention in the study is given to the issue of the need to differentiate the grounds of responsibility established by Article 1070 and paragraph 1 of Article 1069 of the Civil Code of the Russian Federation in relation to the category of accused and their heirs. On the basis of a specific civil dispute and judicial acts in which its circumstances are investigated, the author analyzes certain mistakes made by judicial authorities when considering such a dispute. Several additional conclusions to the judicial positions have been formulated.

Keywords: *harm, tort, illegal actions, state bodies, compensation for harm, compensation for moral harm, grounds and conditions for compensation for harm, right to rehabilitation, wrongfulness, guilt.*

About author:

BARTKOVA Olga – PhD in Law, Associate Professor, Department of Civil Law, Tver State University (170100, Tver, 33 Zhelyabova St.), SPIN-код: 1716-9636, e-mail: bartkova_og@mail.ru

Барткова О.Г. О взаимосвязи и разграничении права на реабилитацию умершего обвиняемого и права его наследников на возмещение вреда (на примере судебного спора) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 7–14.

К ВОПРОСУ О НОВОЙ ИДЕОЛОГИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РОДИТЕЛЬСКОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

А.В. Гринева

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Анализируются новеллы Конституции Российской Федерации в части регулирования семейных отношений между родителями и детьми. Отмечается усиление публично-правовых начал в обеспечении надлежащего воспитания детей в семье. Автор заявляет о формировании принципиально новой государственной политики, определяющей содержание родительского правоотношения.

Ключевые слова: семейные правоотношения, родительское правоотношение, Конституция РФ, частные и публичные интересы, семейное воспитание.

Родительские правоотношения всегда занимали значительную часть семейных отношений, регулируемых нормами права. Во многом это обусловлено сущностью институтов семьи и брака. Заключение брака имеет своей целью создание семьи и, как правило, именно рождение и воспитание детей соотносится с социальной функцией семьи.

В науке семейного права дискуссия о понятии семьи и брака сохраняет свою актуальность, сопровождаясь лишь усилением тех или иных акцентов. Большинство ученых склонно полагать, что и брак, и семья, которая возникает при заключении брака, предполагают рождение и воспитание детей, продолжение рода и преемственность поколений внутри соответствующей социальной группы [9].

Среди основных начал семейного законодательства, обозначенных в ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации [2] (далее – СК РФ), показан симбиоз понятий семьи и брака, что также свидетельствует о наложении социальных сфер.

Определенным сигналом для формирования в социуме и общественных науках нового представления о социальном предназначении и статусе семьи и брака стало внесение поправки в Конституцию Российской Федерации [1].

Заметим, что представители науки семейного права, анализируя конституционные новеллы, более пристальное внимание уделяют норме о государственной защите института брака как союза мужчины и женщины (ст. 72 Конституции РФ) [7, с. 54].

Полагаем, что новшества конституционно-правового регулирования направлены не только на публичное признание брака исключительно как союза мужчины и женщины. На наш взгляд, государство на уровне Конституции провозгласило идеологические

принципы регулирования семейных отношений, в том числе отношений по семейному воспитанию детей.

Безусловно, норма о государственной защите института брака как союза мужчины и женщины должна восприниматься в контексте регулирования всех семейных отношений, а не только супружеских. Личные неимущественные и имущественные отношения между мужчиной и женщиной, позиционирующих себя супругами, лишь при условии государственной регистрации брака приобретут характер правовых. В то же время, по нашему мнению, эта норма имеет самое непосредственное значение для регулирования семейных отношений между родителями и детьми.

Существование идеальной модели семьи, где родители ребенка состоят в браке между собой, в настоящее время объективно необходимо с целью сохранения традиционных семейных ценностей, формирования у детей правильного представления о значении семьи и брака как формата социальных связей.

К сожалению, совершенно не случайно законодатель на конституционном уровне посчитал необходимым указать, что браком может быть признан лишь союз лиц разного пола.

Фактические брачные отношения занимают значительную часть в структуре организации совместного проживания мужчины и женщины, по тем или иным причинам не желающих регистрировать брак. И, в принципе, современное общество достаточно толерантно к таким союзам. Однако трендом последних десятилетий стали фактические брачные отношения лиц одного пола, которые априори не имеют перспективы оформления как брака, но в плоскости гражданских правоотношений вполне себе уместны.

Полагаем, что при установлении анализируемой нормы Конституции РФ государство четко обозначило ориентиры защиты. Однозначно, брак – это союз только мужчины и женщины, и только тот союз, который зарегистрирован в установленном законом порядке.

Конечно же, заключение брака нельзя рассматривать как необходимое условие для возникновения семейных и, как следствие, родительских правоотношений.

В то же время необходимым видится совершенствование законодательства, регулирующего отношения в сфере применения вспомогательных репродуктивных технологий. В частности, речь идет о возможности обращения к услугам суррогатной матери лиц, не состоящих в браке (так называемых одиноких женщин и одиноких мужчин, претендующих на статус единственного родителя ребенка), а также лиц, не состоящих в браке между собой, но намеревающихся быть записанными в качестве родителей одного и того же ребенка (детей), выношенного и рожденного суррогатной матерью.

Существующие расхождения и пробелы в правовой регламентации названных отношений, несоответствие положений СК РФ, Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [4], Федерального закона «Об актах гражданского состояния» [3], ведомственных подзаконных нормативных правовых актов неоднократно были предметом критики в выступлениях и публикациях как ученых, так и представителей сферы правоприменения. Острота необходимости скорейшего изменения позиции законодателя особенно чувствуется при государственной регистрации рождения ребенка, выношенного суррогатной матерью для мужчины, не состоящего в браке, поскольку указание генетического отца в качестве единственного родителя с одновременным проставлением прочерка в графе «мать» в записи о рождении не соответствует сложившимся традициям организации отношений между родителями и детьми, правилам внесения сведений о родителях и, что более значимо, интересам ребенка.

В рамках настоящей статьи не предполагается характеристика обозначенных несоответствий в механизме правового регулирования отношений по заключению договора с суррогатной матерью. Отметим лишь, что умолчание законодателя о некоторых субъектах договорных отношений порождает злоупотребление правом непоименованными лицами.

На наш взгляд, ч. 3 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» следует изложить в следующей редакции: «Мужчина и женщина, состоящие в браке между собой, имеют право Женщина, не состоящая в браке, также имеет право ... (далее по тексту)»; в ч. 9 этой же статьи необходимо указать: «Суррогатное материнство представляет собой потенциальными родителями, состоящими в браке между собой, ..., либо женщиной, не состоящей в браке, для которых ... (далее по тексту)». Это позволит прекратить легальную на сегодняшний день практику возникновения родительского правоотношения с единственным родителем – отцом, а также родительского правоотношения, где родители не состоят в браке между собой, более того, одномоментно каждый из них может состоять в браке с другим лицом.

Согласимся, мера достаточно императивная, но абсолютно не ограничивающая репродуктивные права мужчин, не состоящих в браке. Ведь цель заключения договора о суррогатном материнстве не может определяться как только вынашивание и рождение ребенка. Заказчики по такому договору должны осознавать отдаленные последствия и свою ответственность за воспитание ребенка, обеспечение интересов и достойных условий для его физического, психического, духовного и нравственного развития.

Воспитание ребенка единственным родителем – отцом изначально противоречит интересам ребенка, у которого формируется искаженное

представление о семье и ее ценностях, об отношениях между мужчинами и женщинами.

Безусловно, противники данного предложения вполне обоснованно могут привести яркие примеры воспитания ребенка отцом, например в случае смерти матери, или при определении места жительства ребенка с отцом. Мы тоже это признаем, но самое главное – приоритет интереса мужчины: при заключении договора о суррогатном материнстве мужчина руководствуется исключительно своим эгоизмом, желанием приобрести статус единственного родителя, но вовсе не интересами будущего ребенка.

По поводу соответствующей поправки в Конституцию РФ Конституционный Суд Российской Федерации дал заключение, в котором наряду с другими моментами отмечается: «Поскольку одно из предназначений семьи – рождение и воспитание детей, в основе законодательного подхода к вопросам демографического и социального характера в области семейных отношений в Российской Федерации лежит понимание брака как союза мужчины и женщины... Данное положение не может рассматриваться как носящее дискриминационный и конституционно недопустимый характер, а призвано отразить сформированные социальные нормы, имманентной целью которых является сохранение и развитие человеческого рода» [5].

Конечно же, дискуссия по вопросу конституционной поправки в части защиты института брака поддерживается и сторонниками обеспечения прав ЛГБТ-сообществ [6, с. 54]. По нашему мнению, усиление морально-нравственных начал в российском законодательстве, в том числе посредством установления предлагаемых нами запретов в сфере применения вспомогательных репродуктивных технологий, позволит сохранить традиционные семейные ценности в современном социуме.

Нельзя не указать и ст. 67.1 Конституции РФ, в которой указывается: «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения» [1].

Именно здесь, на наш взгляд, обозначен главный ориентир всех состоявшихся и предполагаемых новелл в правовом регулировании семейных отношений. Государственная политика, в том числе и в плоскости правового регулирования отношений между родителями и детьми, должна иметь своей целью не просто обеспечение интересов детей, а придание им важнейшего приоритета.

Примечательно, что данный конституционный принцип демонстрирует своеобразный паритет государства и родителей в семейном воспитании детей, ранее если и провозглашаемый, то не на таком уровне.

Напомним, что в соответствии со ст. 63 СК РФ: «Родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей» [2]. Теперь же государство создает условия для надлежащего исполнения родителями своих обязанностей. Согласимся, такое усиление публично-правовых начал в родительском правоотношении значимо и заслуживает одобрения.

Примечательно, что в ст. 72 Конституции РФ среди вопросов, отнесенных к предмету совместного ведения РФ и субъектов РФ, включено и «создание условий для достойного воспитания детей в семье», что, безусловно, предполагает определенные инициативы на уровне субъектов РФ по установлению дополнительных мер государственной поддержки семей, имеющих детей [8].

Безусловно, норма ст. 67.1 Конституции РФ имеет широкий спектр применения, поскольку все должностные лица, действующие от имени государства, должны будут создавать условия содействия родителям. Прежде всего это касается воспитания у детей патриотизма, гражданственности, уважения к старшим. Информационное пространство перенасыщено негативными примерами для подражания, недостоверными сведениями об исторических фактах и героях и т.д., вследствие чего у детей формируется искаженное представление о своем социальном предназначении и ориентирах социально-позитивного поведения. Очевидно, только государственная идеология в интересах детей будет способствовать комплексному и целенаправленному воспитанию подрастающего поколения.

Обращает на себя внимание фраза «уважение к старшим», что, конечно же, объективно вписывается в конструкцию родительского правоотношения. Уважение к родителям, бабушкам и дедушкам как старшему поколению, к сожалению, в последнее время относится к обесценивающимся категориям. Механизм регулирования личных неимущественных отношений, возникающих в сфере воспитания детей, исключает обязанности. Невозможно заставить ребенка любить и уважать родителей, бабушек и дедушек. Однако в ст. 1 СК РФ провозглашается, что «семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения» [2]. Смеем предположить, что в соответствующих статьях СК РФ могут быть установлены новые принципы взаимоотношений ребенка и представителей старшего поколения, которые, что подтверждают материалы

правоприменительной практики и социальный опыт, бывают более любимы и уважаемы детьми, нежели родители.

В то же время нельзя не отметить п. ж. 1 ст. 72 Конституции РФ, в котором к предмету совместного ведения РФ и субъектов РФ отнесен вопрос «создания условий для ... осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях». В настоящее время СК РФ предусматривает лишь обязанность совершеннолетних трудоспособных детей содержать своих нетрудоспособных и нуждающихся в помощи родителей и заботиться о них (выплата алиментов и участие в дополнительных расходах, ст. 87 и 88 СК РФ) [10]. Трудно предположить, что имеется в виду, но данная норма в контексте формирования уважения детей к старшим заслуживает внимания, в том числе и в режиме ожидания инициатив субъектов РФ.

Приоритет семейного воспитания, провозглашенный в СК РФ, также получил новое звучание в соответствующей норме Конституции РФ: государство не только обеспечивает устройство ребенка, оставшегося без попечения родителей, на воспитание в семью (ст. 123 СК РФ), но и берет на себя обязанности родителей. Такой акцент не случаен и свидетельствует о расширении зоны ответственности государства в вопросах воспитания и содержания детей, лишившихся попечения родителей.

Важно учитывать, что содержание отмеченных нами новелл, связанных с семейным воспитанием детей, следует оценивать и воспринимать в контексте всей ст. 67.1 Конституции РФ: сохранение памяти предков есть, в том числе, и уважение истории семьи, бережное отношение к традициям и ценностям внутри своей семьи.

Любые законодательные инициативы и новеллы предполагают разработку и реализацию системы мер материального сопровождения, в связи с чем в ст. 114 Конституции РФ среди полномочий Правительства РФ указано и обеспечение проведения в стране единой социально ориентированной государственной политики в области поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей. Нет сомнений в том, что реализуемые в течение нескольких лет многообразные программы поддержки семей, в которых воспитываются дети, будут продолжены, а спектр направлений средств материальной поддержки расширен, что позволит обеспечить достойные условия воспитания детей в семье и повысить статус родительства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.02.2022).

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

3. Федеральный закон от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // РГ. 1997. № 224.

4. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // РГ. 2011. № 263.

5. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 г. № 1-З «!О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Анисимов Н.Н., Никаноров А.К. Некоторые проблемы закрепления традиционных морально-нравственных ценностей общества в тексте Конституции России на основе анализа поправок 2020 года // Российский правовой журнал. 2021. № 1 (6). С. 49–55.

7. Демичев К.А. На пути к дефиниции: опыт конституционно-правового определения брака в свете поправок в Конституцию // Конституция России и развитие законодательства: сборник материалов II регионального научно-практического круглого стола, посвященного Дню Конституции Российской Федерации (Н. Новгород, 11 декабря 2020 г.). Н. Новгород, 2021, С. 50–54.

8. Замрий О.Н. Законодательная инициатива в сфере регулирования семейных отношений: проблема соотношения частных и публичных интересов // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 1. С. 18–24.

9. Ильина О.Ю. Система координат в семейных правоотношениях: интерес как предпосылка смещения параметров // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 3 С. 13–24.

10. Рязанова Е.А. Конституционная обязанность совершеннолетних трудоспособных детей содержать нетрудоспособных родителей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 7–12.

Об авторе:

ГРИНЕВА Анна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (305040, Курская область, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94); судья Арбитражного суда Московской области, e-mail: annagrin@rambler.ru

ON THE QUESTION OF A NEW IDEOLOGY OF LEGAL REGULATION OF PARENTAL RELATIONSHIP

A.V. Grineva

South-Western State University, Kursk

The author analyzes the novets of the Constitution of the Russian Federation in terms of regulating family relations between parents and children. There is a strengthening of public law principles in ensuring the proper upbringing of children in the family. The author argues about the formation of a fundamentally new state policy that determines the content of the parental legal relationship.

Keywords: *family legal relations, parental relationship, the Constitution of the Russian Federation, private and public interests, family education.*

About author:

GRINEVA Anna – PhD in Law, associate Professor of the Department of Civil Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "South-Western State University" (305040, Kursk Region, Kursk, st. 50 let Oktyabrya, 94); judge of the Arbitration Court of the Moscow Region, e-mail: annagrין@rambler.ru

Гринева А.В. К вопросу о новой идеологии правового регулирования родительского правоотношения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 15–22.

НЕВМЕШАТЕЛЬСТВО В ДЕЛА СЕМЬИ ИЛИ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ТРЕТЬИХ ЛИЦ: ОСНОВАНИЯ И ПРИОРИТЕТЫ

О.Ю. Ильина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Автор исследует некоторые примеры правоприменительной практики с целью выявления оснований и правовых последствий вмешательства третьих лиц в дела семьи. Отмечается значение правового статуса субъекта, намеревающегося установить или опровергнуть семейно-правовые связи, подчеркивается необходимость гармонизации частных интересов представителей разных семей.

Ключевые слова: семейные правоотношения, установление отцовства, наследственные правоотношения, частные интересы, невмешательство в дела семьи.

Семейные правоотношения достаточно разнообразны по своему субъектному составу, что обусловлено социальной характеристикой возможных взаимосвязей.

Заключение брака порождает не только отношения супружества, но и отношения свойства, поскольку не только каждый из супругов становится участником союза «зять–теща/тесть» и «сноха–свекровь/свекр», но и родители супругов становятся свойственниками по отношению друг к другу. Не исключено, что на момент заключения брака у одного или обоих супругов уже есть дети, что влечет за собой установление правовой связи «пасынок/падчерица – отчим/мачеха».

В случае усыновления, по общему правилу, прекращаются правоотношения с кровными родственниками усыновленного и возникают соответствующие правоотношения с усыновителем и его родственниками, что кардинально может изменить структуру семейных правоотношений. Не стоит забывать и о том, что в соответствии со ст. 137 Семейного кодекса Российской Федерации [1] (далее – СК РФ) при усыновлении суд может сохранить личные неимущественные и имущественные права и обязанности усыновленного ребенка с одним из родителей или с родственниками умершего родителя.

Приведенные нами модели структуры семейных правоотношений весьма традиционны, взаимоотношения между субъектами в достаточной мере регламентированы законом, что и перспективы их развития делает вполне ожидаемыми с точки зрения обеспечения прав и интересов членов семьи.

В то же время семья является социальным институтом, открытым для взаимодействия с иными лицами, в том числе не всегда дружественно настроенными к членам семьи. Пикантные ситуации с «любовным

треугольником», эмоциональными трагедиями при донорстве биологического материала или суррогатном материнстве могут вызывать не только общественный резонанс, степень которого зависит от известности действующих лиц, но и необходимость теоретического осмысления сложившейся ситуации с точки зрения применения принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи (ст. 1 СК РФ).

Приведем несколько примеров, которые, на наш взгляд, демонстрируют потребность установления в каждом конкретном случае оснований и формы вмешательства третьих лиц, не являющихся субъектами семейных правоотношений, в дела соответствующей семьи.

Гражданин Ф. обратился в суд с заявлением о расторжении брака (г. Губкин, Белгородская область, 2008 год), указав, что с ответчицей состоит в браке, имеют общую несовершеннолетнюю дочь, но он встретил и полюбил другую женщину. Примечательно, что решением суда в удовлетворении иска было отказано. Это тема отдельного исследования, отметим лишь, что норма п. 1 ст. 22 СК РФ «Расторжение брака в судебном порядке производится, если судом установлено, что дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи невозможны» [1] не исключает отказа в удовлетворении иска, если суд установит, что всё возможно.

Не соглашаясь с данным решением, Ф. подал апелляционную жалобу, в удовлетворении которой было отказано. Суд апелляционной инстанции привел несколько оснований, обосновывающих отказ. Нашего внимания заслуживает следующее: «В судебном заседании апелляционной инстанции установлено, что исковое заявление о расторжении брака писала женщина, у которой проживает истец, он его только подписал, то есть в данном случае в семью Ф. незаконно вмешалось постороннее лицо». И еще одно основание: «Суд апелляционной инстанции признал неубедительными доводы о том, что у истца сложилась новая семья, так как в юридической литературе под семьей принято понимать основанное на браке или родстве объединение лиц, связанных между собою личными и имущественными правами и обязанностями, моральной и материальной общностью, взаимной поддержкой, воспитанием детей, ведением общего хозяйства».

Таким образом, женщина, с которой, со слов Ф., он фактически создал семью, является абсолютно посторонним лицом, совершившим незаконное вмешательство в дела семьи, что и получило соответствующую правовую оценку в судебном заседании. Очевидно, данный брак в итоге все равно был расторгнут, однако позиция суда заслуживает внимания.

Современная действительность, как, впрочем, и жизнь вообще, богаче фантазии (фраза Л.Б. Максимович), в связи с чем приведем еще

несколько реальных семейных историй, сопровождавшихся вмешательством третьих лиц в дела семьи.

Применение вспомогательных репродуктивных технологий, методов искусственного оплодотворения и суррогатного материнства, несмотря на относительно устоявшуюся практику, сопровождается не только, как было отмечено ранее, эмоциями, но и юридическими казусами [4].

Так, И.Б. Вячеславов обратился один из районных судов г. Санкт-Петербурга к Е.Б. Викторовой с иском об установлении отцовства в отношении М.И. Викторовой, 2017 г. рождения (персональные данные участников дела изменены).

В обоснование своего требования указал, что между сторонами и ООО «Клиник7» был заключен договор о проведении процедуры экстракорпорального оплодотворения (далее – ЭКО), в результате которого у ответчицы наступила беременность и родилась дочь. При регистрации рождения дочери ответчица в графе «отец» обозначила прочерк. В то же время истец и до, и после рождения дочери оказывает ответчице материальную помощь, однако ответчица отказывается добровольно явиться в органы загса для установления отцовства по совместному заявлению.

Рассмотрев материалы дела, суд сослался на разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в постановлении Пленума от 16 мая 2017 г. № 16: «п. 32 По смыслу семейного законодательства (пункт 4 статьи 51 СК РФ) рождение ребенка с использованием супругами (одиноким женщиной) генетического материала не влечет установления родительских прав и обязанностей между донором и ребенком независимо от того, было данное лицо известно родителям ребенка или нет (анонимный донор)» [2] – и отказал в удовлетворении иска.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 10 июня 2020 г. было принято новое решение, которым исковые требования Вячеслава И.Б. были удовлетворены.

Обратим внимание на аргументацию, содержащуюся в апелляционном определении.

Во-первых, И.Б. Вячеславов, как следует из медицинских документов, участвовал в программе ЭКО в качестве «супруга (партнера)», это заявление оформлено в соответствии с требованиями закона, поэтому «оно может рассматриваться как основание для лиц, не состоящих в браке, для возникновения прав и обязанностей».

Во-вторых, истец «присутствовал в роддоме в первые часы после родов, встречал из родильного дома дочь и ответчицу, в связи с чем у него возникли родительские права и обязанности в отношении дочери Викторовой М.И.».

Во-третьих, суд первой инстанции пришел к неверному выводу, что истец проходил программу ЭКО в качестве донора половых клеток, так как не мог быть донором по возрастному цензу. В апелляционном определении приводится ссылка на положения п. 62–69 Приказа Минздрава России от 30 августа 2012 г. № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению»: анонимными и неанонимными донорами могут быть мужчины, не достигшие возраста 45 лет. Вячеславов же, 3 февраля 1972 г. рождения, на момент процедуры ЭКО (март 2017 г.) достиг указанного возраста.

Таким образом, суд апелляционной инстанции принял новое решение, удовлетворив требование И.Б. Вячеславова об установлении отцовства. В рамках настоящего исследования эта история познавательна с точки зрения определения субъектов программы ЭКО, поскольку для медицинской организации субъекты «супруг» и «партнер» абсолютно тождественны, и лишь разница буквально в несколько дней обусловила различия в статусе мужчины «донор» и «партнер». По большому счету, с точки зрения семейного законодательства женщина, не состоящая в браке, обладает преимущественным правом при государственной регистрации рождения ребенка в части записи сведений об отце ребенка. Вмешательство же постороннего лица, выступавшего фактически донором спермы, в правоотношения по воспитанию родившегося ребенка не всегда соответствует интересам последнего. Заметим, что данное дело было рассмотрено Верховным Судом Российской Федерации (определение № 78-КФ20-1979-К3).

Приведем еще один пример из сферы применения вспомогательных репродуктивных технологий, также касающийся участия постороннего лица в семейных правоотношениях.

Я.Т. Сергеева обратилась в суд с иском к К.С. Константинову об установлении отцовства в отношении несовершеннолетних В.К. Сергеевой и Л.К. Сергеевой, 3 июля 2017 г. рождения (персональные данные участников дела изменены). В обоснование своих требований истица указывала, что ответчик участвовал в программе ЭКО, в ходе которой подписывал согласие принимать участие в воспитании будущих детей, является отцом ее детей, но в настоящее время отказывается подать совместное заявление в органы загса об установлении отцовства.

Решением одного из городских судов Сахалинской области в удовлетворении иска было отказано. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Сахалинского областного суда было принято новое решение, которым постановлено установить отцовство К.С. Константинова в отношении двух несовершеннолетних детей. Определением Верховного Суда Российской Федерации (№ 64-КГ19-6) апелляционное определение было отменено, а решение городского суда оставлено в силе.

В данной истории обращает на себя внимание следующее.

Во-первых, истица обратилась в медицинский центр с заявлением о проведении процедуры ЭКО, в котором был указан донор – К.С. Константинов. Заявление было подписано истицей и ответчиком, при этом ответчик просил произвести криоконсервацию его спермы на один год и использовать ее в течение указанного срока для оплодотворения Я.Т. Сергеевой. В результате проведения повторного ЭКО 3 июля 2017 г. у истицы родились две дочери.

Во-вторых, отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции указал, что ответчик проходил программу ЭКО как «гражданский муж» (кавычки мои, цитата из судебного акта – О.И.) истицы, индивидуальная карта донора на него не заполнялась, в связи с чем «у него возникли родительские права и обязанности в отношении родившихся у истицы детей».

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отмечает следующее: из материалов дела следует, что Я.Т. Сергеева действительно обратилась в медицинский центр с заявлением об участии в программе ЭКО с использованием спермы донора К.С. Константинова, последний же подписал это заявление в графе «муж». Оформление такого заявления свидетельствует лишь о прохождении истицей и ответчиком процедуры ЭКО.

Примечательно, что в данном определении Судебная коллегия обращается к приложению № 12 названного ранее по тексту Порядка, утвержденного приказом Минздрава России от 30 августа 2012 г. № 107н, где содержится форма соответствующего заявления. Судебная коллегия подчеркивает, что эта форма «не содержит указаний на необходимость обозначения правовых статусов заявителей (муж/жена), в связи с чем подписанное сторонами заявление установленной форме не соответствует. Из этого следует, что данное заявление не может рассматриваться как основание для возникновения прав и обязанностей для лиц, не состоящих в браке».

Далее Судебная коллегия указывает: «При таких обстоятельствах, наличествующая в заявлении фраза “Я обязуюсь...”, исходя из единого контекста и смысла всего заявления, относится к принятию данной обязанности именно лицом, подающим заявление на медицинское вмешательство – истцом».

Естественно, что при таких обстоятельствах вывод суда апелляционной инстанции о том, что в заявлении истицы о добровольном согласии на медицинское вмешательство ответчик, расписавшись в графе «муж», обязался взять на себя все права и обязанности родителя, являются ошибочными.

Весьма корректно Судебная коллегия отмечает и следующее: «Вместе с тем в заявлении К.С. Константинова одновременно подчеркнуты два взаимоисключающих пункта (я обязуюсь взять (не

обязуюсь взять) все права и обязанности родителя в отношении будущего ребенка), что не позволяет сделать вывод о согласии ответчика на принятие на себя прав и обязанностей родителя в отношении будущего ребенка».

Судебная коллегия отмечает и следующие факты:

– К.С. Константинов дал согласие на криоконсервацию его генетического материала на определенный срок и использование его для оплодотворения истицы. Однако договор о донорстве между ответчиком и медицинским учреждением не был заключен по независящим от ответчика причинам;

– базовый этап ЭКО оказался неудачным, беременность истицы не наступила. Однако это позволило считать, что дальнейшие правоотношения между К.С. Константиновым и клиникой ограничивались действием договора о криоконсервации генетического материала;

– на повторную программу ЭКО истица обратилась одна, просила провести ей ЭКО «с использованием ооцитов профессионального донора», подписи от имени К.С. Константинова в этих заявлениях сделаны истицей;

– несмотря на отсутствие договора о донорстве между К.С. Константиновым и клиникой, генетический материал ответчика был использован при проведении медицинского вмешательства истиче как материал неанонимного донора.

И, что не менее важно, суд апелляционной инстанции не учел, что правовое значение для последствий процедуры ЭКО имеет нахождение участников этой программы в браке, «партнерство» женщины, не состоящей в браке с донором спермы, применительно к процедуре ЭКО не может служить достаточным основанием для установления отцовства в судебном порядке.

Заметим, что изучение определений Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ вызывает особый интерес, несмотря на факт отмены судебных актов судов первой и (или) апелляционной инстанций. Логика рассуждений и аргументация, стиль определений, указание на допущенные нарушения норм материального и процессуального права заслуживают внимания и с точки зрения повышения качества судебных актов [5].

Таким образом, будь то донор или партнер по программе ЭКО, муж или «гражданский муж» – для вмешательства (или попытки «вмешаться») в семейные отношения и возникновения соответствующих прав и обязанностей должны быть правовые основания.

Достаточно значимым для формирования судебной практики по делам о наследовании является постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 марта 2021 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской

Федерации, пункта 1 части первой статьи 134 и абзаца второго статьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.С. Шишкиной» [3]. Соответствующая жалоба и позиция Конституционного Суда РФ вызывают интерес именно с точки зрения расширения круга лиц, которые могут вмешаться в семейные правоотношения, в дела семьи.

Как известно, в ст. 52 СК РФ исчерпывающим образом определен круг лиц, которые могут обратиться в суд с иском об оспаривании отцовства и (или) материнства. Заметим, что определенные вопросы вызывает наделение таким правом лица, фактически являющегося отцом или матерью ребенка, ведь с таким заявлением может обратиться кто угодно, и даже при последующем отказе в удовлетворении иска негативные последствия произвольного вмешательства в дела семьи останутся.

Однако основанием обращения гражданки О.С. Шишкиной стала история, связанная с наследованием и требованием об исключении из числа наследников несовершеннолетней. О.С. Шишкина, являющаяся дочерью наследодателя, усомнилась в том, что несовершеннолетняя М. также является наследницей, поскольку наследодатель установил в отношении нее свое отцовство при подаче заявления в орган загса. Районный суд г. Барнаула прекратил производство по делу, поскольку данный иск фактически является иском об оспаривании отцовства, а О.С. Шишкина не относится к кругу лиц, обозначенному в ст. 51 СК РФ. Примечательно, что в результате проведенной судебной почерковедческой экспертизы было установлено, что подпись от имени наследодателя на совместном заявлении матери и отца об установлении отцовства была выполнена не наследодателем, а иным лицом. Однако апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Алтайского краевого суда от 27 марта 2019 г. было принято новое решение – отказать в удовлетворении требования об исключении несовершеннолетней М. из числа наследников. Аргументация все та же: О.С. Шишкина не обладает правом требовать оспаривания отцовства; доводы о том, что наследодатель не является биологическим отцом ребенка, не имеют правового значения, поскольку он при жизни отцовство не оспаривал.

Безусловно, наследственные правоотношения в значительной степени ориентированы именно на семейно-правовые связи, особое значение это приобретает при установлении круга наследников первой очереди. С другой стороны, как определить грань, которую могут переходить наследники при попытке сократить круг наследников, призываемых к наследованию? Не является ли произвольным вмешательством в дела семьи попытка оспорить установление правовой связи между умершим и потенциальным наследником?

Именно такой посыл отмечается и в п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей»: если исковое заявление об оспаривании отцовства или материнства подано, например, одним из наследников лица, записанного в качестве отца или матери ребенка.

Рассмотрев жалобу О.С. Шишкиной, Конституционный Суд РФ признал соответствующие нормы в их взаимосвязи не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой эти законоположения по смыслу, придаваемому им судебным толкованием, служат основанием для отказа наследникам лица, записанного в качестве отца ребенка с нарушениями требований закона (в отсутствие его волеизъявления, на основании подложных документов и т.п.), в принятии искового заявления об аннулировании такой записи, а если производство по делу возбуждено – для прекращения производства по делу без его рассмотрения по существу.

При этом федеральному законодателю предписано внести необходимые изменения в правовое регулирование оспаривания отцовства.

Таким образом, наследники, обладающие информацией о возможных нарушениях при совершении записи об отце, могут вмешаться в дела совершенно посторонней им семьи, защищая исключительно свое право наследования. Обратим внимание, что в жалобе О.С. Шишкиной речь идет о записи, составленной на основании совместного заявления отца и матери ребенка, не состоящих в браке между собой на момент его рождения. Конституционный Суд РФ же отмечает п. 1 ст. 52 СК РФ, что не исключает оспаривание записи об отце, сделанной и в период брака, то есть в рамках презумпции отцовства.

На наш взгляд, такая ситуация выступает наглядным примером проблемы гармонизации интересов членов разных семей при необходимости соблюдения принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996 г. № 1. Ст. 16.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г. № 16 (ред. от 26.12.2017 г.) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // РГ. 2017. № 110.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2021 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пункта 1 части первой статьи 134 и

абзаца второго статьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.С. Шишкиной» // СЗ РФ. 2021. № 11. Ст. 1881.

4. Ильина О.Ю. Статус участников программы экстракорпорального оплодотворения в контексте возникновения родительских прав и обязанностей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 108–116.

5. Туманова Л.В. Право судьи на справедливое судебное разбирательство. // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 2 (66). С. 71–80.

Об авторе:

ИЛЬИНА Ольга Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8737-6386, e-mail: Iina.OY@tversu.ru

NON-INTERFERENCE IN THE FAMILY OR ENFORCEMENT OF THE RIGHTS OF THIRD PARTIES: GROUNDS AND PRIORITIES

O.Y. Ilyina

Tver State University, Tver

The author explores some examples of law enforcement practice in order to identify the grounds and legal consequences of third parties' interference in family affairs. The importance of the legal status of a subject intending to establish or refute family legal ties is noted, the need to harmonize the private interests of representatives of different families is emphasized.

Keywords: *family legal relations, establishing paternity, inheritance relations, private interests, non-interference in family affairs.*

About author:

ILYINA Olga – Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Law of the Faculty of Law Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 8737-6386, e-mail: Iina.OY@tversu.ru

Ильина О.Ю. Невмешательство в дела семьи или обеспечение прав третьих лиц: основания и приоритеты // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 23–31.

Актуальные вопросы публичного права

УДК 342.3

DOI: 10.26456/vtpravo/2022.2.032

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В РАЗВИТИИ ПРИНЦИПА ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В.П. Бауэр¹, П.И. Бурак¹, А.Н. Сухарев²

¹ АО «Институт региональных экономических исследований», г. Москва

² ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассмотрены конституционные аспекты моделей правового управления. Дана оценка внедрению в государственное управление риск-ориентированного подхода. Раскрыта система мер контроля ошибок в государственном управлении.

Ключевые слова: конституционалисты, государственное управление, модели правового управления, антикризисное управление, риск-ориентированный подход.

Согласно сложившейся в российской юридической науке традиции, под конституционной экономикой понимается, во-первых, междисциплинарная система юридических и экономических идей с преобладанием юрикоцентристского подхода [3], и, во-вторых, юридическое направление в науке конституционного права, описывающее и изучающее взаимное влияние конституционно-правовых и экономических факторов на принятие стратегических экономических решений [4]. Конституционалистами считают специалистов любых направлений хозяйственной деятельности, которые увязывают Конституцию РФ со своими теоретическими и практическими задачами [20]. На основе этого можно считать, что для поиска подходов к развитию государственного управления принципы конституционной экономики могут представить более широкие возможности, чем существующие в настоящее время в экономике прочие принципы корпоративного менеджмента [19].

В развитии принципов конституционной экономики в России значительную роль имеют работы [8–10], в которых присутствуют убедительные призывы граждан решать свои социально-экономические проблемы в контексте следования духу и букве Конституции РФ. Однако после изучения вышеперечисленных работ можно понять сожаление некоторых ученых [14] о том, что совместные исследования юристов и экономистов до сих пор не стали определяющими в юридической и экономической науке и практике о государственном управлении.

Обоснованность государственного вмешательства – это уместность государственного вмешательства, когда подведомственная система

перестала обеспечивать поставленные ранее стратегические цели или выполнять стратегические задачи либо не сможет это делать в ближайшее время. Обоснованность государственного вмешательства может быть обеспечена субъектами управления за счет системного использования конституционных правовых моделей управления [15], которые формируют четыре метода вмешательства в деятельность субъектов социума: учредительный, регламентационный, регуляционный и коррекционный (правоохранительный). Данные модели создают уникальную закономерность юридической науки – юридические технологии конституционной экономики с нормативным порядком государственного вмешательства, а технологии управления задают официальную позицию субъектов государственного управления по отношению к социальным явлениям и процессам и обеспечивают этим функциональность конституционного права в том числе через эталонность поведения в конкретных ситуациях.

В контексте наличия как явного, так и скрытого управленческого потенциала Государственного Совета РФ [11] формат использования субъектами государственного управления указанных выше моделей правового управления в целях обеспечения принципа обоснованности государственного вмешательства на федеральном, региональном и муниципальном уровнях может быть представлен в их системной увязке следующим образом: модели правового управления определяют соответствие предмета государственного вмешательства конституционным принципам государства, а три уровня государственного управления характеризуют функции, выполняемые субъектами государственного управления на этих уровнях.

Рассмотрим подробнее конституционные и прочие важные управленческие аспекты моделей правового управления.

Так, учредительство государственного управления основано на административно-правовых моделях, обеспечивающих обоснованность государственного вмешательства на соответствующих уровнях управления. Этот вид управления формируют следующие источники права: статуты, манифесты, соглашения, традиции, дефиниции, общественное мнение, духовно-нравственные устои, акты-признания, международные договоры, акты-транскрипции, меморандумы, пакты, принципы и стандарты.

Регламентация государственного управления основана на руководстве отраслями и сферами социальной жизни на соответствующих уровнях управления. Ее формируют следующие источники права: стандарты, акты общего действия, программы, нормативные договоры, режимные акты, акты планирования, методики, прогнозы, административный инцидент, проекты, коллегиальные решения и концепции, усмотрения (альтернативы), директивы.

Регулирование государственного управления основано на специализации юридических средств или их переносе на разные типы занятости населения соответствующих уровней управления. Его формируют следующие источники права: протоколы координации экономического поведения, кодексы, договоры и обычаи делового оборота, прецеденты, доктрины, отраслевые соглашения, корпоративные правила и распорядительные акты, транспозиции и, наконец, воля работодателя.

Правовая охрана государственного управления предполагает уголовную и дисциплинарную коррекцию поступков, отвечающих или не отвечающих имеющемуся правопорядку на соответствующих уровнях управления. Ее основу формируют следующие источники права: законы, решения высшей судебной инстанции, судебные выступления, вердикты присяжных заседателей, критерии преступности, дисциплинарные уставы, коллегиальные решения органов управления, материалы служебных проверок, решения дисциплинарных комиссий, идеология, ключевые показатели эффективности.

В целях обеспечения развития принципов государственного управления на практике предлагается использовать программно-целевой подход. Его необходимо реализовать путем разработки технологических карт управления для субъектов соответствующих уровней управления. Карты должны включать в себя как мероприятия по обеспечению обоснованности государственного вмешательства, так и оценку последствий государственного управления, трактуемых как его результативность и эффективность.

В проекте закона о государственном управлении под принципом результативностью государственного управления понимается степень достижения конечных общественно значимых результатов, промежуточных результатов и непосредственных результатов, целевых (пороговых) значений показателей. Вместе с тем, как показали мировые экономические и финансовые кризисы последнего времени, в частности текущая пандемия коронавируса, государственное управление требует совершенствования своей системы в части повышения результативности принятия решений субъектами государственного управления в условиях рисков и угроз различного характера. На наш взгляд, это можно сделать на конституционной основе за счет директивного использования в системе государственного управления антикризисного компонента, который активно внедряется многими хозяйствующими субъектами [5]. Рассмотрим подход, на основе которого данный инструментарий можно реализовать в рамках конституционной экономики.

В последние годы риск рассматривается как универсальная концепция, вокруг которой выстраивается организация деятельности в рамках государственного управления с целью улучшения его качества, эффективности и результативности с учетом возможных

неблагоприятных последствий (в сравнении с традиционными подходами). Внедрение риск-ориентированного подхода в государственное управление имеется во Франции, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Канаде и других странах. Риски девиантного поведения государственных служащих и, как результат, всей системы государственного управления представлены и проанализированы в работах [7, 12, 18]. В контрольно-надзорной деятельности необходимо использовать риск-ориентированный подход, который применяется хозяйствующими субъектами при организации внутреннего аудита и антикризисного управления [2, 13, 17].

Указанные выше факты делают целесообразным для разработки антикризисного компонента системы государственного управления использовать риск-ориентированный подход. На его основе должна совершенствоваться структура государственного управления таким образом, чтобы риск-ориентированные (превентивные, реактивные и реабилитационные) решения субъектов управления способствовали более результативной реализации моделей правового управления в целях удовлетворения потребностей государства, населения и бизнеса.

Основные принципы проактивного антикризисного управления – предусмотреть и предотвратить, а его основой является пилотная, исследовательская и упреждающая деятельность [6]. Основные принципы реактивного антикризисного управления заключаются в преодолении выявленного кризиса за счет подготовительных, текущих и закрепляющих мероприятий. Основные принципы реабилитационного антикризисного управления заключаются в усилении положительных изменений от управленческих воздействий превентивного и реактивного антикризисного управления.

Риск-ориентированное государственное управление представляет собой находящуюся в структурно-функциональном единстве совокупность институциональных механизмов, концептов, топологии и логики стратегического и текущего мониторинга и прогностической оценки сопряженных с государственным управлением рисков, а также правовых и организационно-администрирующих инструментов и процедур проектирования, алгоритмизации, программирования, реализации, обеспечения, валидации и контроля государственного управления (прежде всего кризисно-превентивного) в целях раннего (в том числе преэмптивного) выявления, идентификации и оценки таких рисков, подбора и применения релевантных инструментов оперирования такими рисками [1].

Деятельность по управлению рисками в системе государственного управления может вестись системно и на длительной перспективе, но в рамках оперативно проводимых экстренных антикризисных мер может осуществляться и в «ручном режиме».

Результативное управление рисками является крайне сложным. Сама тема риск-ориентированного государственного управления находится еще пока в начальном периоде разработки, нуждаясь в дополнительных научных исследованиях. В органах государственного управления риск-ориентированный подход сталкивается со множеством проблем, обусловленных природой предметно-объектной области управления и особенностями самой системы управления, к числу которых следует отнести следующие:

- проблема ошибок, системных сбоев и других дефектов государственного управления (в том числе субъективно-обусловленных);

- специфически ограниченная предметно-объектная и функциональная применимость риск-ориентированного подхода в государственном управлении;

- характерные для рисков государственного управления взаимосвязанность и интерсекциональность, совокупность рисков различных видов и различной природы, что требует комплексного к ним подхода, поскольку «подавление» рисков по одному виду государственного управления может привести к возрастанию вероятности их актуализации и воплощения (с синергетическими эффектами) в других его видах;

- проблемы, связанные с оперативным сопряжением момента фиксации и признания факта возникновения или высокой вероятности актуализации и воплощения рисков и момента начала принятия мер реагирования в условиях временной ограниченности. Реагирование субъектов государственного управления может запаздывать, не в состоянии оперативно устранять причины изначальных проблем, может само по себе иметь достаточно серьезные непредвиденные негативные последствия.

Государственное управление, как и любой другой вид деятельности, невозможно без ошибок (даже малейших). Здесь мониторинг и ликвидация ошибок (как и в любом ином процессе) является делом весьма сложным, трудоемким, но все же возможным. Кратко рассмотрим особенности мониторинга ошибок государственного управления, исследованные в работе [16].

К ним относятся:

- раннее выявление ошибок по их маркерам или факторам риска;

- пруденциальный внутренний контроль ошибок;

- «перехват» ошибок.

Согласно предлагаемому риск-ориентированному подходу, система мер контроля ошибок в государственном управлении может и должна включать:

- построение системы статического и динамического ранжирования выявленных, выявляемых и (или) не исключаемых ошибок (с текущими систематическими проверками и подтверждениями действительных

текущих «статусов» ошибок), исходя из атрибутируемых (на максимально возможно достижимых объективных основаниях) им весовых характеристик, ранжирования (высокоприоритетные – низкоприоритетные) задач по оперированию такими ошибками (система должна предупреждать ситуации, когда происходит «забывание» об ошибках при их значительном количестве, «пропуск» ошибок, в том числе в силу необоснованной оценки таковых как низкоприоритетных, система должна предупреждать нарушение очередности работы с ошибками);

– разработка, закрепление и внедрение специальных процедур устранения, нейтрализации и исправления последствий ошибок в государственном управлении, появление и реализация которых не были заблаговременно выявлены и предотвращены;

– выделение специального канала информирования руководства о том, сколько ошибок и условий для их рецидива исправлено (в какой мере исправлено, каковы негативные последствия от проявления этих ошибок), сколько пар «ошибка – условия для ошибки» ждут оперирования и в какой очереди приоритетности (каким ошибкам следует уделить первоочередное внимание, а с какими работу возможно отложить на некоторое время);

– введение системы тестирований и верификации действительного качества примененных инструментариев устранения условий, предпосылок и прекурсоров ошибок в государственном управлении, превенции собственно таких ошибок, устранения, нейтрализации и исправления последствий таких ошибок, а также самопроверки и внешней проверки действий тестируемых (с минимизацией объемов институализированных форм таких систем и численности их персонала).

Под «перехватом» ошибок в государственном управлении понимается реализация мер оперативного опережающего (по возможности проактивного) реагирования, направленных на прекращение влекущих ошибку и (или) ошибочных действий руководителя или исполнителя в системе государственного управления до того, как этот субъект совершит непоправимые (или сложно-поправимые) действия, в том числе в продолжение уже совершенных некорректных действий, и до того, как таковые повлекут существенный вред, и принудительная корректировка таких действий, а также нейтрализация актуализирующихся прекурсоров ошибок.

Процесс ликвидации (реабилитации, компенсации) негативных последствий совершенной (случившейся) ошибки в государственном управлении должен включать следующие этапы:

- обнаружение отклонений, выявление симптомов и т. д.;
- локализация причины (причин), то есть диагностика в строгом смысле;

– коррекция: отклонения путем своевременных и эффективных корректирующих действий «обнуляются», и система вновь возвращается к стабильному состоянию.

Предложенный выше подход дает большую надежду относительно перспектив развития не только научного направления по исследованию риск-ориентированного государственного управления, но и реализацию на практике его антикризисного компонента.

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что повышение эффективности и результативности государственного управления должно включать всемерное внедрение риск-ориентированного подхода, а по сути, использовать научно-практический потенциал, накопленный в сфере предпринимательства. Принципы риск-ориентированного государственного управления должны опираться на базовые правовые конструкции, определенные в Конституции РФ.

Список литературы

1. Антонова Н.А. Особенности правового регулирования контрольной деятельности государства на современном этапе // Вестник ТвГУ, Серия: Право. 2020. № 4. С. 23–29.
2. Безденежных В.М., Родионов А.С. Проактивный риск-ориентированный подход в сценарном планировании деятельности хозяйствующих субъектов // Экономика. Налоги. Право. 2017. Т. 10. № 6. С. 76–83.
3. Бузуртанова М.А. Анализ конституционного подхода к экономике // Юридический факт. 2020. № 86. С. 7–11.
4. Гаджиев Г.А. Меморандум // Ежегодник конституционной экономики. 2019. М.: ЛУМ, 2019. С. 7–17.
5. Губин В.А., Щепакин М.Б., Хандамова Э.Ф. Управление нестабильным предприятием с использованием антикризисного компонента: монография. Краснодар: КубГТУ, 2020. 240 с.
6. Давыдова Н.С. Проактивный менеджмент в органах государственной власти // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2015. Т. 25. № 5. С. 38–43.
7. Долфсма В. Провалы государства. Общество, рынки и правила / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под ред. Д. Кадочникова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 252 с.
8. Захаров Г.Н. Конституционное будущее России сквозь призму социально-экономических прав и свобод человека // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2. С. 56–61.
9. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 719 с.

10. Зорькин В.Д. Право против хаоса: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 367 с.

11. Калинина Е.Г. Скрытый правовой статус Государственного совета Российской Федерации // Уральский Форум конституционалистов (Екатеринбург, 7–12 октября 2019 года). Выпуск 5 / отв. ред. М.С. Саликов. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. Ч. 1. С. 103–109.

12. Куриц С.Я., Воробьев В.П. Болезни государства: диагностика патологий системы государственного управления и конституционного права. 2-е изд., испр. и доп. М.: Национальное обозрение, 2010. 502 с.

13. Ларионов И.К. Антикризисное управление: учебник. М.: Дашков и К, 2015. 247 с.

14. Ливеровский А.А. Конституционное регулирование экономических процессов // Ежегодник конституционной экономики. 2019. М.: ЛУМ, 2019. С. 18–38.

15. Осинцев Д.В. Правовые модели управления: монография. М.: ИНФРА-М, 2019. 308 с.

16. Понкин И.В. Девиантология государственного управления: учебник. М.: ИНФРА-М, 2020. 301 с.

17. Распопов В.М., Распопов В.В. Превентивное антикризисное управление: учебное пособие. М.: Магистр, 2012. 429 с.

18. Сухарев О.С. Теория дисфункций: проблема управления и уточнение целей экономического развития // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 1. С. 95–112.

19. Шишкин С.Н. Предпринимательно-правовые основы государственного регулирования экономики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Институт государства и права РАН, 2012. 53 с.

20. Якимова Е.М. Конституционные права в сфере предпринимательской деятельности и особенности их субъектов-носителей // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1 (98). С. 66–72.

Об авторах:

БАУЭР Владимир Петрович – доктор экономических наук, главный научный сотрудник АО «Институт региональных экономических исследований», г. Москва (119002, г. Москва, ул. Сивцев Вражек, 29/16), SPIN-код: 6833-1195, e-mail: bvr09@mail.ru

БУРАК Петр Иосифович – доктор экономических наук, профессор, директор АО «Институт региональных экономических исследований», г. Москва (119002, г. Москва, ул. Сивцев Вражек, 29/16), SPIN-код: 3025-1463, e-mail: irei@irei.ru

СУХАРЕВ Александр Николаевич – доктор экономических наук, профессор кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2416-1054, e-mail: su500005@yandex.ru

**CONSTITUTIONALISM IN THE DEVELOPMENT
OF THE PRINCIPLE ENSURE THE PERFORMANCE OF STATE
ADMINISTRATION**

V.P. Bauer¹, P.I. Burak¹, A.N. Sukharev²

¹ JSC Institute for Regional Economic Research, Moscow

² Tver State University, Tver

The constitutional aspects of models of legal management are considered. An assessment is made of the introduction of a risk-based approach into public administration. The system of error control measures in public administration is disclosed.

Keywords: *constitutionalists, public administration, models of legal administration, anti-crisis management, risk-based approach.*

About authors:

BAUER Vladimir – Doctor of Economics, Chief Researcher of JSC "Institute for Regional Economic Research", Moscow (119002, Moscow, Sivtsev Vrachek St., 29/16), SPIN code: 6833-1195, e-mail: bvp09@mail.ru

BURAK Peter – Doctor of Economics, Professor, Director of JSC "Institute for Regional Economic Research", Moscow (119002, Moscow, Sivtsev Vrachek St., 29/16), SPIN code: 3025-1463, e-mail: irei@irei.ru

SUCHAREV Alexander – Doctor of Economics, Professor of the Chair of Constitutional, Administrative and Customs Law of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), SPIN-code: 2416-1054, e-mail: su500005@yandex.ru.

Бауэр В.П., Бурак П.И., Сухарев А.Н. Конституционализм в развитии принципа обеспечения результативности государственного управления // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 32–40.

СПЕЦИФИКА И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ ГЛАВЫ 22 КОДЕКСА АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О.В. Жукова, Л.В. Туманова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассмотрены специфика и пределы применения судебного порядка оспаривания решений, действий (бездействия) органов государственной власти и органов местного самоуправления в административном судопроизводстве. Проанализированы процессуальные особенности рассмотрения дел данной категории, выявлены основные проблемы, возникающие при предъявлении административного искового заявления, судебном разбирательстве, обжаловании судебного акта.

Ключевые слова: *судебная защита, административное судопроизводство, судебный контроль.*

Административное судопроизводство юридически оформилось в 2015 г. с принятием Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ), но путь к этому закону был сложным и противоречивым, и процесс его формирования продолжается. Фундаментом административного судопроизводства является защита публичного интереса, который даже не всегда полностью очевиден, «скрываясь» в отношениях, которые, на первый взгляд, выглядят как частноправовые, а системообразующим выступает спор гражданина с властью в самом широком понимании этого.

Надо признать, что действующий КАС РФ был принят достаточно быстро, и поэтому дискуссии вокруг него продолжаются до сих пор. Введение административного судопроизводства назрело объективно, поскольку жизнь выдвигала все новые проблемные ситуации, когда необходим судебный контроль в сфере публичных правоотношений.

При обсуждении предполагаемого закона об административном судопроизводстве в течение двух десятков лет выдвигались различные концепции, но большинство полагало, что структура должна быть именно такой, как в КАС РФ: с выделением общей части и особенностей рассмотрения отдельных категорий дел. Единственное, что не было учтено при выборе такой системы, то, что число дел будет неизменно возрастать и, соответственно, требовать специального процессуального закрепления. Разумеется, что рамки одного закона не могут включать разрешение всех возможных правовых ситуаций, и даже изначально перечень административных дел, закрепленный в ст. 1 КАС РФ, не совпадает с названием глав, которые регулируют особенности их рассмотрения. Появляются новые категории дел, «которые прямо не

указаны, но имеют публично-правовую природу и обусловлены необходимостью судебного контроля за осуществлением основных прав и свобод» [2, с. 108]. К таким делам применяются общие правила административного судопроизводства и правила какой-либо главы, наиболее совпадающей по защищаемым правам и интересам.

Особенная часть КАС РФ в соответствии со ст. 1 делит административное судопроизводство практически на два вида: дела о защите прав и законных интересов в правоотношениях, имеющих публично-правовую природу, и дела, связанные с осуществлением обязательного судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Хотя не все авторы это признают, но характер дел с очевидностью свидетельствует о двух видах административного судопроизводства.

Дополнения в КАС РФ и судебная практика свидетельствуют о том, что предмет административного судопроизводства расширяется, прежде всего потому, что в сферу судебного контроля попадает все большее число прав и свобод. Причем, учитывая особенности соответствующих прав и свобод, сложно применять процессуальные правила по аналогии, следовательно, должны появляться новые главы.

Растет и число ситуаций, когда необходима защита прав и законных интересов в рамках публичных правоотношений, что достигается расширением сферы применения гл. 22 КАС РФ «Производство по административным делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих». Как следует уже из названия, перечень дел, которые можно рассматривать по правилам этой главы, поистине безграничен: отказ в выезде за рубеж; оспаривание действий судебных приставов-исполнителей; защита права на проведение публичных мероприятий; защита прав лиц, находящихся в ситуации лишения или ограничения свободы; бездействие власти в части обеспечения качества дорог или строительства детских дошкольных учреждений, оспаривание решений экзаменационных комиссий по приему экзамена на должность судьи; оспаривание решений квалификационных коллегий судей при отказе в даче рекомендации или применении мер дисциплинарной ответственности, не связанных с досрочным прекращением полномочий судьи; этот перечень можно продолжать, но он не будет исчерпывающий.

Такие широкие возможности применения гл. 22 КАС РФ позволяют обеспечить защиту прав и интересов в самых различных ситуациях, но все-таки возникают вопросы о том, применим ли такой судебный порядок в том или ином случае, а также не является ли универсальность

процессуальных правил в определенных случаях отрицательным фактором.

Анализируя содержание всех глав, которые можно отнести к первому виду административного судопроизводства, собственно исковому, можно заметить, что главы о производстве в Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ, о защите избирательных прав, оспаривании результатов кадастровой оценки и требования о компенсации за нарушение разумных сроков судопроизводства, являются, по сути, особенностями действия гл. 22 КАС РФ, так как обжалуются действия и решения органов и лиц, выполняющих публичные функции.

Специальное процессуальное регулирование, безусловно, положительно сказывается на эффективности судебной защиты. Поэтому очень важно, чтобы во всех случаях, когда имеется специфика материальных правоотношений, были установлены дополнительные процессуальные правила.

Не менее значима проблема разграничения компетенции между административным судопроизводством и гражданским процессом. Далеко не все спорные ситуации, возникающие из правоотношений, имеющих публично-правовую природу, подлежат разрешению в порядке гл. 22 КАС РФ. Так, например, споры, возникающие из образовательных правоотношений, будут рассматриваться по правилам гражданского процесса.

Представляется, что именно законодатель должен выработать и нормативно закрепить критерии отнесения дел к административному судопроизводству. Соответствующие разъяснения Верховного Суда РФ очень важны, но не могут заменить правового регулирования.

Одним из вопросов, который требует четкого законодательного решения, является определение процессуального порядка разрешения дисциплинарных споров. В своей статье, посвященной определению процессуальной формы производства по административным делам, Э.Л. Лещина проанализировал различные взгляды на правовую природу дисциплинарных дел, обосновал, что этим делам присуща самостоятельная процессуальная форма, даже выявил элементы процессуально-правового механизма, но при этом так и дал четкого ответа, относятся ли эти дела к административному судопроизводству, поскольку все время применял понятие «административно-процессуальные средства», не объяснив, какие процессуальные средства должны применяться [4, с. 38–47].

Исследования Е.Н. Кулюшина, касающиеся особенностей суда первой инстанции как субъекта административного судопроизводства, позволили ему дополнительно аргументировать «необходимость включения в перечень альтернативных предметных полномочий суда полномочия по рассмотрению дел, касающихся служебных споров по

государственной и муниципальной службе, споров о выплате пенсий, пособий и иных гарантиях социальной защиты слабой стороны в процессе» [3, с. 13]. Эта позиция предполагает, что вопросы дисциплинарной ответственности государственных и муниципальных служащих должны быть отнесены к административному судопроизводству и рассматриваться по правилам гл. 22 КАС РФ. Обнадеживает и предложение о таком критерии, как «слабая сторона» для расширения предметной компетенции в сфере административного судопроизводства. По такому критерию большая часть дел, затрагивающих интересы детей, должна относиться к административному судопроизводству, поскольку дети – точно слабая сторона. Но эта проблема заслуживает самостоятельного рассмотрения.

Дисциплинарная ответственность государственных и муниципальных служащих бесспорно должна входить в предмет административного судопроизводства. И это определяется не только тем, что в этих спорах другой стороной выступает государственный или муниципальный орган, а прежде всего тем, что государственный или муниципальный служащий сам является носителем этой власти, а значит, то, как лицо выполняет свои обязанности, влияет на права и интересы граждан. Следовательно, суд, разрешая спор, связанный с дисциплинарной ответственностью государственного или муниципального служащего, своим решением влияет на качество власти, поэтому очень важно учитывать не только интересы административного истца, который обжалует взыскание или увольнение со службы, но и интересы неопределенного круга лиц, на которых распространяется юрисдикция такого лица.

Суд должен исключить применение мер дисциплинарной ответственности как средство воздействия на «неудобных» лиц. В этой связи с очевидностью встает необходимость проверки не только законности, но и обоснованности примененных мер дисциплинарного воздействия. Это некоторым образом противоречит общей доктрине применения гл. 22 КАС РФ, что с неизбежностью приводит к необходимости специального процессуального регулирования данной категории дел.

Еще один важный аспект административного судопроизводства в целом и данной категории дел – это противодействие злоупотреблению правом. Необходимо определить баланс между правилами, обеспечивающими доступность судебной защиты, и мерами, способными эффективно противодействовать злоупотреблению процессуальными правами [8, с. 73]. Применительно к рассмотрению дисциплинарных споров возможно злоупотребление правом на обращение в суд, закрепленное в правовых позициях Европейского Суда по правам человека: обращение в суд с целью добиться популярности. Это очень сложно установить на стадии возбуждения дела, но в процессе

подготовки необходимо. Пока в нашем законодательстве нет прямого указания на возможность отказа в приеме заявления, если это заведомо является злоупотреблением правом, но совершенствование законодательства продолжается.

От рассуждений о процессуальной природе дел, связанных с дисциплинарной ответственностью государственных и муниципальных служащих, необходимо перейти к процессуальным особенностям таких дел.

Глава 22 КАС РФ, закрепляя процессуальные особенности производства по административным делам об оспаривании правового акта высшего должностного лица субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ), об отрешении от должности главы муниципального образования, об оспаривании решения представительного органа муниципального образования о самороспуске или об оспаривании решения представительного органа муниципального образования об удалении в отставку главы муниципального образования, устанавливает 10-дневный срок для обращения в суд с административным иском (ч. 2 ст. 219), судебного разбирательства (ч. 2 ст. 226), обжалования судебного акта (ч. 2 ст. 298) и рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции (ч. 4 ст. 305). Представляется, что сокращенные сроки обусловлены необходимостью своевременного рассмотрения административного дела, так как общая продолжительность судопроизводства по административному делу напрямую затрагивает интересы жителей данного муниципального образования.

В судебной практике возникали вопросы о подсудности рассмотрения заявленных требований в связи с тем, что ст. 20 КАС РФ не содержит прямого указания на подсудность этих дел судам уровня субъекта РФ. Верховный Суд РФ разъяснил правила родовой подсудности: административные дела о признании неправомочным состава представительного органа муниципального образования в силу п. 13 ч. 1 ст. 20 КАС РФ в качестве суда первой инстанции рассматривают суды уровня субъекта РФ. Поскольку предметом судебной проверки является акт высшего должностного лица субъекта РФ, влекущий аналогичное правовое последствие, а именно прекращение деятельности органа местного самоуправления, эта категория административных дел в соответствии с ч. 4 ст. 2 КАС РФ также подсудна судам уровня субъекта РФ [11].

Необходимо предусмотреть и особый порядок применения мер предварительной защиты по административному иску. В частности, суд при рассмотрении вопроса в порядке ст. 223 КАС РФ о приостановлении решения об отрешении от должности главы муниципального образования должен исходить из «двойственности» правовой природы сложившихся правоотношений. С одной стороны, это публичные

правоотношения, связанные с исполнением полномочий должностного лица. С другой – трудовые правоотношения, стороной которых является административный истец.

Следует обратить внимание и на пределы рассмотрения административного дела. Статья 226 КАС РФ закрепляет, что суд проверяет законность решения, действия (бездействия) в части, которая оспаривается, и в отношении лица, которое является административным истцом, или лиц, в защиту прав, свобод и законных интересов которых подано соответствующее административное исковое заявление. При проверке законности этих решения, действия (бездействия) суд не связан основаниями и доводами, содержащимися в административном исковом заявлении, и выясняет обстоятельства в полном объеме. В частности, ч. 9 и 10 этой статьи устанавливают обстоятельства, подлежащие выяснению при рассмотрении административного дела: соблюдены ли требования нормативных актов, устанавливающих полномочия на принятие оспариваемого решения, порядок и основания.

В соответствии с ч. 1 ст. 74 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» высшее должностное лицо субъекта РФ может издать правовой акт об отрешении от должности главы муниципального образования только в двух случаях: 1) издание нормативного правового акта, противоречащего законодательству РФ, уставу муниципального образования, если такие противоречия установлены судом, а это должностное лицо в течение двух месяцев со дня вступления в силу решения суда либо в течение иного предусмотренного решением суда срока не приняло в пределах своих полномочий мер по исполнению решения суда; 2) совершение действий, в том числе издание правового акта, не носящего нормативного характера, влекущих нарушение прав и свобод человека и гражданина, угрозу единству и территориальной целостности РФ, национальной безопасности РФ и ее обороноспособности, единству правового и экономического пространства РФ, нецелевое использование межбюджетных трансфертов, имеющих целевое назначение, бюджетных кредитов, нарушение условий предоставления межбюджетных трансфертов, бюджетных кредитов, полученных из других бюджетов бюджетной системы РФ, если это установлено соответствующим судом, а указанное должностное лицо не приняло в пределах своих полномочий мер по исполнению решения суда [1].

В определении Конституционного Суда РФ от 16 января 2018 г. № 12-О даны разъяснения о том, что порядок и условия издания высшим должностным лицом субъекта РФ правового акта об отрешении от должности главы муниципального образования зависит от совершения указанным должностным лицом действий, влекущих определенные неблагоприятные последствия, если это установлено судом, а также, если

указанное должностное лицо не приняло в пределах своих полномочий мер по исполнению решения суда. Наступление ответственности главы муниципального образования связано с действиями, влекущими определенные неблагоприятные последствия для публичных и частных интересов. Это само по себе не может пониматься таким образом, что прямо не упомянутое в норме бездействие должностного лица, порождающее те же (аналогичные) негативные последствия, выведено за рамки и не подлежит пресечению посредством конкретной меры государственно-правового принуждения [9].

Таким образом, высшее должностное лицо субъекта РФ не может отрешить от должности главу муниципального образования по мотиву целесообразности, потери доверия и т.п. [5, с. 18–23], исключительно только в случае, если судом установлено в действиях (бездействии) должностного лица нарушение закона, которое привело к определенным неблагоприятным последствиям. Обязанность по доказыванию этих обстоятельств возлагается непосредственно на лицо, принявшее оспариваемое решение (п. 11 ст. 226 КАС РФ).

Анализируя основания для отрешения от должности, И.А. Третьяк приходит к выводу, что на высшее должностное лицо субъекта РФ возложены функции по определению достаточности принятых главой муниципального образования мер по исполнению решения суда, полагая, что заложенное в данной правовой норме усмотрение порождает возможность злоупотребления правом со стороны указанного правоприменителя [7, с. 63–66].

Для того чтобы не допустить «злоупотребления правом со стороны правоприменителя», высказываются предложения о необходимости вовлечения законодательных (представительных) органов субъектов РФ в процесс принятия решений об отрешении от должности главы муниципального образования, чья рекомендация предшествовала бы окончательному вердикту высшего должностного лица субъекта РФ. В этом случае процедура предварительного рассмотрения вопроса может способствовать реализации прав и законных интересов «обвиняемой» стороны, т.е. главы муниципального образования [6, с. 6–10].

Законодательное закрепление сокращенных сроков рассмотрения таких дел, безусловно, должно затрагивать и процессуальный порядок подготовки и принятия решений суда в части установления сроков для составления мотивированного решения и закрепления порядка исполнения решения суда. Мотивированное решение суда должно быть составлено судом в день принятия данного решения или в возможно короткие сроки после окончания судебного заседания по аналогии с ч. 4 ст. 227 КАС РФ. При принятии решения суду необходимо рассмотреть вопрос о немедленном исполнении решении суда, исходя из целесообразности такого исполнения в каждой конкретной ситуации. Например, возможно немедленное исполнение решения суда по аналогии

со ст. 211 ГПК РФ, предусматривающей немедленное исполнение решения суда о восстановлении на работе. Не вызывает сомнения и закрепление положения об обязательном опубликовании решения суда в официальном печатном издании органа государственной власти субъекта РФ.

Список литературы

1. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 8 окт.
2. Жукова О.В., Огаркова Н.О. Перспективы развития административного судопроизводства в России (на основе материалов межрегиональной научно-практической конференции) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 4. С. 100–108.
3. Кулюшин Е.Н. Суд первой инстанции как субъект административного судопроизводства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 31 с.
4. Лещина Э.Л. Процессуальная форма по дисциплинарным делам // Lex Russica. 2022. Т. 75. № 1. С. 38–47.
5. Семенов М.И. Контроль законности деятельности органов местного самоуправления судами общей юрисдикции // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 11. С. 18–23.
6. Семенов М.И. Проблемы совершенствования процессуальных основ временной государственной администрации и досрочного прекращения полномочий органов местного самоуправления по решению государственных органов // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2021. № 1. С. 6–10.
7. Третьяк И.А. Конституционно-правовой конфликт в муниципальном праве // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 63–66.
8. Туманова Л.В. Предложения по совершенствованию процессуального законодательства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 2. С. 73–79.
9. Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за 2018 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 12.04.2022).
10. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 4 апреля 2018 г. по делу № 16-АПГ18-3 [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru> (дата обращения: 12.04.2022).

Об авторах:

ЖУКОВА Олеся Витальевна – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4257-9631, AuthorID: 322563; e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

ТУМАНОВА Лидия Владимировна – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8705-4643, AuthorID: 648735; e-mail: gpipd@tversu.ru

**SPECIFICS AND LIMITS OF APPLICATION OF CHAPTER 22
OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE PROCEDURE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

O.V. Zhukova, L.V. Tumanova

Tver State University, Tver

The specifics and limits of the application of the judicial procedure for challenging decisions, actions (inaction) of state authorities and local self-government bodies in administrative proceedings are considered. The procedural features of the consideration of cases of this category are analyzed, the main problems arising during the presentation of an administrative statement of claim, judicial proceedings, appeal of a judicial act are identified.

Keywords: *judicial protection, administrative proceedings, judicial control.*

About authors:

ZHUKOVA Olesya – PhD in law, associate professor, head of the department of judicial power and law enforcement Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 4257-9631, AuthorID: 322563; e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

TUMANOVA Lidia – Honored Lawyer of the Russian Federation, the doctor of the Legal Sciences, Professor professor of the department of judiciary and Law Enforcement Affairs of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 8705-4643, AuthorID: 648735; e-mail: gpipd@tversu.ru

Жукова О.В., Туманова Л.В. Специфика и пределы применения главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 41–49.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОПОЛЬЗОВАНИЯ

И.А. Крусс

ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

Анализируется необходимость и значимость изучения иностранных юрисдикций и специфики юридических связей, обусловленных иностранными правовыми порядками, в механизме обеспечения реализации конституционного права на судебную защиту в Российской Федерации. В рамках анализа актуальности вопроса с позиций конституционной онтологии и методологии права заявляется о необходимости выявления и исследования особенностей учета и применения положений международных договоров, нормативных процессуальных элементов правовых систем зарубежных стран и иностранных судебных прецедентов в российской судебной практике.

Ключевые слова: *международный гражданский спор, конституционное правопонимание и правопользование, международная гражданская юрисдикция, иностранный правовой порядок, оказание правовой помощи.*

Актуальность проблематики исследования международного гражданского процесса в аспекте теории конституционного правопользования не вызывает на сегодняшний день сомнения. Это обусловлено новыми реалиями в сфере рассмотрения и разрешения дел, осложненных иностранным элементом. В Российской Федерации каждому гарантируется право на судебную защиту его прав и свобод в соответствии с Конституцией Российской Федерации и согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. При этом названное конституционное право и механизм его реализации выступают гарантиями конституционного правопользования в целом, по отношению ко всем конституционным правам, свободам и обязанностям человека и гражданина в Российской Федерации. Проблемы совершенствования этого механизма, включая институциональные блоки гражданского и арбитражного судопроизводства, постоянно находятся в центре внимания различных секторов российской юридической науки и предполагают наличие единой методологической основы для их успешного разрешения [1, с. 12; 2, с. 101]. Трудности решения связанных с данными проблемами задач усугубляют актуальные объективные и субъективные факторы деструктивного характера. В настоящее время в данном ряду особенно выделяются вызовы и следствия, порождаемые глобальным экономическим кризисом, ростом политической конфронтации с претендующими на доминирование странами Запада,

проводящими по отношению к России политику неоправданных санкций, а также масштабное ослабление международной экономической интеграции в связи с пандемией новой вирусной инфекции. В таком контексте, чревато отчетливой перспективой жесткого конфликта юрисдикций, растут правовые риски и трудности выбора компетентного суда для своевременного и эффективного рассмотрения споров с участием иностранных субъектов. Общепризнано, что внедрение цифровых технологий позволит упростить порядок и повысить эффективность разрешения международных правовых споров, однако сами по себе такие средства не смогут в полной мере нейтрализовать названные и другие негативные афффекты современности, очевидно входящие в противоречие с конституционной обязанностью российского государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. В этой связи представляется критически недопустимым отсутствие теоретических и практико-ориентированных разработок, направленных на восприятие и конституционную модернизацию института и механизма обеспечения реализации процессуальных прав и исполнения процессуальных обязанностей участниками международных частных отношений, в том числе субъектами внешнеэкономической деятельности как субъектами конституционного правопользования.

В Российской Федерации к сложным правовым отношениям и коллизиям, связанным с установлением содержания и правосудного применения норм иностранного права, факультативно обеспечивающих защиту разнообразных гражданских прав, следует подходить как к производным и достоверным содержательным конкретизациям конституционного права на доступ к правосудию, а также конституционным установлениям о свободе предпринимательской и экономической деятельности, свободе имущественных договоров, праве частной собственности, его элементов и форм, гарантий охраны интеллектуальной собственности. Помимо непосредственно предопределяющих такой подход положений Конституции Российской Федерации, к нему ведет также необходимое признание правоустанавливающего значения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, а также других, имеющих доктринально-нормативное значение и представленных в его актах, положений и методологических указаний. Среди ориентированных на такие ресурсы актуальных отечественных теоретико-правовых разработок наиболее последовательно отстаивает универсальный (общеправовой) характер конституционной методологии права и правоприменения теория конституционного правопользования. На данной концептуальной основе онтологически и методологически состоятельными и перспективными видятся и исследования, направленные на конституционную модернизацию института судебной защиты субъективных прав,

связанных с международной гражданской юрисдикцией, признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений и решений арбитражей. Конституционная реформа 2020 г. дополнительно подчеркивает важность такого направления научных исследований, предполагая обобщение (экспликацию) и институционально-системный анализ тематически связанных новелл Конституции РФ.

В рамках исследования заявленной проблематики видится необходимым разрешение таких задач:

1. Установление роли суда в разрешении международного частного (гражданского) спора в рамках общей модели правосудного обеспечения конституционного правопользования в Российской Федерации [3, с. 73].

2. Доктринальное обоснование конституционного значения институциональных принципов международного гражданского процесса в Российской Федерации и их содержательная конкретизация.

3. Конституционное позиционирование принципа тесной связи как базового и непреложного критерия международной гражданской юрисдикции и как способа разрешения конфликта юрисдикций по вопросам, затрагивающим конституционное правопользование.

4. Адаптация общеправовой (конституционной) методологии правопользования для уяснения содержания и оценки применимости в российской судебной практике норм иностранного права.

5. Разработка и обоснование актуальных подходов по оказанию правовой помощи в международном гражданском процессе с позиций теории конституционного правопользования и правоприменения [4 с. 2].

6. Выработка предложений по совершенствованию механизма признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений и решений арбитражей как факультативного блока механизма правосудного обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

7. Выработка предложений по совершенствованию порядка рассмотрения и разрешения международных частных споров в судах и арбитражах как особой гарантии и предпосылки возможности надлежащего (конституционного) правопользования.

Список литературы

1. Международный гражданский процесс: учебник для вузов / И.В. Гетьман-Павлова, А.С. Касаткина, М.А. Филатова ; под общей редакцией И. В. Гетьман-Павловой. 2-е изд. М.: Юрайт, 2020. 341 с.

2. Николюкин С.В. Международный гражданский процесс и международный коммерческий арбитраж: учебник. М.: ЮСТИЦИЯ, 2017. 256 с.

3. Туманова Л.В. Предложения по совершенствованию процессуального законодательства // Вестник Тверского государственного университета. Серия Право. 2018. № 2. С. 73–79.

4. Сущность и нормативная конкретизация конституционных полномочий в Российской Федерации и зарубежных странах: компаративистский подход: сб. научных статей магистрантов «Тверского государственного университета» / отв. ред. д.ю.н., проф. В. И. Крусс. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2020. 334 с.

Об авторе:

Крусс Ирина Александровна - кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверского государственного университета» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-0261-9582, SPIN-код: 1394-2400, e-mail: Kruss.IA@tversu.ru

CURRENT ISSUES OF INTERNATIONAL CIVIL PROCEDURE IN THE ASPECT OF THE THEORY OF CONSTITUTIONAL USE

I.A. Kruss

Tver State University, Tver

The article analyzes the necessity and importance of studying foreign jurisdictions and the specifics of legal relations caused by foreign legal systems in the mechanism of ensuring the implementation of the constitutional right to judicial protection in the Russian Federation. As part of the analysis of the relevance of the issue, from the standpoint of constitutional ontology and methodology of law, it is stated that it is necessary to identify and study the features of accounting and application of the provisions of international treaties, regulatory procedural elements of legal systems of foreign countries and foreign judicial precedents in Russian judicial practice.

Keywords: *international civil dispute, constitutional legal understanding and legal use, international civil jurisdiction, foreign legal order, legal assistance.*

About author:

KRUSS Irina – PhD in Law, associate Professor of the Department of judicial power and law enforcement of the Tver State University (33 Zhelyabova str., 170100, Tver), ORCID: 0000-0002-0261-9582; SPIN-code: 1394-2400; e-mail: Kruss.IA@tversu.ru

Крусс И.А. Актуальные вопросы международного гражданского процесса в аспекте теории конституционного правопользования // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 50–53.

ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ РАСХОДОВ НА ПРОВЕДЕНИЕ ДОСУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

А.С. Кусков¹, Д.К. Усцов²

¹ Саратовская региональная общественная организация «Центр правовой защиты потребителей», г. Саратов

² ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров

Выявляются особенности и проблемы возмещения расходов на проведение досудебной экспертизы по делам о защите прав потребителей. На основе анализа действующего законодательства, правоприменительной практики и результатов доктринальных исследований выделены основные подходы к разрешению выявленных нами проблем. Для нивелирования возникающих проблем и с целью достижения единообразия судебной практики авторами делаются выводы и вносятся соответствующие предложения.

Ключевые слова: допустимость, досудебная экспертиза, досудебный порядок урегулирования споров, относимость, потребитель, право на обращение в суд, продавец, судебные издержки, расходы, убытки.

Многие потребительские споры сложно рассмотреть в судебном порядке без предоставления заключения досудебной экспертизы, проведение которой в ряде случаев является обязательным условием для реализации потребителем своего права на судебную защиту. В этой связи актуализируется вопрос о необходимости возмещения издержек на проведение досудебных экспертиз.

Нормы Гражданского процессуального кодекса РФ [1] (далее – ГПК РФ) прямо не предусматривают обязательность проведения досудебных экспертиз и возможность возмещения соответствующих издержек. Так, согласно ч. 1 ст. 94 ГПК РФ к издержкам, связанным с рассмотрением дела, отнесены суммы, подлежащие выплате экспертам. Однако из практики применения этой нормы следует, что речь идет только о возмещении расходов на проведение судебных экспертиз.

Некоторую ясность вносит постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» [2] (далее – Постановление № 1), в п. 2 которого отмечено, что перечень судебных издержек не является исчерпывающим, а понесенные расходы могут признаваться таковыми, если их несение необходимо для реализации права на обращение в суд и собранные до предъявления иска доказательства соответствуют требованиям относимости, допустимости. Так, истцу могут возмещаться расходы на проведение

досудебного исследования состояния имущества, на основании которого определены цена и подсудность иска.

Такая формулировка видится нам достаточно спорной, так как высший суд четко высказался только в отношении досудебного исследования состояния имущества, тогда как досудебными экспертизами охватывается более широкий круг вопросов, а также ограничил право на возмещение расходов двумя условиями:

- а) необходимостью обращения в суд для реализации права;
- б) соответствием заключения эксперта требованиям относимости, допустимости.

Говоря о первом условии, констатируем, что содержание права на обращение в суд раскрывается в ст. 3 ГПК РФ, из которой следует, что обязательность несения расходов на проведение досудебной экспертизы рассматривается только применительно к реализации права потребителя на подачу в суд искового заявления. Однако законодательно не закреплены ни право, ни обязанность потребителя проводить досудебную экспертизу перед обращением в суд с иском.

Так, в п. 5 ст. 18 Закона РФ «О защите прав потребителей» [3] указано лишь на то, что предприниматели обязаны провести экспертизу при наличии спора о причинах возникновения недостатков товара, а потребитель при несогласии с ее результатами вправе оспорить заключение в судебном порядке. То есть законодатель в качестве инициаторов проведения досудебных экспертиз называет только предпринимателей, отводя потребителям пассивную роль.

Из п. 5 ст. 18 Закона РФ «О защите прав потребителей» следует и то, что право или обязанность потребителя на проведение досудебной экспертизы могут возникать только при отказе или уклонении продавца от ее проведения. Это, в свою очередь, связывает требование потребителя о взыскании расходов на проведение досудебной экспертизы с необходимостью предоставления доказательств, подтверждающих отказ или уклонение продавца от обязанности ее проведения.

Нам импонирует вывод о том, что «если экспертиза проведена потребителем при несогласии с выводами экспертизы, проведенной продавцом, или когда между сторонами было соглашение о проведении потребителем независимой экспертизы за свой счет, и при этом установлена ответственность продавца в споре, потребитель включает понесенные расходы в состав судебных издержек» [4, с. 113].

Указание высшего суда на обязательность проведения досудебной экспертизы как условие для взыскания судебных издержек является спорным еще и потому, что из п. 5 ст. 18 Закона РФ «О защите прав потребителей» следует вывод о необходимости назначения экспертизы только при наличии спора о причинах возникновения недостатков. Отсутствие спора и согласия продавца на проведение досудебной

экспертизы исключает возможность удовлетворения требования потребителя о взыскании и соответствующих издержек.

К аналогичному выводу приходят К.С. Толстиков и Ж.Б. Иванова: «Заключение эксперта, подтвердившее наличие производственного дефекта, не станет решающим фактором в споре о праве между сторонами, если потребитель "обошел" продавца и сам провел экспертизу. Продавец в этом случае лишен законного права принять товар для проведения проверки качества и последующего разрешения спора. Таким образом, спор между сторонами не возникает, и не осуществляется попытка его досудебного урегулирования согласно ст. 132, 135 ГПК РФ» [5, с. 42]. Однако в судебной практике часто такие расходы возлагаются на ответчика.

В решение мирового судьи судебного участка № 4 Дзержинского судебного района Нижегородской области от 20.07.2017 г. по делу № 2-848/2017 суд, возмещая расходы на проведение досудебной экспертизы, указал, что продавец отказал истцу в удовлетворении устного требования о возврате денежных средств за товар. Экспертное заключение доказательством по делу не является, оценки ему суд не дает. Расходы по проведению экспертизы являются не судебными расходами, а убытками, подлежащими возмещению.

Однако суд при вынесении решения не учел, что между сторонами отсутствовал спор о причинах недостатков товара, требующий проведения досудебной экспертизы, на что и указывал ответчик. Более того, ответчиком требования истца удовлетворены на основании заключения экспертизы и до подачи иска в суд.

Сформировалась и противоположная позиция, когда суды отказывают потребителям во взыскании с ответчика расходов на досудебную экспертизу на основании того, что эти расходы не являются необходимыми ни для досудебного урегулирования спора, ни для реализации права на обращение в суд с иском. Иными словами, критерий обязательности учитывается судами через призму активного участия всех сторон спора в процессе его разрешения.

Так, в апелляционном определении Саратовского областного суда от 27.03.2019 г. по делу № 33-2174/2019 суд не согласился с взысканием стоимости досудебного исследования, так как понесенные расходы не были необходимы для реализации права на обращение в суд. Не предоставив товар для проверки качества и проведя экспертизу по собственной инициативе, потребитель создал условия для необоснованного увеличения денежной суммы судебных расходов.

Особо отметим, что распределение обязанностей по проведению досудебной экспертизы может предусматриваться не только п. 5 ст. 18 Закона РФ «О защите прав потребителей», но и нормами специального законодательства (например, страхового). В этой связи интересен пример из судебной практики.

В решении Россошанского районного суда Воронежской области от 26.05.2016 г. по делу № 2-о305/2016 суд, удовлетворяя требования истца о взыскании частично возмещенных ответчиком издержек на оплату экспертизы по определению стоимости восстановительного ремонта автомобиля на основании п. 13 ст. 12 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», указал, что если страховщик не организовал техническую экспертизу автомобиля в установленный законом срок, потерпевший вправе обратиться за экспертизой самостоятельно.

Таким образом, по делам о защите прав потребителей проведение досудебных экспертиз является обязательным лишь в спорах о возмещении ущерба и компенсационных выплатах на основании Федерального закона от 25.04.2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств». Но суды почти всегда расширительно толкуют критерий обязательности, охватывая значительное количество иных категорий споров и всегда требуя от потребителей указания в исках точного размера убытков.

В абз. 2 п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [6] указано на необоснованность таких выводов судов и отмечено, что размер подлежащих возмещению убытков должен устанавливаться с разумной степенью достоверности. По смыслу п. 1 ст. 15 ГК РФ суд не может отказать в удовлетворении требования о возмещении убытков только на основании того, что их точный размер невозможно установить. В таких случаях размер убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению.

Соглашаясь с позицией высшего суда, укажем, что за исключением случаев, предусмотренных законом об ОСАГО, право на обращение в суд появляется при наличии спора о праве и не связано с установлением точного размера убытков и (или) конкретного виновного лица, которые могут определяться и в процессе судебного разбирательства. Но отметим, что обязательность проведения досудебной экспертизы следует устанавливать с учетом конкретных обстоятельств дела.

В то же время вектор судебной практики кардинальным образом меняется в тех случаях, когда продавец: а) оставил без ответа письменное досудебное обращение потребителя; б) ответил на такое обращение отказом; в) предложил потребителю самостоятельно провести экспертизу, не исполнив при этом основную свою обязанность – добровольное удовлетворение требований потребителя.

Так, в апелляционном определении Саратовского областного суда от 27.02.2019 г. по делу № 33-912/2019 суд, отклоняя доводы частной

жалобы о том, что не имелось оснований о взыскании стоимости досудебной экспертизы, отмечает, что ответчик добровольно требования потребителя не удовлетворил и на претензию не ответил. В этой связи уплаченную за экспертизу сумму следует отнести к необходимым расходам, в силу чего она подлежит взысканию с ответчика, что соответствует положениям ст. 98 ГПК РФ.

В п. 4 Постановления № 1 содержится важная оговорка, что если законом или договором предусматривается обязательное соблюдение досудебного порядка урегулирования споров, то расходы, понесенные при его соблюдении, признаются судебными издержками и подлежат возмещению в силу того, что истец без их несения не имел возможности реализовать свое право на обращение в суд.

Следовательно, если досудебная экспертиза самостоятельно выступает в качестве способа обязательного досудебного порядка урегулирования спора или же является одной из его стадий, то возмещение издержек будет обязательным на основании п. 2 и 4 Постановления № 1. Но заметим, что в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и административного судопроизводства» [7] место досудебных экспертиз в системе способов обязательного досудебного урегулирования споров никак не определяется. Более того, по общему правилу соблюдение досудебного порядка урегулирования потребительских споров не является обязательным, что по логике нивелирует и условие об обязательности несения потребителем расходов на проведение досудебных экспертиз.

Значительные сложности возникают, когда потребитель обращается в суд с иском, содержащим требования, не связанные с возвратом денежных средств за товар при обнаружении в нем недостатков (например, заявляются требования о предоставлении недостоверной информации, возмещении убытков, вызванных использованием товара, и т. д.). В таких случаях суды ставят под сомнение обоснованность и тем более обязательность проведения досудебных экспертиз.

В апелляционном определении Саратовского областного суда от 03.11.2020 г. по делу № 33-6763/2020 суд, отказывая в возмещении расходов на проведение досудебной экспертизы, указал, что положения п. 5 ст. 19 Закона РФ «О защите прав потребителей» не возлагают на истца обязанность проведения экспертизы с целью подтверждения наличия недостатка. Истец связывал нарушение своих прав с несоблюдением ответчиком сроков устранения недостатков товара, а не с наличием в нем самого недостатка, в связи чем отсутствует связь между понесенными истцом издержками и делом, рассматриваемым с его участием.

Вторым необходимым условием для возмещения судом расходов на проведение досудебной экспертизы является ее соответствие в качестве доказательства требованиям относимости, допустимости. На основе анализа судебной практики мы выделили следующие избранные основания признания досудебной экспертизы недопустимым и неотносимым доказательством:

1) установление судом факта недобросовестных действий потребителя. Например, у потребителя имелась возможность возврата товара ненадлежащего качества продавцу до проведения экспертизы, которая добросовестно им реализована не была (апелляционное определение Автозаводского районного суда г. Тольятти от 18.05.2020 г. по делу № 11-476/2020);

2) выводы, сделанные при проведении досудебной экспертизы, противоречат выводам, содержащимся в заключении судебной экспертизы (решение Кировского районного суда г. Саратова от 03.11.2017 г. по делу № 2-8365/2017);

3) заключение досудебной экспертизы содержит неточности и (или) вероятностные суждения по поставленным вопросам. Например, в расчет стоимости восстановительного ремонта автомобиля экспертом включены все повреждения от ДТП, произошедших в разное время (решение Бийского городского суда Алтайского края от 26.07.2018 г. по делу № 2-1152/2018);

4) процедурные нарушения проведения досудебной экспертизы: отсутствие у эксперта необходимой квалификации и стажа; недостаточно полное описание проведенных исследований; отсутствие в заключении ссылок на правовые акты; подготовка заключения без достаточного осмотра объекта экспертизы и т. д. (определение Московского городского суда от 28.02.2019 г. № 4г-1860/2019);

5) досудебная экспертиза содержит ответы на вопросы, которые не позволяют установить юридически значимые для рассмотрения дела обстоятельства – например, наличие в товаре недостатка (апелляционное определение Саратовского областного суда от 04.02.2020 г. по делу № 33-758/2020);

6) экспертиза проведена экспертом, не отвечающим требованию независимости – например, эксперт представлял в суде интересы истца (апелляционное определение Красноярского краевого суда от 18.03.2019 г. по делу № 33-3830/2019).

Итак, суммируя вышеизложенное, сделаем выводы.

1. Проведение досудебной экспертизы судом может признаваться обязательным при необходимости: определения размера ущерба или убытков (в условиях невозможности их определения самим потребителем); выбора основания иска или способа восстановления нарушенного права; подтверждения обоснованности заявленных требований (с целью исключения подачи необоснованных исков);

установления лица, обязанного возместить причиненный ущерб; разрешения вопроса о распределении ответственности за причинение ущерба (убытков) потребителю.

2. Оценка относимости и допустимости заключения досудебной экспертизы как доказательства по делу, являющаяся прерогативой суда, должна осуществляться исключительно с учетом конкретных обстоятельств дела. Вместе с тем произвольное исключение судом досудебной экспертизы из доказательств по делу является недопустимым. В случае признания заключения досудебной экспертизы доказательством, не отвечающим требованиям относимости и допустимости, суд должен мотивировать свои выводы в вынесенном решении.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 01.07.2021 г. № 243-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // БВС РФ. 2016. № 4.

3. Закон РФ от 07.02.1992 г. 2300-1 (в ред. от 11.06.2021 г. № 170-ФЗ) «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

4. Агафонова Н.Н., Белов В.Е., Солдатова В.И. Комментарий к Закону Российской Федерации «О защите прав потребителей» (постатейный). М.: Проспект, 2020. 240 с.

5. Толстикова К.С., Иванова Ж.Б. Законодательная регламентация проведения экспертизы товаров по спорам о защите прав потребителей // Конкурентное право. 2014. № 4. С. 42–46.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // БВС РФ. 2015. № 8.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и административного судопроизводства» // РГ. 2021. № 144.

Об авторах:

КУСКОВ Алексей Сергеевич – кандидат культурологии, магистр юриспруденции; председатель Саратовской региональной общественной организации «Центр правовой защиты потребителей» (Россия, Саратов, ул. Заречная, д. 27а, оф. 1); ORCID: 0000-0001-8182-6637; SPIN-код: 7977-8940; ResearcherID: ABE-1389-2021, e-mail: askuskov@mail.ru

УСЦОВ Данил Константинович – младший научный сотрудник, аспирант кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет» (Россия, Киров, ул. Московская, 3б); SPIN-код: 7334-4122, e-mail: danil_konstantinovich@bk.ru

FEATURES OF REIMBURSEMENT FOR PRE-JUDICIAL EXAMINATION IN CASES ON CONSUMER RIGHTS PROTECTION

A.S. Kuskov¹, D.K. Ustsov²

¹ Saratov regional public organization «Center for legal protection of consumers»,
Saratov

² Vyatka State University, Kirov

The work identifies features and problems of reimbursement of the costs of conducting a pre-trial examination in consumer protection cases. Based on the analysis of existing legislation, law enforcement practices and the results of doctrinal studies, the main approaches to resolving the problems we identified were identified. The authors draw conclusions and make suggestions in order to avoid problems and to achieve uniformity of jurisprudence.

Keywords: *admissibility, pre-trial examination, pre-trial dispute resolution procedures, relatability, consumer, the right to appeal to the courts, the seller, legal and another costs, losses.*

About authors:

KUSKOV Aleksey – candidate of cultural science, master of law; chairman of the Saratov regional public organization «Center for legal protection of consumers» (Russia, Saratov, st. Zarechnaya, 27a); ORCID: 0000-0001-8182-6637; SPIN-code: 7977-8940; ResearcherID: ABE-1389-2021, e-mail: askuskov@mail.ru

USTSOV Danil – associate scientist, post-graduate student of the department of civil law and procedure, Vyatka State University (Russia, Kirov, st. Moskovskaya, 36); SPIN-code: 7334-4122, e-mail: danil_konstantinovich@bk.ru

Кусков А.С., Усцов Д.К. Особенности возмещения расходов на проведение досудебной экспертизы по делам о защите прав потребителей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 54–61.

**К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЯХ ПРОЕКТА
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА № 40361-8 «ОБ ОБЩИХ
ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЕДИНОЙ СИСТЕМЕ
ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ»**

В.С. Очагова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена исследованию проекта Федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Проведен сравнительный анализ действующего Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и нового законопроекта. Рассмотрен вопрос реформирования социально-культурной сферы в контексте данного законопроекта.

***Ключевые слова:** местное самоуправление, принципы организации, полномочия, социально-культурная сфера.*

Законодательство о местном самоуправлении претерпело множество изменений на протяжении всего срока своего существования: принятие и последующая отмена Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2], принятие Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 131) [1] и последующее внесение многочисленных изменений. И вот теперь в Государственную Думу Федерального Собрания внесен проект Федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее — проект Закона) [3]. Председатель Комитета по государственному строительству и законодательству П.В. Крашенинников отметил, что этот документ знаменует собой новый этап выстраивания системы местной власти. По его мнению примечательно, что депутаты подготовили новый закон, а не вносили изменения в старый, который менялся уже 186 раз и «превратился в лоскутное одеяло» [10].

Как можно заметить из текста проекта Закона, в ст. 1 содержится трактовка понятия местного самоуправления отличная от понятия, закрепленного в Федеральном законе № 131. Так, ст. 1 проекта Закона гласит, что местное самоуправление – признаваемая и гарантируемая Конституцией Российской Федерации форма самоорганизации граждан в целях самостоятельного решения вопросов непосредственного

обеспечения жизнедеятельности населения (вопросов местного значения) в пределах полномочий, предусмотренных в соответствии с Конституцией Российской Федерации настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами. Главное отличие содержится в том, что законодатель нивелирует роль органов местного самоуправления в осуществлении местной власти. Исходя из анализа лишь определения, можно в целом понять концепцию всего законопроекта — ограничение роли местной власти. Это подтверждается также рядом положений в самом проекте Закона, где, например, в ч. 2 ст. 32 говорится, что многие вопросы местного значения закрепляются за муниципалитетами в соответствии с усмотрением законодательного органа субъекта, т. е. региональный законодатель наделяется правом лишить муниципальные образования многих полномочий. Это приведет к тому, что ни один значимый для муниципального сообщества вопрос невозможно будет решить на местном уровне. Это полностью противоречит конституционно-правовой природе местного самоуправления, которое, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 24 декабря 2012 г. № 32-П, ориентировано, прежде всего, на решение социально-экономических задач в пределах территории муниципального образования как территории компактного проживания населения, а также на обеспечение ее социально-экономического развития как элемента комплексного социально-экономического развития территории субъекта Российской Федерации. Кроме того, само определение имеет некоторые неточности в использовании понятий «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения» и «вопросы местного значения». Авторами законопроекта они используются как равнозначные, хотя согласно ч. 1 ст. 130 Конституции Российской Федерации местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. В указанной норме Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) понятие «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения» отсутствует. В связи с этим, по мнению Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по региональной политике и местному самоуправлению, представляется необходимым по всему тексту законопроекта слова «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения» заменить словами «вопросы местного значения» [4]. Также подчеркивается, что самоорганизация граждан возможна в пределах полномочий, предусмотренных в соответствии с Конституцией РФ, федеральными законами. Однако установление пределов таких полномочий предусматривается, в том числе нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации (ч. 2 ст. 32, ч. 3 ст. 85 проекта Закона) [5]. Как видно,

законопроект имеет ряд спорных положений, которые требуют последующей редакции. Недостаточная проработка проекта Закона может в будущем привести к всевозможным коллизиям и, как следствие, множественным его редакциям (как в случае с Федеральным законом № 131).

Стоит обратить внимание, что законодатель в проекте Закона в основных положениях ограничивается определением местного самоуправления. Представляется, что одного определения недостаточно и существует объективная необходимость в закреплении более широкого понятийного аппарата, поскольку иные нормативно-правовые акты ими не располагают. В противном случае это может прямым образом отразиться на правоприменительной практике вследствие двусмысленных трактовок законодателя, некорректному использованию тех или иных норм. В проекте Закона требуется дать определение понятия вопросов местного значения (необходимость в трактовке вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, как отмечено ранее, отсутствует), поскольку понятие включает многие сферы жизнеобеспечения, с которыми будут сталкиваться как правоприменители, так и граждане ежедневно в ходе дальнейшей работы. Понятие органов местного самоуправления на данный момент также отсутствует, но, на наш взгляд, является ключевым, поскольку призвано определять важнейших субъектов правоотношений на местном уровне власти. Кроме того стоит дать определение тех видов муниципальных образований, которые законодатель решит «сохранить» в целях установления общего подхода в отнесении тех или иных территорий к различным муниципалитетам.

Анализ действующего проекта Закона также свидетельствует о наличии нового определения понятия муниципального образования, под которым понимается территория с постоянно проживающим населением, в границах которой местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления. Федеральный закон № 131 определял муниципальное образование исключительно через виды, что не являлось достаточным для полноценного формирования конструкции местного самоуправления.

Помимо вышеуказанного, авторы проекта Закона решили не закреплять вопросы местного значения, а ограничиться закреплением полномочий органов местного самоуправления. Важно подчеркнуть взаимосвязь полномочий и компетенции. По мнению Т.М. Бялкиной компетенцию следует трактовать как совокупность полномочий органов местного самоуправления и их предметов ведения [6]. Присоединяясь к этой позиции, стоит добавить, что определение понятия «полномочия» в российском законодательстве отсутствует, однако оно широко используется в рассматриваемых нами нормативно-правовых актах.

В юридической науке предлагаются разные определения понятия «полномочия». Наиболее ёмкое, на наш взгляд, определение, предложенное О.Е. Кутафиним и В.И. Фадеевым. Под полномочиями местного самоуправления они понимают закрепляемые нормами муниципального права за населением, выборными и иными органами местного самоуправления права и обязанности, необходимые для осуществления задач и функций местного самоуправления на территории муниципальных образований [8].

С.А. Авакьян под полномочиями органов местного самоуправления понимает права и обязанности органа местного самоуправления, должностного лица, иных участников общественных отношений, установленные нормативным юридическим актом [7, с. 103].

В Федеральном законе № 131 полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения закреплены в ст. 17, где сформулированы в общих чертах и имеют организационный характер, отсылая тем самым в большей степени к отраслевому законодательству. В проекте Закона полномочия органов местного самоуправления определяются в ст. 32, которая содержит меньший круг вопросов, относимых к местным органам власти, чем в Федеральном законе № 131, но которые также закреплены весьма условно.

Процесс реформирования действующего законодательства заставляет нас обратиться, в том числе, к области социальных и культурных правоотношений, которая является наиболее приближенной к гражданам, и в связи с этим вызывает особый интерес. В проекте Закона в ч. 2 ст. 32 указано, что многие полномочия в социально-культурной сфере, которые ранее в Федеральном законе № 131 относились к местной власти, теперь закреплены за региональной властью, которая лишь при необходимости может возложить их на органы местной власти. Так, например, в Федеральном законе № 131 в гл. 3 обеспечение нуждающихся в жилых помещениях малоимущих граждан закреплено за городским, сельским поселением и муниципальным, городским округом; организация предоставления образования – за муниципальным районом и муниципальным, городским округом; осуществление мероприятий по обеспечению организации отдыха детей – за каждым видом муниципального образования. Организация библиотечного обслуживания, обеспечение условий для развития физической культуры и различных видов спорта, создание и развитие лечебно-оздоровительных местностей – все это относится к ведению различных видов муниципальных образований на сегодняшний день в соответствии с действующим законодательством. В скором будущем вероятно, согласно проекту Закона, все вышеуказанные полномочия будут переданы органам государственной власти субъектов. Конечно сейчас повсеместно существует тенденция перехода власти от местного уровня к региональному в границах того или иного субъекта, но проект Закона

предлагает закрепить это на федеральном уровне, что автоматически осуществит это всеобщее перераспределение, еще больше ослабит позиции и без того зависимой местной власти. Исходя из этого возникает проблема определения объема полномочий в социально-культурной сфере.

На данный момент в Государственную Думу поступает множество отзывов на проект Закона от законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации, в которых органы власти предлагают доработать, видоизменить некоторые положения, но в целом одобряют принятие данного нормативного акта в будущем. Кроме того обсуждение данного проекта Закона состоялось на всероссийском совещании, в котором приняло участие 780 представителей местных властей из всех субъектов Российской Федерации [9]. Это свидетельствует о том, что органы местной власти повсеместно имеют возможность участвовать в принятии столь важного, реформирующего прежний уклад системы местного самоуправления, нормативно-правового акта.

Таким образом из положительных сторон проекта Закона можно отметить, что он позволит повысить эффективность управления территориями, поскольку вопрос финансирования будет решен через объединение небольших муниципалитетов и соответственно бюджет не будет так расщеплен, как раньше. За городскими и муниципальными округами будет закреплён идентичный объём неотъемлемых полномочий, направленных на непосредственное решение местных задач, при этом региональная власть может забрать ряд полномочий конкретного образования для обеспечения интересов населения. Но, конечно нельзя отрицать тот факт, что принятие рассматриваемого проекта Закона лишит местное самоуправление независимости и самостоятельности в решении множества вопросов.

Список литературы

1. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 28.08.1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (не действует) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Проект Федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/77224618/> (дата обращения 11.04.2022).
4. Заключение Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по региональной политике и местному самоуправлению на проект федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», внесенный сенатором

Российской Федерации А.А. Клишасом, депутатом Государственной Думы П.В. Крашенинниковым (утв. решением Комитета Государственной Думы по региональной политике и местному самоуправлению от 18.01.2022 г. № 14/1) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Заключение Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания РФ по проекту федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», внесенному сенатором Российской Федерации А.А. Клишасом, депутатом Государственной Думы П.В. Крашенинниковым (первое чтение) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Бялкина Т.М. Компетенция местного самоуправления: проблемы теории и правового регулирования: автореф. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2007. 43 с.

7. Конституционное право: Энциклопедический словарь / Авакьян С.А., Гуценко К.Ф., Ковлер А.И., Марченко М.Н.; Отв. ред. С.А. Авакьян. М. : НОРМА: НОРМА-ИНФРА.М, 2001. 675 с.

8. Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации. М., 2000. 428 с.

9. Обсуждение законопроекта состоялось на всероссийском совещании. [Электронный ресурс]. URL: <http://cmokhv.ru/materials/mat20220201-m/> (дата обращения: 17.04.2022).

10. П.В. Крашенинников отметил, что этот документ знаменует собой новый этап выстраивания системы местной власти. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/news/238450/> (дата обращения 13.04.2022).

Об авторе:

ОЧАГОВА Валерия Станиславовна – ведущий документовед кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), eLIBRARY ID: 29345476, e-mail: Ochagova.VS@tversu.ru

**ON CERTAIN PROVISIONS OF DRAFT FEDERAL LAW N 40361-8
«ON GENERAL PRINCIPLES OF ORGANIZATION OF LOCAL
SELF-GOVERNMENT IN THE UNIFIED SYSTEM OF PUBLIC
AUTHORITY»**

V.S. Ochagova

Tver State University, Tver

The article is devoted to the study of the draft Federal Law N 40361-8 «On the general principles of organizing local self-government in a single system of public power». A comparative analysis of the current Federal Law of October 6, 2003 No. 131-FZ «On the General Principles of Organizing Local Self-Government in the Russian Federation» and a new bill was carried out. The issue of reforming the socio-cultural sphere in the context of this bill was considered.

Keywords: *local self-government, principles of organization, powers, socio-cultural sphere.*

About author:

OCHAGOVA Valeria – leading documentarian of the department of Constitutional, Administrative and Customs Law of the Tver State University (170100, Tver, 33 Zhelyabova St.), eLIBRARY ID: 29345476, e-mail: Ochagova.VS@tversu.ru

Очагова В.С. К вопросу о некоторых положениях проекта Федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 62–68.

УСЛУГИ ТАМОЖЕННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОСРЕДНИКА В ПРОЦЕССЕ ДЕКЛАРИРОВАНИЯ ТОВАРОВ

А.А. Сладкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе оказания услуг таможенным представителем в сфере внешнеэкономической деятельности. Целью научной работы является рассмотрение перечня услуг, оказываемых таможенным представителем в настоящее время. На основе общелогических методов исследования были выявлены новые направления в деятельности таможенного представителя: таможенный аудит; таможенный консалтинг, аутсорсинг внешнеэкономической деятельности. Выдвинуто предложение о внесении дополнений в законодательство об аудиторской деятельности.

Ключевые слова: аутсорсинг в сфере внешнеэкономической деятельности, таможенный аудит, таможенный консалтинг, таможенный представитель.

Деятельность таможенного представителя регулируется на уровне наднационального законодательства – Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) и национального законодательства государств – членов ЕАЭС.

В рамках ЕАЭС приоритетным признается наднациональный уровень во главе с Таможенным кодексом ЕАЭС [1] (далее – ТК ЕАЭС), в котором закреплены общие и основные положения о деятельности в сфере таможенного дела, связанной с оказанием услуг в качестве таможенных представителей, таможенных перевозчиков, владельцев складов временного хранения, владельцев таможенных складов, владельцев свободных складов и владельцев магазинов беспошлинной торговли.

Согласно гл. 55 ТК ЕАЭС условиями включения в реестр таможенных представителей являются:

- обеспечение исполнения обязанности по уплате таможенных платежей;
- наличие договора страхования риска гражданской ответственности;
- отсутствие на день обращения в таможенный орган о включении в реестр таможенных представителей не исполненной в установленный срок обязанности по уплате таможенных платежей, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин, пеней, процентов.

На усмотрение государств-членов ЕАЭС оставлен вопрос по определению страховой суммы, на которую застрахована деятельность таможенного представителя на случай причинения его действиями вреда лицам, с которыми он заключает договор об оказании услуг в сфере таможенного декларирования.

Так, для включения в реестр таможенных представителей в России согласно ч. 2 ст. 347 Федерального закона Российской Федерации от 03.08.2018 г. № 289-ФЗ (ред. от 15.04.2022 г.) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 289) [2] размер страховой суммы, в пределах которой страховщик обязуется при наступлении каждого страхового случая возместить вред лицам, чьим имущественным интересам он причинен, в соответствии с договором страхования риска гражданской ответственности не может быть менее 20 млн. рублей. При этом размер страховой выплаты определяется в размере причиненного вреда, но в пределах страховой суммы.

Также ТК ЕАЭС оставляет право государства – членам ЕАЭС предусмотреть иные требования, которые нужно выполнить юридическому лицу соответствующей страны, чтобы получить статус таможенного представителя.

Для российских юридических лиц, претендующих на включение в реестр таможенных представителей, необходимо соблюсти дополнительные условия, закрепленные в ст. 347 ФЗ № 289:

– в ч. 4 ст. 347 ФЗ № 289 установлен запрет на включение в реестр юридических лиц, которые даже частично являются государственными (казенными, унитарными);

– согласно п. 2 ч.4 ст. 347 ФЗ № 289 у претендента не должно быть не исполненных постановлений (одно или более) по делам об административных правонарушениях, связанным с недостоверным декларированием товаров.

В условиях цифровизации таможенной сферы к юридическим лицам, планирующим осуществлять деятельность в качестве таможенного представителя, предъявляется требование о регистрации на сайте Федеральной таможенной службы России (далее – ФТС России) посредством создания личного кабинета. Данное требование полностью себя оправдывает, так как подача декларации происходит только в электронном виде, даже обжалование решений и действий таможенных органов с 2022 г. стало осуществляться посредством личного кабинета на сайте ФТС России.

Таким образом, для включения российского юридического лица в реестр таможенных представителей требуется значительная финансовая основа и определенная степень законопослушности.

Подача документов для включения в реестр также происходит в электронном виде через сайт государственных услуг. После получения свидетельства о включении в реестр таможенный представитель осуществляет свою деятельность бессрочно, если не будет исключен из реестра по собственному желанию либо по решению таможенного органа в случае нарушения условия пребывания в данном реестре.

Исключение из реестра по собственному желанию обычно происходит в период снижения темпов внешней торговли, например в периоды экономических санкций. Подобная ситуация была в 2015–2016 гг., когда впервые были введены специальные экономические меры, также произошла девальвация рубля, что неблагоприятно повлияло на объемы внешнеторгового оборота. Весной 2022 г. ситуация с экономическими санкциями повторилась, только торговля с европейскими странами не просто снизилась, а практически полностью прекратилась, и не только торговля, но и транспортное сообщение.

Данная ситуация требует еще большего профессионализма от таможенного представителя. В условиях перестраивания курса государственного регулирования внешнеторговой деятельности (далее – ВТД), когда Правительство РФ практически каждый день издает распоряжения по запретам и ограничениям ввоза или вывоза отдельных категорий товаров, таможенный представитель должен быть осведомлен об актуальных изменениях, чтобы указать декларанту верный план действий.

Таможенный представитель как профессиональный участник сферы внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД) оказывает услуги декларанту на возмездной и договорной основе. ФТС России контролирует деятельность организаций, находящихся в реестре таможенных представителей, но не устанавливает требований к форме и содержанию договора. Данный вопрос остается на усмотрение таможенного представителя, поэтому договор может носить различные названия (договор на оказание услуг таможенного представителя, договор на оказание таможенных услуг, договор на оказание услуг по совершению таможенных операций, договор на оказание услуг по таможенному декларированию и др.). Однако в договоре должны быть закреплены виды услуг, которые согласовали между собой стороны договора.

Стоит отметить, что сфера услуг таможенного представителя за последние годы значительно расширилась. Ранее таможенный представитель в основном оказывал услуги по таможенному декларированию, которое состоит в заполнении таможенной декларации, проверке корректности заявленных сведений и отправке декларации в таможенный орган.

По результатам анализа сайтов некоторых таможенных представителей можно выделить новые направления в их деятельности:

таможенный консалтинг; юридическое сопровождение в суде (представление интересов участников ВЭД в судах по таможенным спорам); аутсорсинг ВЭД; таможенный аудит.

Таможенный консалтинг состоит в оказании информационно-консультационных услуг по вопросам осуществления ВЭД, совершения таможенных операций и прохождения таможенного контроля.

Например, таможенный представитель Parkline-group предоставляет следующие информационно-консультационные и аналитические услуги:

- предварительный анализ документов, необходимых для таможенного оформления, и проработка технической документации;
- консультации по разрешительной документации на основании технических регламентов, ГОСТов, решение спорных вопросов в системе сертификации с таможенными органами;
- предоставление информационных услуг по отслеживанию процедуры таможенного оформления товаров с помощью онлайн-сервиса сервиса TRACK&TRACE;
- консультирование по вопросам таможенной стоимости;
- подготовка ответов на решения таможенных органов о проведении дополнительных проверок;
- консультации и обжалование решений таможенных органов и незаконных действий/бездействий должностных лиц [4].

Юридическое сопровождение не является новым направлением, но его оказывают далеко не все таможенные представители. Во-первых, в штате таможенного представителя должен быть юрист, который имеет высшее юридическое образование, для того чтобы быть именно судебным представителем. Во-вторых, он должен обладать знаниями в сфере таможенного законодательства, а также навыками по классификации товаров и определению таможенной стоимости.

Аутсорсинг ВЭД означает, что таможенный представитель берет на себя заботу о ведении всей внешнеторговой деятельности компании, а не только о совершении таможенных операций, связанных с выпуском товаров в заявленной таможенной процедуре. В аутсорсинг включается помощь в заключении внешнеторгового контракта и дальнейшей подготовке товаросопроводительных и разрешительных документов, перевозке и страховании груза, проведении международных расчетов с контрагентом, определении мер нетарифного регулирования, осуществлении таможенного декларирования и уплате таможенных платежей. Таким образом, аутсорсинг начинается еще на начальных этапах реализации внешнеторговой сделки, а не только когда груз пребывает на таможенную границу.

Некоторые таможенные представители даже гарантируют, что в рамках аутсорсинга ВЭД «готовы полностью оградить от представителей таможенных органов, заключив внешнеторговый контракт на свою компанию. Клиент размещает заказ, а таможенный представитель

заключает контракт, проводит оплату товара, забирает его со склада, проводит таможенное оформление, производит оплату пошлин и сборов, доставляет до места назначения и передает очищенный товар вместе с соответствующим пакетом документов» [5].

В настоящее время таможенный аудит уже включен в перечень услуг таможенного представителя.

Например, таможенный представитель «КВТ» указывает, что проведение таможенного аудита – это реальное снижение затрат на ведение внешнеэкономической деятельности. Так, сотрудники «КВТ» могут «провести юридическую экспертизу пакета документов по внешнеэкономической сделке; выполнить юридический анализ внешнеэкономического контракта на предмет его соответствия требованиям законодательства и защиты прав контрагентов; проанализировать обоснованность требований таможенных органов к комплексу документов в подтверждение таможенной стоимости товара; проверить соответствие заявленного классификационного кода товара и возможности его изменения на код с меньшей ставкой таможенной пошлины или налога на добавленную стоимость; уточнить наличие излишне уплаченных или взысканных таможенных пошлин и оценить юридические перспективы возврата излишне уплаченных таможенных платежей; представить подробные письменные рекомендации по возможным правовым инструментам для сокращения затрат на таможенное оформление» [6].

В услугах некоторых компаний напрямую не заявлен таможенный аудит, но подобная проверка подразумевается. Например, «M2B Logistics как таможенный представитель осуществляет мероприятия по снижению риска вероятности постконтроля в отношении участника ВЭД посредством комплексной проверки внешнеэкономической документации» [7].

При этом на сегодняшний день институт таможенного аудита не получил закрепления в российском законодательстве, поэтому компании вкладывают разное понятие в данную процедуру.

Согласно п. 3 ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 30.12.2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (далее – ФЗ «Об аудиторской деятельности») «аудит – это независимая проверка бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемого лица в целях выражения мнения о достоверности такой отчетности» [3]. Однако при проведении таможенного аудита проверке подвергается как бухгалтерская (финансовая) отчетность, так и внешнеэкономическая документация, поэтому требуется расширение предмета аудита путем закрепления положения, что проверке подвергается не только бухгалтерская (финансовая) отчетность, но и внешнеэкономическая документация.

Ассоциация таможенных аудиторов и консультантов (далее – АТАИК), которая выдвигает предложения по развитию таможенного

аудита, полагает, что «аудиторские услуги должны оказывать профессиональные аудиторы, например члены саморегулируемой организации аудиторов Ассоциация «Содружество», которые внесены в реестр Минфина России в соответствии с ФЗ «Об аудиторской деятельности», которые прошли дополнительное профессиональное обучение в области таможенного дела» [8].

Для дальнейшего развития института таможенного аудита в России на сегодняшний день остаются открытыми вопросы:

- 1) правовое закрепление института таможенного аудита;
- 2) юридическая сила аудиторского заключения для целей таможенной проверки;
- 3) четкое определение круга лиц, организаций, уполномоченных проводить таможенный аудит;
- 4) уровень образования и квалификационные требования таможенных аудиторов.

По ФЗ «Об аудиторской деятельности» аудиторская деятельность не подменяет контроля достоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности, осуществляемого в соответствии с законодательством РФ уполномоченными государственными органами. Поэтому не может таможенная проверка, проводимая должностными лицами таможенных органов, быть заменена на аудиторскую проверку, пусть даже осуществляемую профессионалами, включенными в соответствующий реестр таможенных аудиторов.

На наш взгляд, таможенный аудит в современных условиях является самостоятельной инициативой участника ВЭД по проверке своей финансовой стабильности, выявлению ошибок, допущенных при декларировании, и оценке возможных рисков нарушения таможенного законодательства. В перспективе прохождение аудита и получение аудиторского заключения сможет стать одним из критериев добросовестности в системе категорирования участников ВЭД.

Таким образом, несмотря на применение информационных технологий, посредством которых предполагалось, что декларант сможет уже без помощи посредников осуществлять таможенные операции по выпуску товаров, современная ситуация демонстрирует обратное. Перечень услуг таможенного представителя как профессионального посредника в сфере ВЭД только расширяется и дополняется обоснованными позициями, связанными с консультированием, анализом внешнеторговых рисков и финансовой стабильности организации, юридической помощью в разрешении споров, возникающих из таможенных правоотношений.

Список литературы

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019 г.) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 289-ФЗ (ред. от 15.04.2022 г.) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон «Об аудиторской деятельности» от 30.12.2008 г. (ред. 11.06.2021 г.) № 307-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

4. Услуги группы компаний «Парклайн» // Официальный сайт таможенного представителя Parkline-group [Электронный ресурс]. URL: <https://parkline-group.ru/uslugi-tamozhennogo-predstavatelya.html> (дата обращения: 02.05.2022).

5. Аутсорсинг ВЭД // Официальный сайт таможенного представителя «Берег» [Электронный ресурс]. URL: <https://bereg-broker.ru/ved/outsorsing-ved/> (дата обращения: 27.04.2022).

6. Наши услуги – аудит ВЭД // Официальный сайт таможенного представителя «КВТ Сервис» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kvtservice.su/services/legal/audit-ved/> (дата обращения: 28.04.2022).

7. Постконтроль // Официальный сайт таможенного представителя M2B Logistics [Электронный ресурс]. URL: http://m2b-log.ru/old/follow_up_inspection.html (дата обращения: 04.05.2022).

8. Таможенный аудит // Официальный сайт Ассоциации таможенных аудиторов и консультантов [Электронный ресурс]. URL: <https://атаик.рф/таможенный-аудит/> (дата обращения: 03.05.2022).

Об авторе:

СЛАДКОВА Алена Александровна – доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4410-8106; e-mail: sladkova.alen@yandex.ru

SERVICES OF A CUSTOMS REPRESENTATIVE AS A PROFESSIONAL INTERMEDIARY IN THE PROCESS OF DECLARING GOODS

A.A. Sladkova

Tver State University, Tver

The object of the study is the social relations that develop in the process of rendering services by a customs representative in the field of foreign economic activity. The purpose of the scientific work is to review the list of services provided by the customs representative at the present time. On the basis of general logical research methods, new directions in the activities of the customs representative were identified: customs audit; customs consulting, outsourcing

of foreign economic activity. A proposal has been put forward to introduce amendments to the legislation on auditing.

Keywords: *outsourcing in the field of foreign economic activity, customs audit, customs consulting, customs representative.*

About author:

SLADKOVA Alena – PhD in Law, associate professor of Department of Environmental Law and Legal Support of Professional Activities of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), SPIN-код: 4410-8106, e-mail: sladkova.alen@yandex.ru

Сладкова А.А. Услуги таможенного представителя как профессионального посредника в процессе декларирования товаров // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 69–76.

ПРИНЦИПЫ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ХАРАКТЕР УЧАСТИЯ АДВОКАТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

А.С. Федина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В правовой доктрине в систему принципов адвокатской деятельности включаются самые разные императивные директивы как общеправового характера, так и специальные, отраслевые. По мнению автора, в качестве основных принципов адвокатской деятельности, которые будут определять деятельность адвоката в гражданском процессе, надлежит особенно выделять принципы законности, добросовестности, профессиональной независимости, сохранения профессиональной тайны. **Ключевые слова:** адвокат, принципы, адвокатская деятельность, гражданский процесс.

Внимание к принципам адвокатской деятельности обусловлено их значением как основ профессиональной деятельности адвоката в гражданском процессе, являющегося основным субъектом оказания квалифицированной юридической помощи сторонам и третьим лицам.

В Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ [2] (далее – Закон об адвокатуре) прописано, что адвокатура действует на основе принципов законности, независимости, самоуправления, корпоративности и равноправия адвокатов. Анализ данного закона позволяет считать косвенно закреплёнными принципами адвокатской деятельности: гласность, конфиденциальность, лояльность к доверителю, соблюдение адвокатской этики, профессионализм.

Проводя аналогию с классификацией процессуальных принципов, заметим, что принципы адвокатуры, обозначенные в ст. 3 Закона об адвокатуре, по своему назначению схожи с так называемыми организационными принципами. Они регулируют деятельность адвокатуры в целом, независимо от осуществления адвокатом деятельности по оказанию правовой помощи конкретному лицу. Функциональные принципы, которые регламентируют саму деятельность правоприменительных органов, в большей степени применимы к деятельности адвоката в рамках исполнения конкретного поручения. Эти принципы регулируют не только деятельность адвоката, но и в некоторой степени организационно-обеспечительную деятельность адвокатуры. Так, принцип самоуправления позволяет адвокатам, например, предлагать свою кандидатуру для замещения вакантных должностей членов совета адвокатской палаты (ст. 31 Закона

об адвокатуре), принцип корпоративности обязывает адвокатов исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта РФ, Федеральной палаты адвокатов РФ, принятые в пределах их компетенции (ст. 7 Закона об адвокатуре).

Однако включать все принципы адвокатуры в состав принципов адвокатской деятельности все же мы полагаем излишним. Принципы самоуправления, корпоративности и равноправия адвокатов в большей степени регулируют функционирование всей адвокатской корпорации, всего института адвокатуры. В качестве принципов адвокатской деятельности представляют интерес прежде всего такие установления, начала, которые характеризуют деятельность адвоката как представителя профессиональной корпорации и раскрывают основы его взаимоотношения с другими субъектами. Адвокатская деятельность подчиняется тем правовым принципам, которые находят свое отражение в нормативных и корпоративных директивах, адресованных адвокатам [20, с. 42]. Несмотря на разделение принципов организации адвокатуры и принципов адвокатской деятельности, между ними имеется тесная связь; более того, посредством исследования первых возможно дать характеристику вторым.

Существует несколько точек зрения относительно самостоятельности системы принципов адвокатской деятельности. Согласно первой из них, принципы адвокатуры и адвокатской деятельности должны рассматриваться в рамках единой системы. Так, например, В.Л. Гаврилов к принципам адвокатской деятельности относит конституционность и законность, независимость и самоуправляемость, корпоративность и некоммерческий характер деятельности, сочетание гласности и конфиденциальности, гуманизм и демократизм, добровольность вступления в ряды адвокатуры, принцип нравственных начал профессии [8, с. 83–88].

Согласно другой точки зрения, принципы организации адвокатуры и принципы адвокатской деятельности нельзя рассматривать как тождественные понятия [11, с. 129–146]. Например, А.Д. Бойков разделяет принципы адвокатуры и адвокатской деятельности. Последние он делит на две группы: правовые и нравственные принципы. К числу правовых ученый относит такие традиционные для русской адвокатуры общие требования, как принцип социальной ответственности адвокатуры, принцип корпоративной демократии, соблюдение основ профессиональной этики и адвокатской тайны, требование профессиональной активности и приоритета интересов представляемого лица по отношению к соображениям личного удобства и материальной выгоды [7, с. 20–22].

Каждая из предложенных точек зрения заслуживает внимания и представляет интерес, однако согласиться с цитируемыми выше авторами мы можем лишь частично. При формировании системы

принципов адвокатской деятельности следует исходить из двух важных постулатов. Во-первых, принципы адвокатской деятельности (или принципы деятельности адвоката) не являются тождественными принципам адвокатуры, и, во-вторых, принципы адвокатской деятельности выводятся как из норм законодательства, так и из норм корпоративных актов. Вместе с тем представляется необходимым обозначить те принципы, которые будут определять деятельность адвоката в целом. Это принципы законности, добросовестности деятельности, профессиональной независимости, сохранения профессиональной тайны. Кратко их охарактеризуем.

Являясь общеправовым, принцип законности требует от адвоката соблюдения всех нормативных предписаний (ч. 2 ст. 15 Конституции РФ [1]). Как замечает И.М. Мацкевич, «адвокатская деятельность в первую очередь должна быть построена на принципе неукоснительного соблюдения закона, что требует от адвоката значительно больше ответственности и требований к совершенно иному уровню знаний, умений и навыков» [14, с. 3–7].

Осуществление принципа законности в деятельности адвоката подразумевает, что она строится на неукоснительном соблюдении требований законодательства, этических норм, а также правил органов самоуправления адвокатской корпорации. Это требует от адвоката большой ответственности и высокого уровня знаний, умений и навыков.

Высокое качество оказываемой адвокатами юридической помощи в гражданском процессе определяется в первую очередь надлежащим выполнением требований действующего процессуального законодательства, законодательства об адвокатуре и правил профессиональной этики адвоката в сочетании с использованием знаний стратегии и тактики работы адвоката по делу.

Соблюдение принципа законности при оказании юридической помощи обеспечивается, например, требованием, согласно которому адвокат должен честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (ст. 7 Закона об адвокатуре). Воплощение этого принципа можно встретить и в Кодексе профессиональной этики адвоката [5] (далее – КПЭА). Согласно ст. 10 КПЭА, закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или указания доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных КПЭА, не могут быть исполнены адвокатом. Участвуя в судопроизводстве, а также представляя интересы доверителя в органах государственной власти и органах местного самоуправления, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае

нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении (ст. 12 КПЭА). Возражая против действий (бездействия) судей и лиц, участвующих в деле, адвокат должен делать это в корректной форме и в соответствии с законом.

Таким образом, принцип законности в деятельности адвоката сводится к следующему: адвокат при осуществлении своей деятельности должен строго соблюдать требования законодательства, этические нормы, а также требования органов самоуправления адвокатской корпорации.

Центральное место в законодательном регулировании адвокатской деятельности занимают взаимоотношения адвоката с доверителем. Прежде всего, в этой сфере надлежит выделять принцип добросовестности адвокатской деятельности. Адвокатская деятельность направлена, прежде всего, на достижение интересов доверителя. Оказывая квалифицированную юридическую помощь, адвокат должен действовать в рамках делегированных ему доверителем полномочий. Данный принцип относится к принципам адвокатской деятельности косвенно выраженным в тексте Закона об адвокатуре, КПЭА. Полагаем, что основой этого принципа могут стать положения ст. 7 ФЗ об адвокатуре, ст. 8 КПЭА, которые обязывают адвоката при осуществлении профессиональной деятельности честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами.

Как отмечал И.М. Зайцев, адвокат должен не только ориентироваться на максимально полное обеспечение законных интересов и субъективных прав доверителя, но и проявлять творческое отношение к делу и процессуальную активность [9, с. 6]. Неисполнение или ненадлежащее исполнение поручения не только ставит под сомнение качество оказанной юридической помощи, но и существенно нарушает конституционные права доверителя. Так, само по себе участие в судопроизводстве адвоката, который пренебрегает своими обязанностями, не может обеспечить эффективной юридической помощи. Некачественное выполнение адвокатом своих обязанностей в качестве судебного представителя приводит к нарушению права лица на судебную защиту в гражданском судопроизводстве и, как следствие, к несправедливому судебному разбирательству [6, с. 75].

Принцип профессиональной независимости адвоката является основой построения доверительных отношений между адвокатом и его доверителем. В юридической литературе подчеркивается, что «независимость юридической профессии является основополагающим принципом, характеризующим правовую природу и статус адвокатуры, закрепленным в законодательстве многих стран, составляющим

фундамент принципа верховенства закона, основную гарантию продвижения и защиты прав человека» [10].

Закрепление принципа независимости адвокатуры в законодательстве об адвокатуре, практика его реализации обеспечивают организационную и экономическую независимость (самостоятельность) адвоката в ходе осуществления им профессиональной деятельности в гражданском процессе. Независимость адвокатских образований и разных организационных структур в адвокатуре подчинена интересам независимости адвоката в его профессиональной деятельности.

Под профессиональной независимостью адвоката понимается, прежде всего, неподчиненность его государственным органам, должностным лицам, своим коллегам-адвокатам и другим представителям адвокатской корпорации. Никакие органы и должностные лица не имеют права вмешиваться в профессиональную деятельность как адвокатских сообществ, так и отдельных адвокатов.

Адвокат в гражданском процессе должен быть независим и от своего доверителя, поскольку адвокат не вправе выполнять такие поручения, которые идут вразрез с законодательством или нормами морали и нравственности. В литературе эти аспекты независимости именуют внешней и внутренней соответственно [18, с. 29–34].

Кроме того, адвокат при осуществлении профессиональной деятельности, связанной с оказанием квалифицированной юридической помощи, независим также и от органов адвокатских палат как органов адвокатской корпорации. Как отмечает С.Н. Макаров, государство в лице органов власти обязано обеспечивать гарантии независимости адвоката, поскольку надлежит исполнять обязанности по оказанию юридической помощи адвокат может только будучи полностью независимым от какого-либо вмешательства в свою деятельность [13, с. 66]. Независимость адвоката включает в себя также свободный выбор действий при оказании юридической помощи, если такие действия не противоречат действующему законодательству [19].

При этом необходимо помнить слова Г.М. Резника, который отмечал, что «адвокатуре следует расстаться с навеянным перестроечной смутой романтическим представлением о том, что она может существовать полностью отвлеченной от государства. Адвокатура - особый институт гражданского общества, ей присущ публично-правовой статус, профессиональные уголовная защита и гражданское представительство – составные части правосудия, посему адвокатура не может находиться вне зоны государственного контроля» [17, с. 24]. Поскольку адвокаты, будучи членами адвокатских палат субъектов РФ, выполняют публично-правовую функцию по оказанию юридической помощи, то из этого вытекает необходимость установления определённого контроля как за самой адвокатской деятельностью, так и

за деятельностью адвокатских палат, не подрывающего принцип независимости адвокатуры [4].

Основу правовых гарантий независимости адвокатуры составляют иммунитеты и привилегии, действующие в отношении адвокатов и содержащиеся в нормах международного и национального законодательства. Вся совокупность гарантий независимости адвоката распространяется на различные аспекты его правового статуса как представителя адвокатского сообщества и может быть поделена на три основные группы: профессиональные, или функциональные (гарантии выполнения поручения доверителя); процессуальные (гарантии законности уголовного преследования адвоката) и общие (гарантии личной безопасности).

Не теряет своей актуальности высказанное применительно к принципам гражданского процессуального права утверждение А.Т. Боннера о том, что гарантией реализации одних процессуальных принципов служит действие других принципов права. Данный тезис не менее актуален в отношении гарантий реализации принципов адвокатской деятельности. Так, гарантией профессиональной независимости адвокатов от вмешательства извне (со стороны государства или иных лиц) выступает принцип самоуправления адвокатуры. Уникальность данного принципа заключается в том, что адвокатские объединения не могут создаваться и ликвидироваться государством и иными лицами. Немаловажную роль в формировании независимости адвоката играет и финансовый аспект.

Еще один принцип, лежащий в основе отношений адвоката и доверителя, это сохранение профессиональной тайны. Согласно ст. 6 КПЭА, профессиональная тайна адвоката (адвокатская тайна) обеспечивает иммунитет доверителя, предоставленный последнему Конституцией РФ. Указом Президента РФ от 6.03.1997 г. № 1882 адвокатская тайна отнесена к сведениям, связанным с профессиональной деятельностью, доступ к которым ограничен в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами [3].

В юридической литературе вопросы адвокатской тайны занимают видное место. Это обусловлено тем, что урегулированная нормами права адвокатская тайна не только определяет права и обязанности участников процессуальной деятельности, но и имеет глубокое нравственно-этическое содержание, что делает её одним из важнейших принципов адвокатской деятельности [16, с. 3–4].

Соблюдение профессиональной тайны является безусловным приоритетом деятельности адвоката [20, с. 47]. Срок хранения тайны не ограничен во времени. Требование конфиденциальности, как справедливо указывает А.Г. Кучерена, существенно определяет права и обязанности адвоката, а потому имеет фундаментальное значение для профессиональной деятельности [12, с. 11].

Адвокатская тайна, по образному сравнению Ю.С. Пилипенко, это то, без чего адвокатская деятельность трансформируется в сугубо консультационную, тот существенный признак, без которого и само явление теряет свою суть, свою содержательную сторону [15, с. 3–4].

Проведенное исследование позволяет констатировать, что в систему принципов адвокатской деятельности включаются самые разные императивные директивы как общеправового характера, так и специальные, отраслевые. Вместе с тем представляется необходимым обозначить те принципы, которые будут определять деятельность адвоката в гражданском процессе. Это принципы законности, добросовестности, профессиональной независимости, сохранения профессиональной тайны.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.05.2022).

2. Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/ (дата обращения: 10.05.2022).

3. Указ Президента РФ от 06.03.1997 г. № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» (с изм. и доп. от 23.09.2005 г.) // СЗ РФ. 1997. № 10. Ст. 1127.

4. Определение Конституционного Суда РФ от 11.05.2012 г. № 838-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Басалыги Ярослава Иосифовича на нарушение его конституционных прав подпунктами 2 и 3 пункта 2 статьи 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=279894#720cS5TCfmrgrw6xs> (дата обращения: 10.05.2022).

5. Кодекс профессиональной этики адвоката РФ (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/> (дата обращения: 10.05.2022).

6. Решение Совета Палаты адвокатов Самарской области № 11_10_261/СП // Десятилетие. Практика реализации Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: [сб. ст.] / Палата адвокатов Самарской области; (сост. и отв. ред. Е. В. Сальников). Самара, 2012.

7. Бойков А.Д. Статус адвоката: содержание, квалификационные требования и принципы адвокатской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 28 с.

8. Гаврилов В.Л. Сущность и принципы адвокатской деятельности в современной России // Мир юридической науки. 2012. № 4.

9. Зайцев И.М. Цели и принципы адвокатской деятельности // Адвокатская деятельность: материалы российско-американского семинара. Саратов, ноябрь 1996 г. / под ред. проф. И.М. Зайцева. Саратов, 1997. 240 с.

10. Иванов А.В. Гарантии независимости адвокатов и пути их совершенствования // Евразийская адвокатура. 2014. № 6 (13). С. 57–63 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/garantii-nezavisimosti-advokatov-i-puti-ih-sovershenstvovaniya> (дата обращения: 10.05.2022).

11. Косарев М.А. Основные принципы адвокатской деятельности // Право и политика. 2005. № 10.

12. Кучерена А.Г. Адвокатура в условиях судебно-правовой реформы в России. М., 2009. 434 с.

13. Макаров С.Н. Независимость адвоката и адвокатской деятельности // Адвокатура. Государство. Общество: сборник материалов IX ежегодной научно-практической конференции. М.: Федеральная палата адвокатов РФ, 2013.

14. Мацкевич И.М. Реформа адвокатской деятельности: своевременные мысли о главном // Юридическая образование и наука. 2015. № 4.

15. Пилипенко Ю.С. Адвокатская тайна: теория и практика реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук, М., 2009. 56 с.

16. Пшуков А.М. Адвокатская тайна: автореф. дис. ... канд. юрид. наук, М., 2008. 30 с.

17. Резник Г.М. Закон об адвокатуре как жертва конфликта интересов // Российская юстиция. 1998. № 3. С. 20–25.

18. Сибирцев Г.И. Теоретические основы независимости защитительной юридической деятельности в рамках уголовного процесса // Евразийская адвокатура. 2014. № 1 (8). С. 29–34.

19. Степашина М.С. Комментарий к Федеральному закону от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СПС «Гарант».

20. Суровова К.Ю. Адвокатская деятельность: содержание, виды (теоретико-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://msal.ru/upload/news/nov/%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%A1%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D0%9A%D0%AE.pdf> (дата обращения: 10.05.2022).

Об авторе:

ФЕДИНА Анжелика Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6641-7075, AuthorID: 459882, e-mail: as.fedina@mail.ru

PRINCIPLES OF ADVOCACY THAT DETERMINE THE NATURE ACTIVITIES OF A LAWYER IN CIVIL PROCEEDINGS

A.S. Fedina

Tver State University, Tver

In the legal doctrine, the system of principles of advocacy includes a variety of imperative directives, both of a general legal nature and special, sectoral ones. According to the author, as the main principles of advocacy, which will determine the activities of a lawyer in civil proceedings, it is necessary to highlight the principles of legality, good faith of a lawyer, professional independence, and the preservation of professional secrecy.

Keywords: *lawyer, principles, advocacy, civil proces.*

About author:

FEDINA Anzhelika – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Judicial Power and Law Enforcement of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6641-7075, AuthorID: 459882, e-mail: as.fedina@mail.ru

Федина А.С. Принципы адвокатской деятельности, определяющие характер участия адвоката в гражданском процессе // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 77–85.

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

УДК 343.23

DOI: 10.26456/vtpravo/2022.2.086

ЗНАЧЕНИЕ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНОГО ДЕЯНИЯ ДЛЯ ЕГО КВАЛИФИКАЦИИ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

О.П. Александрова¹, Л.Ю. Буданова²

¹ ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», г. Псков

² ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», г. Псков

Рассматриваются некоторые аспекты значения признаков объективной стороны состава преступления для его квалификации и проблемы их толкования в правоприменительной практике, сформулированы предложения по совершенствованию уголовного законодательства, направленные на реформирование ст. 238 УК РФ с целью разграничения входящих в нее трех самостоятельных составов преступлений путем введения в уголовный закон отдельной нормы, предусматривающей уголовную ответственность только за выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей.

***Ключевые слова:** состав преступления, объективные признаки, квалификация.*

Одним из главных направлений реформирования уголовно-правовой системы России является совершенствование уголовного закона, которое находит свое выражение как в декриминализации одних деяний, так и в появлении новых составов преступлений. Состав преступления, его элементы и их признаки не только раскрывают особенности конкретных общественно опасных деяний, но и лежат в основе классификации преступных посягательств, построения Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а также служат основой уголовно-правовой квалификации общественно-опасных деяний.

Проблемы правильной квалификации преступлений остаются актуальными и в настоящее время, так как в практической деятельности не снижается количество оправдательных приговоров суда, возвращенных уголовных дел судом прокурору, в том числе в связи с неправильным применением уголовного закона, о чем свидетельствуют данные официальной статистики [5].

Реализация требования законодательства о защите лиц от незаконного и необоснованного обвинения в совершении преступления невозможна без достоверной доказанности наличия в его деянии всех

признаков состава преступления, а все сомнения должны трактоваться в пользу обвиняемого. Если при установлении определенного соответствия фактических обстоятельств совершенного деяния признакам состава преступления возникают сомнения, которые не могут быть устранены в ходе судебного разбирательства, то суд принимает решение о возвращении уголовного дела прокурору для их ликвидации либо выносит оправдательный приговор. Таким образом, правильное и точное сопоставление признаков содеянного с конкретным составом преступления – основная задача официальной уголовно-правовой квалификации, выполняемая судом, следователем, дознавателем.

Однако ряд вопросов, касающихся соотношения понятий «преступление» и «состав преступления», «уголовно-правовая квалификация» и «квалификация преступлений», этапов квалификации преступного деяния долгое время вызывают дискуссии в науке [1, с. 60; 4, с. 25].

Общественно опасное деяние совершается путем действия, реже путем бездействия. Признаком такого деяния является сознательно-волевой аспект, который предполагает наличие у лица возможности регулировать, контролировать сознанием свое поведение. Рефлекторные движения или инстинктивные реакции не могут рассматриваться в качестве деяния в уголовно-правовом значении. Например, когда в переполненном автобусе во время резкого торможения пассажир, чтобы предотвратить падение, инстинктивно вытягивает руку вперед, причиняя вред здоровью другого пассажира. В данном случае телодвижение человека было неосознанным, а следовательно, уголовная ответственность за причиненный вред исключается.

Кроме того, не может признаваться деянием поведение, которое осуществляется вне контроля воли, под влиянием непреодолимой силы, которая может заключаться в воздействии сил природы, технических средств, болезненных состояний и т.д. Преступное действие заключается в направленном на причинение вреда телодвижении человека, его активном воздействии на текущий ход событий [4, с. 61].

В процессе уголовно-правовой квалификации необходимо определить пределы уголовно наказуемого бездействия, то есть установить, должно ли было данное лицо предотвратить вредные последствия.

Для преступлений с материальным составом обязательными признаками являются общественно опасные последствия и причинная связь между ними и деянием. Под последствием преступления понимается негативное изменение охраняемого уголовным законом общественного отношения, виновно вызванное преступным деянием (действием или бездействием) субъекта и причинно связанное с ним [1, с. 12]. Указанное понятие подразумевает как реальный фактический вред,

причиненный объекту уголовно-правовой охраны, так и угрозу причинения такого вреда.

В преступлениях с материальным составом последствия являются обязательным признаком, а следовательно, их отсутствие не позволяет квалифицировать содеянное как оконченное преступление. В зависимости от уголовно-правового значения выделяют следующие виды последствий: 1) основные, т.е. те, которые являются обязательными признаками состава преступления (например, причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 118 УК РФ); 2) квалифицирующие, то есть те, которые предусмотрены в качестве квалифицирующего признака и оказывают серьезное влияние на общественную опасность содеянного (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности при изнасиловании (п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РФ); 3) отягчающие, т.е. те, которые не содержатся в законе и не влияют на квалификацию, но учитываются судом при назначении наказания.

По конструкции состава преступления общественно опасные последствия подразделяются на простые (например, последствие в виде причинения вреда отношениям собственности при краже (ст. 158 УК РФ) и сложные (например, последствия в виде причинения вреда отношениям собственности и отношениям, обеспечивающим безопасность здоровья при разбое (ст. 162 УК РФ)).

Важной характеристикой прямого определенного умысла является его направленность, то есть содержание тех конкретных последствий, к которым стремился виновный, и она должна учитываться при квалификации содеянного и устанавливаться исходя из всех конкретных обстоятельств дела. Недоказанность умышленной формы вины является наиболее часто встречающимся основанием для постановления оправдательного приговора или отмены обвинительного приговора. Так, например, судебной коллегией по уголовным делам Псковского областного суда был отменен приговор Печорского районного суда, которым гр. О. был признан виновным в контрабанде монокуляра, являющегося составной частью артиллерийской буссоли и культурной ценностью, а уголовное дело направлено на новое рассмотрение. Судебная коллегия указала, что в приговоре содержатся существенные противоречия в выводах суда относительно субъективной стороны совершенного гр. О. преступления, которые имеют существенное значение для решения о его виновности. По смыслу закона контрабанда может совершаться только с прямым умыслом [6].

Обосновывая свой вывод о наличии прямого умысла у гр. О., суд в приговоре сначала сослался на то, что с учетом характеристик монокуляра и обстоятельств его получения подсудимый «не мог не осознавать», что он является культурной ценностью, а также «не мог не знать» о правилах пересечения «Государственной границы РФ и перемещении через нее товаров». Однако описывая субъективную

сторону совершенной контрабанды, суд далее в приговоре указал на осознание гр. О. противоправности своих действий и предвидение «наступления ответственности за их совершение». На основании этого судом сделан вывод о том, что подсудимый действовал умышленно. Такие выводы суда допускают возможность наличия у гр. О. и косвенного умысла, что исключает уголовную ответственность за контрабанду. При этом суд в приговоре не указал на волевой момент умысла, разграничивающий прямой и косвенный умысел. Описанный в приговоре элемент умысла – предвидение, вообще не соответствует нормам ст. 25 УК РФ. При таких обстоятельствах с учетом того, что стороной защиты оспаривается наличие прямого умысла, судебная коллегия констатировала, что выводы суда, касающиеся субъективной стороны инкриминируемого деяния, не основаны на законе (ст. 25 УК РФ) и содержат существенные противоречия, которые повлияли на решение вопроса о виновности гр. О [6].

Судебная коллегия Томского областного суда 25 октября 2018 г. оправдала гр. Л. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 226.1 УК РФ, по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса РФ, ввиду отсутствия в его действиях состава преступления, а именно отсутствия признака субъективной стороны преступления – прямого умысла у гр. Л. на незаконное перемещение через границу именно сильнодействующего вещества, поскольку он не понимал, что заказывает и перемещает запрещенное в обороте в РФ сильнодействующее вещество и это вещество доставляется из другого государства с пересечением государственной границы, а опровергающих это утверждение доказательств материалы дела не содержат. Таким образом, при оценке преступлений с неопределенным умыслом квалификация осуществляется в соответствии с теми фактическими последствиями, которые повлекло за собой деяние виновного [13].

Рассматривая последствия как признак объективной стороны состава преступления, отметим, что конструкции ряда составов преступлений вызывают оживленные дискуссии, порождают различную правоприменительную практику и затруднения при толковании. Примером такого состава является ст. 238 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность, в частности, за выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей.

Федеральным законом от 9 июля 1999 г. № 157-ФЗ из диспозиции ч. 1 обозначенной нормы было исключено указание на наступление последствий в виде причинения вреда здоровью человека, что привело некоторых ученых и практических работников к выводу о том, что рассматриваемый состав является по своей конструкции формальным [2, 3] и предусматривает умышленную форму вины, а также породило

проблемы разграничения преступлений, подпадающих под действие ст. 238 УК РФ и административных правонарушений. Так, например, к уголовной ответственности привлекаются водители такси за перевозку детей без специальных удерживающих кресел [12], перевозку пассажиров при наличии неисправностей шин транспортного средства [7], что, по сути, подпадает под действие соответственно ч. 3 ст. 12.23, ч. 1 ст. 12.5 Кодекса об административных правонарушениях РФ и др.

Уголовные дела по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, часто рассматриваются с применением особого порядка судебного разбирательства, когда обвиняемый полностью признает свою вину в инкриминируемом деянии, а суд постановляет приговор, не исследуя доказательств в судебном заседании, и такие приговоры, как правило, не обжалуются в вышестоящие инстанции.

Однако в последнее время суды все чаще стали выносить оправдательные приговоры по указанной категории уголовных дел, мотивируя свое решение недоказанностью стороной обвинения реальности опасности оказываемой услугой жизни и здоровью потребителей, либо выносят обвинительные приговоры, когда деяние повлекло последствия в виде причинения потребителю услуг нетяжкого вреда здоровью [11], либо в случаях, когда обвиняемый уже привлекался за аналогичное деяние к административной ответственности [8, 9, 10]. Однако имеется и практика вынесения оправдательных приговоров даже при наличии фактов предшествовавшего привлечения обвиняемого к административной ответственности за аналогичное деяние ввиду отсутствия при предоставлении услуги реальности угрозы жизни и здоровью потребителя.

Сложившаяся ситуация приводит к выводу о необходимости реформирования ст. 238 УК РФ. Изложенное выше позволяет судить о том, что в ст. 238 УК РФ речь идет о существовании трех самостоятельных составов преступлений, которые, как представляется, целесообразно разграничить путем введения в уголовный закон отдельной нормы, предусматривающей уголовную ответственность только за выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, и внести в УК РФ следующие изменения:

- исключить из ч. 1 ст. 238 фразу «выполнение работ или оказание услуг»;
- дополнить нормой «Статья 237.1. Выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности»;
- диспозицию ч. 1 указанной нормы изложить в следующей редакции: «Выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, при

наличии реальной угрозы причинения такого вреда, а равно лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние»;

– диспозицию ч. 2 указанной нормы изложить в следующей редакции:

«Те же деяния, если они:

а) повлекли по неосторожности причинение вреда здоровью человека, но не повлекли последствий, указанных в ст. 111 настоящего Кодекса;

б) совершены группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

в) совершены в отношении услуг, предназначенных для детей в возрасте до 6 лет»;

– диспозицию ч. 3 указанной нормы изложить в следующей редакции:

«Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека»;

– диспозицию ч. 4 указанной нормы изложить в следующей редакции:

«Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть двух или более лиц».

Представляется, что внесение указанных изменений в уголовный закон позволит сформировать единообразную правоприменительную практику и устранил спорные вопросы в законодательном регулировании уголовной ответственности за выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей.

Список литературы

1. Анисимова И.А. Уголовно-правовое значение преступного вреда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2008. 232 с.

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. Особенная часть. Раздел IX. Т. 3 / отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2017 // СПС «КонсультантПлюс»

3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2015. Т. 2 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Пудовочкин Ю. Е., Дорогин Д.А. Учение о преступлении и о составе преступления: учеб. пособие. М., 2017. 224 с.

5. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018–2020 гг. // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 15.02.2022).

6. Кассационное определение Псковского областного суда от 20 июля 2011 г. по делу № 22-811 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 15.02.2022).

7. Апелляционное постановление Иркутского областного суда от 09.06.2018 г. по делу № 22-1619/2018 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: [http:// sudact.ru](http://sudact.ru) (дата обращения: 15.02.2022).

8. Приговор Заводского районного суда г. Новокузнецка от 03.03.2017 г. по делу № 1-50/2017 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: [http:// sudact.ru](http://sudact.ru)

9. Приговор Зеленогорского районного суда г. Санкт-Петербурга от 6 декабря 2017 г. по делу № 1-60/2017 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: [http:// sudact.ru](http://sudact.ru) (дата обращения: 15.02.2022).

10. Приговор Красноармейского районного суда г. Волгограда от 13 января 2016 г. по делу № 1-106/2016 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: [http:// sudact.ru](http://sudact.ru) (дата обращения: 15.02.2022).

11. Приговор Ленинского районного суда г. Тюмени от 19 июля 2018 г. по делу № № 1-365/ 2018. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: [http:// sudact.ru](http://sudact.ru) (дата обращения: 15.02.2022).

12. Приговор Центрального районного суда г. Кемерово от 2 ноября 2016 г. по делу № 1-372/2016. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: [http:// sudact.ru](http://sudact.ru) (дата обращения: 15.02.2022).

13. Приговор Томского областного суда № 22-1490/2018 от 25 октября 2018 г. по делу № 22-1490/2018 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: [http:// sudact.ru](http://sudact.ru) (дата обращения: 15.02.2022).

Об авторах:

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Павловна – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета, г. Псков (г. Псков, ул. Красноармейская, д. 1); SPIN-код: 6116-2416, AuthorID: 729734; e-mail: pavlovna.76@mail.ru

БУДАНОВА Людмила Юрьевна – кандидат юридических наук; доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Псковского филиала Академии ФСИН России, г. Псков (г. Псков, Зональное шоссе, д. 28); SPIN-код: 6522-3420, AuthorID: 730967; e-mail: milabudanovpskov@mail.ru

**THE MEANING OF THE ATTRIBUTES OF THE OBJECTIVE SIDE
OF A SOCIALLY DANGEROUS ACT FOR ITS QUALIFICATION
IN LAW ENFORCEMENT PRACTICE**

O.P. Alexandrova¹, L.Yu. Budanova²

¹ Pskov State University, Pskov

² Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pskov

The article considers some aspects of the meaning of the characteristics of the objective aspect of the crime for its qualification and the problems of their interpretation in law enforcement practice, proposals for improving the criminal law aimed at reforming Art. 238 of the Criminal Code in order to distinguish its three independent corpus delicti by introducing into the criminal law a

separate provision criminalizing only the performance of works or services that do not meet the safety requirements of life or health of consumers.

Keywords: *corpus delicti, objective characteristics, qualification.*

About authors:

ALEXANDROVA Olga – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure, Pskov State University, Pskov (Pskov, Krasnoarmeyskaya str., 1), SPIN-code: 6116-2416, AuthorID: 729734; e-mail: pavlovna.76@mail.ru

BUDANOVA Lyudmila – PhD in Law, Associate Professor of the Department of civil law disciplines of the Pskov Branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pskov (Pskov, Zonal highway, 28); SPIN-code: 6522-3420, AuthorID: 730967, e-mail: milabudanovapskov@mail.ru

Александрова О.П., Буданова Л.Ю. Значение признаков объективной стороны общественно-опасного деяния для его квалификации в правоприменительной практике // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 86–93.

ПРОБЛЕМЫ УСИЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИЗНАСИЛОВАНИЕ И ДРУГИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В.Ю. Викторов¹, П.А. Матвеев¹, С.А. Шумаков²

¹ ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»,
г. Клин

² ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
г. Краснодар

В связи с законодательной инициативой, рассматриваемой в Государственной Думе РФ, связанной с усилением уголовной ответственности за преступления сексуального характера против несовершеннолетних, в научных кругах и в обществе вновь возникла дискуссия о проблеме адекватности закрепленного в уголовном законе наказания за указанные деяния и полноты принимаемых государством мер по предупреждению совершения названных преступлений. Федеральный законодатель уже закрепил в отношении несовершеннолетних особый статус, включив в ст. 131–134 УК РФ квалифицированные и особо квалифицированные составы, в рамках реформ 2009 г. и 2011–2012 гг. серьезно усилена ответственность лиц, ранее совершивших аналогичные преступления. Отмечается, что в РФ отсутствует целостная уголовная политика по реформированию законодательства по защите половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних, включающая в себя также организационные и социально-экономические меры по реабилитации жертв сексуальных преступлений, а также по предупреждению совершения данных тяжких и особо тяжких преступлений, потерпевшими по которым становятся дети.

Ключевые слова: уголовная ответственность, несовершеннолетние, половая неприкосновенность, изнасилование, наказание, пожизненное лишение свободы.

Жизнь, права и свободы несовершеннолетних детей, в том числе право на полноценное развитие без насилия и сексуальной эксплуатации, находятся под особой правовой охраной. О приоритете прав детей как особой категории субъектов говорится в ч. 4 ст. 67.1 обновленной Конституции РФ [1]. Важность защиты детей от растления, противоправных действий сексуального характера и возложение на государство соответствующей обязанности по принятию комплекса организационных, правовых и социально-экономических мер нашли отражение в Конвенции ООН «О правах ребенка» 1989 г. [2], Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и

сексуальных злоупотреблений 2007 г. [3]. Важно отметить, что оба эти документа ратифицированы в Российской Федерации и, следовательно, обязательны для исполнения.

Защита прав несовершеннолетних на половую свободу и половую неприкосновенность нашла закрепление в соответствующих составах преступления Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [4]. Насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетней (ч. 2 ст. 132 УК РФ в первоначальной редакции), о чем виновное лицо должно было заранее знать, наказывалось лишением свободы на срок от 4 до 10 лет. Те же насильственные действия сексуального характера, которые были совершены в отношении ребенка до 14 лет, были помещены законодателем в ч. 3 ст. 132 УК РФ (наравне с причинением тяжкого вреда здоровью, смертью по неосторожности, заражением потерпевшего лица ВИЧ-инфекцией) влекли более тяжкое наказание – лишение свободы на срок от 8 до 15 лет. Таким образом, наказания по ч. 2 ст. 131 и ч. 3 ст. 132 УК РФ равнозначны.

В ст. 133 УК РФ предусматривалась ответственность за понуждение к действиям сексуального характера. При этом квалифицированного состава за те же деяния, которые были совершены в отношении несовершеннолетнего лица, в указанной статье не было. Максимальное наказание по данной статье – до 1 года лишения свободы.

Наконец, ст. 134 УК РФ предусматривала ответственность за деяние, которое было совершено полностью дееспособным лицом, достигшим возраста 18 лет, и совершившим развратные действия сексуального характера с 16-летним несовершеннолетним. При этом органам предварительного следствия необходимо было доказать, что виновное лицо заранее знало возраст потерпевшего и все же не прекратило выполнение своего преступного замысла.

Серьезная модернизация уголовного закона по пересмотру отдельных составов преступлений в части защиты половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних была осуществлена в 2009 г. [5], а усиление ответственности за совершение противоправных действий сексуального характера, потерпевшей стороной которых выступали несовершеннолетние, было сделано путем принятия федеральных законов в 2011–2012 гг. [6, 7]. В частности, были пересмотрены ключевые составы преступлений по ст. 131–134 УК РФ, в том числе появились особо квалифицированные составы преступлений, устранена проблема, связанная с определением возврата потерпевшего лица – исключен из состава преступлений термин «в отношении заведомо несовершеннолетнего».

Имевшиеся на тот момент статистическая информация, обобщенные материалы судебной практики, научные выступления и статьи, позволили авторам целого ряда законопроектов предложить

кардинальные изменения по защите половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних. Изменения позволили:

– предусмотреть возможность замены лишения свободы более мягкими видами наказания в тех случаях, когда виновное лицо совершило преступление впервые, отбыло не менее половины срока в местах лишения свободы и раскаялось в совершенном деянии. При этом ст. 73 УК РФ была дополнена специальным правилом, что условное наказание не назначается лицам, совершившим деяние против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14 лет [10];

- усилить ответственность за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14 лет, совершенные лицами, ранее судимыми за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. В пояснительной записке к законопроекту № 577813-5 специально указывалось, что «...из 7598 человек, осужденных за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности (статьи 131–135 УК РФ), более двух тысяч осужденных имели неснятые и непогашенные судимости, около пятисот человек совершили данные преступления, будучи освобожденными от отбывания наказания досрочно» [11];

– установить правовые механизмы, определяющие порядок применения принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим в возрасте старше 18 лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего 14 лет, и страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, а также комплекса мер медицинского характера к лицам, совершившим преступление против половой свободы и половой неприкосновенности личности [13].

В этой связи следует согласиться с учеными и представителями научного сообщества, которые отмечают, что современное уголовное законодательство стало в большей мере соответствовать международным стандартам прав человека [9, 14].

Так, в ст. 131 УК РФ изнасилование несовершеннолетней было перенесено из ч. 2 в ч. 3 с усилением ответственности виновного лица. Теперь наказание за данное умышленное преступление влечет лишение свободы на срок от 8 до 15 лет. Кроме того, исходя из фактических обстоятельств дела, суд вправе назначить дополнительное наказание в виде запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, поскольку виновное лицо могло совершить общественно опасное деяние, занимая должность педагога, воспитателя, руководителя интерната и т.п.

В свою очередь, изнасилование малолетнего ребенка (до 14 лет) стало квалифицироваться по ч. 4 ст. 131 УК РФ, при этом минимальное наказание возросло с 8 до 12 лет, а максимальное наказание – до 20 лет лишения свободы.

Кроме того, за изнасилование малолетнего ребенка лицом, которое ранее уже имело судимость за аналогичные преступления сексуального характера, с учетом особой опасности совершенного деяния и нанесенной потерпевшей психологической травмы, федеральный законодатель установил санкцию в ч. 5 ст. 131 УК РФ в виде лишения свободы от 15 до 20 лет либо пожизненное лишение свободы. В качестве дополнительного обязательного наказания указывается лишение права занимать должности или заниматься определенной деятельностью сроком до 20 лет.

Таким образом, федеральный законодатель в рамках уголовной политики по защите несовершеннолетних от противоправных деяний сексуального характера с целью защиты половой свободы и половой неприкосновенности детей уже с 2012 г. ввел фактически пожизненное лишение свободы для особо опасных рецидивистов, ранее осужденных за противоправные деяния сексуального характера с участием несовершеннолетних и вновь совершивших аналогичное преступление [12].

Обсуждаемый в настоящий момент законопроект № 1248305-7 [8], создавший определенный информационный шум, не формирует какой-либо новой практики реагирования на факты совершаемых сексуальных преступлений, потерпевшими по которым являются несовершеннолетние, кроме как ужесточение наказания. Среди «кардинальных изменений» по ст. 131 УК РФ предложено за совершение изнасилований двух или более несовершеннолетних лиц, а равно при условии совершения другого тяжкого или особо тяжкого преступления, в случае, если жертвой будет являться несовершеннолетнее лицо, подвергать виновного наказанию в виде лишения свободы на срок от 15 до 20 лет либо пожизненно. Аналогичные изменения вносятся в ч. 5 ст. 132 УК РФ.

При этом, в отличие от законопроектов 2011–2012 гг., в пояснительной записке к рассматриваемому законопроекту не представлены материалы статистики о всплеске преступлений, потерпевшими по которым выступали бы несовершеннолетние, а субъектами – особо опасные рецидивисты, ранее осужденные по ст. 131 и 132 УК РФ. В открытой печати объявлена официальная позиция Правительства РФ и Верховного Суда РФ, поддержавших указанный законопроект. Следственный комитет РФ (далее – СК РФ) в целом положительно оценивает изменения указанных выше статей уголовного закона. Вместе с тем официальная позиция СК РФ заставляет усомниться в правильности решения по изменению особо квалифицированных составов преступления ч. 5 ст. 131 УК РФ и ч. 5 ст. 132 УК РФ со ссылкой на следующие факты: «...Каждый год порядка 50 человек, уже имевших аналогичную судимость, осуждают за сексуальные преступления против детей. Кроме того, только в текущем году в суды направили дела в

отношении 114 фигурантов, у которых диагностировали педофилию. У таких лиц вероятность рецидива существенно выше» [16].

В данном случае можно говорить о существенных недостатках в работе органов внутренних дел, отсутствии взаимодействия органов полиции и сотрудников пенитенциарной системы с другими органами и организациями с целью предупреждения совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Недостатки в работе указанных органов увеличивают количество детей, пострадавших от педофилов. До усиления наказания по указанным преступлениям следовало бы добиться, в первую очередь, надлежащей работы должностных лиц и государственных органов в части обеспечения контроля над поведением лиц, ранее осужденных за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности, и освобожденных из мест лишения свободы.

Ни текст пояснительной записки, ни официальные позиции Правительства РФ, Верховного Суда РФ, СК РФ не дают представления о масштабах проблемы по рассматриваемым преступлениям сексуального характера. Не дается ответ на главный вопрос: как и при каких обстоятельствах оказался возможным контакт ребенка или даже группы детей с лицом (лицами), которые смогли совершить свой преступный замысел и войти в сексуальный контакт, а в ходе предварительного расследования и при рассмотрении дела в суде у данных лиц было диагностировано заболевание «педофилия».

Созданный информационный повод для обсуждения проблемы уголовной ответственности педофилов никак не повлиял на формирование новой уголовной политики по защите половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних. Фактически идет отказ от разработки и поэтапного приведения данной уголовной политики в жизнь с привлечением всех заинтересованных органов и должностных лиц, научных и образовательных организаций на основе фактического материала и с применением широкой линейки научных методов.

На наш взгляд, остаются без должного внимания современные исследования отечественных ученых, предлагающих подчас значимые изменения уголовного закона по рассматриваемым составам преступления: официальное определение понятиям «половая свобода», «половая неприкосновенность», «половое сношение», «развратные действия» и ряд других; разделение противоправных действий на контактные и бесконтактные; введение квалифицированных составов преступлений для родителей или лиц, их замещающих, поскольку это повышает общественную опасность сексуального преступления; усиление защиты несовершеннолетних, которые являлись на момент сексуального контакта инвалидами и целый ряд других новаций [15, 17, 18].

Кроме того, в публичных выступлениях и научных публикациях в подавляющем большинстве случаев говорится только о личности преступника. При этом из поля зрения выпадает жертва – сам несовершеннолетний, подвергшийся насилию. Вместе с тем физические и морально-нравственные страдания у ребенка могут не проходить годами, а необходимой программы и скоординированных действий органов власти по реабилитации жертв сексуального насилия до настоящего времени в Российской Федерации нет.

В этой связи анонсированные изменения в уголовной закон в части усиления ответственности за совершение преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних без должного анализа правоприменительной практики, имеющихся предложений отечественных ученых, зарубежного опыта, а также без устранения недостатков в работе органов, в чью компетенцию входит контроль за лицами, освободившимися из мест лишения свободы, являются малопонятными и преждевременными.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм. от 01.07.2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.11.2021).

2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

3. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (CETS № 201) [рус., англ.]. (Заключена в г. Лансароте 25.10.2007) // Бюллетень международных договоров. 2014. № 6. С. 15–54.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

5. Федеральный закон от 27.07.2009 г. № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // РГ. 2009. № 139. 30 июля.

6. Федеральный закон от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // РГ. 2011. № 278. 9 декабря.

7. Федеральный закон от 29.02.2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» // РГ. 2012. № 46. 2 марта.

8. Законопроект № 1248305-7 «О внесении изменений в статьи 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части усиления ответственности за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних)» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1248305-7> (дата обращения: 10.11.2021).

9. Акатова Н.С., Алексеева С.И., Архипов М.А. [и др.] Государство и общество: российская специфика. Тверь: ООО «СФК-офис», Российский государственный социальный университет, филиал в г. Клин, 2020. 184 с.

10. Акатова Н.С., Артемьев А.А., Архипов М.И., Баранова Т.Л., Малышева О.С. [и др.] Социально-экономическая политика и современное государство. Тверь: Твер. гос. университет, 2018. 278 с.

11. Акатова Н.С., Артемьев А.А., Викторов В.Ю. [и др.] Многообразие аспектов социальной политики. Тверь: Тверской гос. университет, 2017. 184 с.

12. Антонова Н.А., Барткова О.Г., Очагова В.С. [и др.] Проблемы современного российского процессуального и материального права (в поиске эффективных норм). Тверь: Тверской гос. университет, 2017. 180 с.

13. Куксин И.Н. Социальные и юридические аспекты ответственности // Право и общество. 2015. № 2 (14). С. 189–199.

14. Куксин И.Н., Азнагулова Г.М. Правовое государство, право и общечеловеческие ценности // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3 (37). С. 10–12.

15. Мотин А.В. Квалификация преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 248 с.

16. СКР поддержал усиление ответственности для педофилов-рецидивистов [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/news/235588/> (дата обращения: 10.11.2021).

17. Скрипова И.И. Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних: компаративное исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 28 с.

18. Степанова О.Ю. Уголовная ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних: совершенствование законодательной регламентации и правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2018. 286 с.

Об авторах:

ВИКТОРОВ Вячеслав Юрьевич – доцент Филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет» в г. Клину Московской области (141607, Московская обл., г. Клин, Волоколамское шоссе, д. 20/1), SPIN-код автора: 2998-3804, e-mail: ionow.fran@yandex.ru

МАТВЕЕВ Павел Александрович – старший преподаватель Филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет» в г. Клину Московской области (141607, Московская обл., г. Клин, Волоколамское шоссе, д. 20/1), SPIN-код автора: 7215-8943, e-mail: matveev.ur@mail.ru

ШУМАКОВ Сергей Александрович – старший преподаватель кафедры уголовного права Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Краснодар, Западный внутригородской округ, ул. Красных Партизан, 234), SPIN-код автора: 9968-2090, e-mail: shumak07031971@mail.ru

PROBLEMS OF STRENGTHENING CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR RAPE AND OTHER SEXUAL CRIMES AGAINST MINORS

V.Y. Viktorov¹, P.A. Matveev¹, S.A. Shumakov²

¹ Russian State Social University, Klin

² Russian State University of Justice, Krasnodar

In connection with the legislative initiative considered in the State Duma of the Russian Federation, related to the strengthening of criminal liability for crimes of a sexual nature against minors, a discussion arose again in scientific circles and in society about the problem of the adequacy of the punishment enshrined in the criminal law for these acts and completeness of measures taken by the state to prevent the commission of these crimes. The federal legislator has already secured a special status for minors by including in Art. 131–134 of the Criminal Code of the Russian Federation qualified and especially qualified offenders, as part of the reforms of 2009 and 2011–2012. the responsibility of persons who have previously committed similar crimes has been seriously strengthened. It is noted that in the Russian Federation there is no holistic criminal policy to reform legislation to protect sexual freedom and sexual integrity of minors, which also includes organizational and socio-economic measures to rehabilitate victims of sexual crimes, as well as to prevent the commission of these grave and especially grave crimes, the victims of which are children.

Keywords: *criminal liability, minors, sexual inviolability, rape, punishment, life imprisonment.*

About authors:

VIKTOROV Vyacheslav – Associate Professor, Branch of the Russian State Social University in Klin (20/1, Volokolamsk highway, Klin), SPIN-code: 2998-3804, e-mail: ionow.fran@yandex.ru

MATVEEV Pavel - senior lecturer, Branch of the Russian State Social University in Klin (20/1, Volokolamsk highway, Klin), SPIN-code: 7215-8943, e-mail: matveev.ur@mail.ru

SHUMAKOV Sergey – senior lecturer of the Department of Criminal Law of the North Caucasus Branch Russian state university of justice (234, Krasnye Partizan str., Krasnodar), SPIN-code: 9968-2090, e-mail: shumak07031971@mail.ru

Викторов В.Ю., Матвеев П.А., Шумаков С.А. Проблемы усиления уголовной ответственности за изнасилование и другие преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 94–101.

СТРУКТУРА СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ НЕЗАКОННОЙ ГОСПИТАЛИЗАЦИИ В МЕДИЦИНСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ, ОКАЗЫВАЮЩУЮ ПСИХИАТРИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В СТАЦИОНАРНЫХ УСЛОВИЯХ

А.Н. Калужный

ФГКВОУ ВО «Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации», г. Орел

Анализируются способы совершения посягательств, связанных с незаконной госпитализацией в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях; обосновывается полноструктурная система способов совершения исследуемых преступлений; анализируются и аргументируются составляющие способов подготовки, способов совершения и способов сокрытия рассматриваемых преступлений; исследуется правоприменительная практика их раскрытия и расследования.

***Ключевые слова:** способ преступления, подготовка преступления, сокрытие преступления, психиатрический стационар, незаконная госпитализация.*

Способ совершения преступлений выступает важнейшей, системообразующей, центральной составляющей криминалистической характеристики практически любого преступления [2, с. 53]. Учение о способе преступления опирается на повторяющиеся формы подготовки, совершения и сокрытия преступных посягательств определенного вида (группы).

Проведенный нами анализ способов совершения преступлений, связанных с незаконной госпитализацией в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, позволил выявить зависимость преступных действий виновных от установленной государством процедуры госпитализации в психиатрический стационар. Закономерности способа совершения незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, теснейшим образом связаны с деятельностью медицинских работников (врачей-психиатров, заведующих отделениями, главных врачей больниц или стационаров и т.п.) и являются субъектами–исполнителями рассматриваемых преступлений. Однако напрямую, безапелляционно госпитализировать лицо в психиатрический стационар невозможно, что обуславливает преступников маскировать свою деятельность под правомерную, прикрываясь процедурами, установленными государством для недобровольной госпитализации человека.

Необходимо иметь в виду и то, что медицинский персонал, привлекаемый к уголовной ответственности за незаконную госпитализацию в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, как правило, будучи корыстно заинтересован, действует в интересах третьих лиц: родственников, близких жертве, опекунов, попечителей, иных лиц, оказывающих «заботу» о потерпевшем. Последние выступают инициаторами преступных действий, склоняют уполномоченных законодательством должностных лиц на принятие необоснованных и незаконных решений о госпитализации, а сами являются соучастниками исследуемой преступной деятельности.

Исследование эмпирического материала по преступлениям, связанным с незаконной госпитализацией в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, позволило нам говорить о совокупности преступных действий, объединенных единой целью, образованных способами подготовки к исследуемым посягательствам, способами их совершения и приемами сокрытия преступной деятельности:

– подготовка к преступлению: а) изучение механизма госпитализации; б) исследование обстановки совершения преступления; в) поиск исполнителя недобровольной госпитализации; г) разработка плана преступной деятельности; д) поиск соучастников незаконной госпитализации; е) приискание орудий и средств преступления;

– совершение преступления: а) ограничение свободы жертвы и ее перемещение в психиатрический стационар; б) оформление медицинских документов с фальсифицированными основаниями госпитализации; в) получение заключения комиссии врачей-психиатров о необходимости госпитализации; г) приобретение судебного решения о госпитализации лица;

– сокрытие преступной деятельности: а) фальсификация медицинской документации; б) придание правомерности совершаемым действиям.

Анализ преступлений, связанных с незаконной госпитализацией в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, свидетельствует о наличии длительной, кропотливой, ответственной подготовки к совершению данных преступлений. Рассмотрим составляющие способа исследуемых преступлений.

1. Изучение механизма госпитализации является первой составляющей способа подготовки к совершению исследуемых преступлений. Преступники активно занимаются анализом положений российского законодательства в сфере оказания психиатрической помощи, оценивают возможные виды госпитализации лиц, обладающих

психическими расстройствами [1, с. 112], выясняют порядок и виды (варианты) госпитализации в медицинские организации.

2. Исследование обстановки совершения преступления. Подготовка к осуществлению преступной деятельности обязательным условием предопределяет выбор вида медицинского учреждения и услуг, которые они предоставляют. Для реализации недобровольной госпитализации лица преступникам необходимо получить направление на психиатрическое освидетельствование в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. Это возможно: посредством предварительного освидетельствования врачом-психиатром скорой медицинской помощи; получив направление на указанное освидетельствование из психоневрологического диспансера, оказывающего медицинскую помощь в амбулаторных условиях; путем непосредственного доставления (с помощью соучастников) в психиатрический стационар и проведения такого освидетельствования заинтересованным врачом-психиатром.

3. Поиск исполнителя недобровольной госпитализации. Для этих целей преступниками изучается персонал психоневрологических диспансеров, который может: оказать консультативную помощь в совершении незаконного помещения лица в психиатрический стационар; искусственно создать у лица состояние, указывающее на необходимость его госпитализации для оказания психиатрической помощи; оформить необходимые документы о наличии у лица психиатрического заболевания; «создать историю» болезни [9, с. 92]; выдать направление на медицинское освидетельствование в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях; зафиксировать наличие психического состояния, являющегося основанием для недобровольной госпитализации в стационар и др. Как правило, изучаемый преступниками медицинский персонал осознанно или неумышленно консультирует виновных, раскрывает содержание и механизм недобровольной госпитализации, описывает требования, которым должен соответствовать госпитализируемый психически больной человек.

Так, С. в целях незаконной госпитализации в психиатрический стационар П. приехал для консультаций в Московскую психиатрическую больницу № 1 им. Н.А. Алексеева, где встретился с ранее малознакомой О., обманув которую, получил информацию о том, что недобровольная госпитализация возможна лишь по инициативе близких родственников, а выяснив прописку жертвы, О. посоветовала обратиться к знакомому врачу Московской психиатрической больницы № 2 им. В.И. Яковенко [14]. Данный этап является одной из наиболее трудоемких составляющих способа совершения исследуемых преступлений [3, с. 47].

4. Разработка плана преступной деятельности. Изученный ранее механизм госпитализации, исследованные преступниками условия и

обстановка предполагаемого преступного посягательства, а также проведенные консультации с врачами-психиатрами (медицинским персоналом) позволяют сформировать у субъектов четкие представления о количестве требуемых соучастников, их ролях в преступлении, орудиях и средствах, которые необходимо приискать для реализации преступных замыслов. Все это позволяет субъектам разработать преступный план, мероприятия которого в последующем реализуются, трансформируясь в преступную деятельность.

5. Поиск соучастников незаконной госпитализации. Реализация способа анализируемого преступления обуславливает поиск соучастников преступной деятельности [6, с. 122] для облегчения совершения преступления: фальсификации медицинских документов; нотариального удостоверения сделок с недвижимостью; осуществления физического воздействия на потерпевшего; реализации незаконной госпитализации жертвы и т.п.

6. Приискание орудий и средств преступления. Приискание орудий и средств совершения посягательства, связанного с незаконной госпитализацией в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, заключается в приобретении автотранспортных и иных средств, необходимых для оказания физического и психологического воздействия на потерпевшего и его перевозки к последующему месту удержания и госпитализации [14, с. 28]. Приискиваются фиктивные документы, свидетельствующие о наличии у лиц психиатрического расстройства, постановке или нахождении жертвы на диспансерном учете, направлении лица для проведения психиатрического освидетельствования и др. [12, с. 35–36]. В качестве средств преступной деятельности по исследуемой нами категории уголовных дел были выявлены и медицинские лекарственные препараты, оказывающие влияние на психику потерпевшего [10, с. 21]. Тем самым преступники подготавливают основания для незаконной госпитализации лица.

Следующим элементом преступлений, связанных с незаконной госпитализацией в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, являются способы совершения анализируемых преступлений.

1. Первой составляющей способов совершения рассматриваемых преступлений является ограничение свободы жертвы и ее перемещение в психиатрический стационар. Проведенное нами изучение механизма рассматриваемых преступлений свидетельствует о том, что доставление жертвы в стационар возможно несколькими способами: с помощью соучастников, которые привезут потерпевшего по достигнутой заранее с врачом-психиатром договоренности; посредством скорой медицинской помощи; по направлению (в психиатрический стационар), полученному из психоневрологического диспансера [15, 18].

Наиболее «традиционным» является вариант перемещения жертвы в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, с помощью скорой медицинской помощи, врач-психиатр которой примет предварительное решение о необходимости госпитализации лица и доставит жертву в стационар [4, с. 7]. Однако в данном случае потерпевшего необходимо «подготовить» к осмотру, для чего соисполнителями применяются медицинские препараты, ранее рекомендованные исполнителем (врачом-психиатром), которые принудительно вводят (вкалывают) потерпевшему.

2. Оформление медицинских документов с фальсифицированными основаниями госпитализации. Составление врачом-психиатром (исполнителем преступления) документов о госпитализации лица в большинстве своем предопределяет дальнейшую судьбу потерпевшего. Оказавшись в психиатрическом стационаре, жертва может медикаментозно поддерживаться в «нужном» состоянии, позволяющем в последующем комиссии врачей-психиатров вынести заключение о необходимости недобровольной госпитализации лица [7, с. 223]. В случае, если исполнителем преступления является заведующий отделением, главный врач медицинского учреждения, потерпевший может быть госпитализирован по их указанию, а документы о необходимости такой госпитализации будут составлены дежурным врачом-психиатром приемного отделения.

Так, Н., являясь должностным лицом – заведующим отделением кризисных состояний Государственной Новосибирской клинической психиатрической больницы № 3, используя свои должностные полномочия вопреки интересам службы, из корыстных побуждений, дал указание своему знакомому дежурному врачу-психиатру Г. оформить госпитализацию потерпевшего К., сделав в истории болезни К. соответствующую запись. Неосведомленный об истинных целях действий Н., Г. выполнил его просьбу, поместив против воли К. в отделение кризисных состояний указанной больницы, исключив возможность К. уйти из отделения или обратиться за помощью к кому-либо из медицинского персонала отделения [17].

3. Оформление заключения комиссии врачей-психиатров о необходимости госпитализации. Рассматриваемая составляющая способа исследуемых преступлений выступает промежуточным звеном в механизме незаконной госпитализации жертвы. Будучи госпитализированной в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, жертва подвергается принудительному воздействию медикаментозными препаратами [13, с. 30], чем достигается «необходимое» для ее госпитализации состояние. Кроме того, поведение потерпевшего в психиатрическом стационаре никак не выделяется на фоне остальных лиц, находящихся на лечении в рассматриваемых медицинских

учреждениях. Все это, в совокупности с сфальсифицированными записями в истории болезни жертвы, обуславливает принятие комиссией врачей-психиатров (в ходе психиатрического освидетельствования лица) решения о наличии у потерпевшего психиатрического расстройства, свидетельствующего о необходимости госпитализации.

4. Получение судебного решения о госпитализации лица. Данная составляющая способа совершения анализируемых преступных деяний является технической (процедурной). Обращение медицинской организации в суд приводит к получению судебного решения о принудительной госпитализации лица. Бесспорно, судья, рассматривающий поступившие к нему материалы о принудительной госпитализации лица, добровольно заблуждается в объективности совершаемых действий [8, с. 382]. Указанное объяснимо тем, что судья руководствуется представленными медицинскими документами, в которых находят подтверждение и основания госпитализации, и наличие психиатрического расстройства у лица.

Рассматриваемой составляющей способа совершения незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, возможно избежать, если исполнитель преступления, воспользовавшись сломленным и подавленным состоянием жертвы, убеждает потерпевшего подписать заявление о добровольной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях [16].

Заключительным элементом совершения незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, является способ сокрытия преступной деятельности.

1. Фальсификация медицинской документации. Данная составляющая способа сокрытия исследуемой преступной деятельности характерна для всех этапов способов незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. Поскольку в реализации незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, задействован различный медицинский персонал [11, с. 54–55] (в том числе комиссия врачей-психиатров), а в последующем и суд, преступная деятельность немислима без фиктивных документов или же медицинской документации, содержащей подложные данные о наличии психического расстройства у потерпевшего [12, с. 36].

Следует заметить, что фальсификации подвергаются не только медицинские документы, но и иные документы, помогающие преступникам распорядиться имуществом лица: например, доверенности на куплю-продажу недвижимого имущества, заявления от имени жертвы

на получении справок о составе семьи, выписки из ЕГРН, нотариальной доверенности и др. [5, с. 52].

2. Придание видимости правомерности совершаемых действий. Как непосредственный исполнитель рассматриваемого преступления, так и его соучастники не заинтересованы в разоблачении противоправной деятельности, в связи с чем пытаются ее скрыть, обмануть жертву (до определенного периода реализации посягательства) и иных свидетелей. Для этих целей преступники маскируют истинные мотивы своих преступных действий, обманом путем пытаются получить у потерпевшего согласие на выполнение действий, в которых заинтересованы субъекты [6, с. 158].

О фактах маскировки преступных действий под правомерные свидетельствуют данные судебной и следственной практики, указывающие на использование субъектами медицинских препаратов для «подготовки» жертвы к госпитализации, приведения ее в психически болезненное состояние. Выполнение таких действий необходимо и для получения заключения комиссии врачей-психиатров о наличии у лица психического расстройства, подтверждающего необходимость его госпитализации.

Таким образом, рассмотренные нами составляющие способа незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, являются взаимосвязанными в реализации преступной деятельности и корректируются субъектами в ходе совершения противоправных деяний. В своей совокупности они отражают содержание способа совершения анализируемых преступлений, характеризуя специфику реализации преступных замыслов. Рассмотрев способы совершения рассматриваемого преступного деяния, отметим, что для них характерно наличие полноструктурной составляющей, образованной способами приготовления, способами совершения и приемами сокрытия исследуемых преступлений.

Список литературы

1. Авдеев В.А., Авдеева Е.В. Правовой анализ общеуголовной корыстной преступности в Российской Федерации: Состояние и тенденции развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 1. С. 102–122.
2. Атальянц М.А. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 22 с.
3. Горелов А. Совесть против 100 млн.: как пожилая владелица дорогой квартиры на Арбате внезапно оказалась в психбольнице // Жилищное право. 2021. № 5. С. 47–51.
4. Гурович И.Я. Направления совершенствования психиатрической помощи // Социальная и клиническая психиатрия. 2014. Т. 24. № 1. С. 5–9.

5. Коркина Н.М., Бабин А.А. Мошенничество на рынке недвижимости: способы защиты и восстановления пострадавших // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2014. № 4 (151). С. 50–60.

6. Лавров В.П. Противодействие расследованию преступлений (сущность; генезис теории; криминалистические методы выявления и нейтрализации) // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2006. № 5. С. 156–164.

7. Нахова Н.А. Особенности предмета доказывания и распределения по категориям административных дел в административном судопроизводстве // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 8. С. 216–228.

8. Новицкий А.А. Правовые аспекты применения принудительных мер медицинского характера Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 4 (44). С. 381–384.

9. Пудовочкин Ю.Е. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII—VIII / отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2019. С. 1–13, 19–28, 32–36.

10. Сазонова Л.А., Пильщик А.Б., Коломбет О.О. Госпитализация в психиатрическую клинику: организационные и правовые аспекты // Омский психиатрический журнал. 2015. № 2. (4). С. 19–24.

11. Старченко А.А. Необходимость межведомственного консенсуса контрольно-надзорных органов по экспертизе качества медицинской помощи в сфере здравоохранения // Менеджер здравоохранения. 2016. № 2. С. 53–64.

12. Тузлукова М.В. Способы сокрытия ятрогенных преступлений, следов их совершения и криминалистические методы их установления // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14. № 4. С. 32–42.

13. Шишков С.Н., Гречишкина Н.А. Об изменениях, внесенных в закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Социальная и клиническая психиатрия. 2016. Т. 26. № 1. С. 28–36.

14. Яни П.С. Предмет и средство (орудие) преступления (на примере контрабанды) // Законность. 2020. № 10. С. 27–32.

15. Определение Верховного Суда РФ от 16.05.2006 № 5-о06-38 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Уголовное дело № 33а-35915/2016 // Архив Московского городского суда.

17. Уголовное дело № 1-251/2014 // Архив Дзержинского районного суда г. Новосибирска.

18. Уголовное дело № 2-127/2005 // Архив Московского городского суда.

Об авторе:

КАЛЮЖНЫЙ Александр Николаевич – кандидат юридических наук, доцент; сотрудник ФГКВООУ ВО «Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации» (Россия, Орел, ул. Приборостроительная, 35), SPIN-код: 8084-4601, AuthorID: 763682, e-mail: kaluzniy-a-n@yandex.ru

**THE STRUCTURE OF THE METHOD OF ILLEGAL
HOSPITALIZATION TO A MEDICAL ORGANIZATION
PROVIDING PSYCHIATRIC CARE IN IN-HOPITAL CONDITIONS**

A.N. Kalyuzhny

Academy of Federal Security Service of Russia, Orel

The article analyzes the methods of committing offenses related to illegal hospitalization in a psychiatric hospital; substantiates a complete system of methods for committing the crimes under study; elements of preparation methods, methods of committing and methods of concealing the crimes in question are analyzed and argued; the practice of their disclosure is being investigated.

Keywords: *method of crime, preparation of a crime, concealment of a crime, psychiatric hospital, illegal hospitalization.*

About author:

KALYUZHNY Alexander – PhD in Law, employee of the «Academy of the Federal Security Service of the Russian Federation» (Russia, Orel, Priborostroitel'naya st., 35); SPIN-code: 8084-4601, AuthorID: 763682, e-mail: kaluzniy-a-n@yandex.ru

Калюжный А.Н. Структура способа совершения незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 102–110.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ

Д.Н. Матвеев¹, М.Э. Радченко²

¹ ФГБОУ ВПО «Псковский государственный университет», г. Псков

² ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», г. Псков

Ограничение свободы как вид наказаний, не связанных с изоляцией от общества, представляет собой комплекс мероприятий, которые применяются к осужденным в качестве основного или дополнительного вида наказания. Исполнение данного наказания имеет ряд нерешенных проблем, требующих скорейшего пересмотра органами законодательной власти.

Ключевые слова: ограничение свободы, основной и дополнительный виды наказания, правонарушение, уголовно-исполнительная инспекция, безнаказанность.

На сегодняшний день одна из современных тенденций уголовной политики Российской Федерации – смягчение уголовных наказаний и степени ответственности за преступления, наносящие незначительный вред обществу.

Так, в современном Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) предусмотрен широкий ряд видов наказаний без изоляции от общества. Помимо этого уголовное законодательство постоянно расширяет этот ряд, модернизирует основания назначения наказаний, не связанных с лишением свободы, а также совершенствует порядок их регламентации и дальнейшего исполнения.

Одним из примеров наказания без изоляции от общества является ограничение свободы, которое и будет рассмотрено в данной статье.

Реализация ограничения свободы требует комплексного подхода, включая решение правовых, финансовых, социальных, организационных и иных вопросов, ежемесячного мониторинга ситуации, который позволит повысить качество и результативность исполнения наказания в виде ограничения свободы.

Однако, к нашему сожалению, современный институт наказания в виде ограничения свободы довольно несовершенен и имеет ряд проблемных вопросов при исполнении.

Этим и объясняется актуальность рассмотрения и изучения наказания в виде ограничения свободы.

Целью данной статьи является выявление проблемных вопросов, связанных с ограничением свободы.

В соответствии с целью перед нами были поставлены следующие задачи:

- 1) рассмотреть сущность ограничения свободы;
- 2) рассмотреть порядок применения и исполнения данного вида наказания;
- 3) рассмотреть примеры из практики и возникшие на их почве проблемные вопросы;
- 4) предложить пути решения возникших проблем.

Сущность ограничения свободы как вида уголовного наказания состоит в совокупности обязанностей и запретов, которые, в свою очередь:

- 1) налагаются судом на осуждённого;
- 2) исполняются без изоляции осуждённого от общества в условиях осуществления за ним надзора со стороны специализированного государственного органа.

Органом, обеспечивающим исполнение ограничения свободы, является уголовно-исполнительная инспекция.

Ограничение свободы предусмотрено за преступления небольшой или средней тяжести в качестве основного или дополнительного вида наказания. В частности, ограничение свободы назначается на срок от двух месяцев до четырех лет в качестве основного вида наказания за преступления небольшой тяжести и преступления средней тяжести, а также на срок от шести месяцев до двух лет в качестве дополнительного вида наказания к принудительным работам или лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса [4, с. 158].

Здесь же стоит отметить, что УК РФ предусматривает круг лиц, в отношении которых ограничение свободы не назначается. В данный перечень входят:

- 1) военнослужащие;
- 2) иностранные граждане;
- 3) лица, не имеющие гражданства;
- 4) лица, не имеющие права постоянного проживания на территории Российской Федерации [5, с. 118].

В связи с назначением в отношении осужденного ограничения свободы на него возлагаются определенные запреты и ограничительные меры, а именно:

- 1) запрет покидать место постоянного проживания или пребывания в определенное время суток (обычно в ночное время);
- 2) запрет посещать определенные, указанные в приговоре, места, которые расположены на территории соответствующего муниципального образования;

3) запрет выезжать за территорию (границы) определенного муниципального образования (данный запрет налагается судом в обязательном порядке);

4) запрет участвовать в массовых мероприятиях и посещать данные мероприятия (общественно-политические, культурно-зрелищные, спортивные);

5) запрет осуществлять смену места жительства (данный запрет налагается судом в обязательном порядке), места работы и (или) учебы.

Помимо этого, судом возлагается на осужденного обязанность являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием наказания в виде ограничения свободы, которым является инспекция, от одного до четырех раз в месяц в дни, определенные данным государственным органом.

При исполнении ограничения свободы возникает множество проблемных вопросов организационно-правового характера, требующих разрешения в силу того, что они создают трудности для сотрудников уголовно-исполнительных инспекций в выполнении своих должностных обязанностей [3, с. 149].

Для начала рассмотрим наказание данного вида в качестве дополнительного.

Ограничение свободы может назначаться дополнительно к условному осуждению либо к лишению свободы. Первые проблемы возникают с постановки на учет осужденного [1, с. 275].

Например, после регистрации приговора к лишению свободы условно осужденному необходимо в десятидневный срок разъяснить порядок и условия отбывания условного осуждения на основании Приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества». Вместе с тем осужденному к ограничению свободы необходимо разъяснить порядок и условия отбывания наказания в пятнадцатидневный срок на основании Приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 11 октября 2010 г. № 258 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний в виде ограничения свободы».

Кроме того, в отношении условного осуждения необходимо направить повестку для явки осужденного в уголовно-исполнительную инспекцию для постановки на учет, а для постановки на учет по ограничению свободы необходимо осужденному либо его законному представителю вручить официальное уведомление. Следовательно, возникает вопрос: выходить инспектору по адресу или же направлять повестку по почте.

На наш взгляд, расхождения в документах при постановке осужденного на учет путают, что вызывает трудности в реализации

процесса данной процедуры. Считаем, что для упрощения и исключения нарушений в оформлении документов со стороны сотрудников необходимо разработать общие бланки, подходящие к процедурам как условного осуждения, так и ограничения свободы.

Следующей, уже более важной проблемой можно назвать возможные меры взыскания в отношении осужденных к ограничению свободы. В случае единичного нарушения порядка условий отбывания наказания является возможным дополнить ограничения к ранее установленным, если это не противоречит правилам нормы и логики. Бывают случаи, когда при вынесении приговора суд возложил все возможные ограничения на осужденного. Или же осужденный допустил нарушение, а возможные ограничения применить за указанное нарушение не является логичным. Например, осужденный совершил административное правонарушение, при этом согласно перечню допустимых ограничений возможно применить к осужденному лишь запрет выезда за пределы определенного муниципального образования. Тут же возникает вопрос, правомерно ли данное действие. С другой стороны, за содеянное правонарушение необходимо дополнить наказание в качестве профилактической меры по предотвращению рецидива преступлений [2, с. 38].

В случае злостного уклонения осужденного от исполнения ограничения свободы направляется заявление о возбуждении уголовного дела в соответствии со ст. 314 УК РФ в отдел полиции. К сожалению, вероятность возбуждения уголовного дела в отношении осужденного невелика. Кроме того, инспектором собирается много материалов, что требует огромного количества времени. Имеется практика в отказе возбуждения уголовного дела в отношении осужденного к ограничению свободы с использованием обоснования недостаточных доказательств о свершении преступления либо с отсутствием состава преступления [1, с. 275]. Однако в п.2 ст. 314 УК РФ указано, что неявка осужденного в соответствующий орган уголовно-исполнительной системы является основанием для возбуждения уголовного дела.

Рассмотрим ограничение свободы в качестве основного вида наказания. На наш взгляд, считается очень гуманной замена одного дня лишения свободы на два дня ограничения свободы при злостном уклонении от отбывания наказания. Осужденному уже был дан шанс отбыть наказание, находясь на свободе, однако он пренебрегал данным решением. В случае замены на лишение свободы получается, что срок сокращается вдвое. По нашему мнению, данную позицию стоит пересмотреть не в пользу правонарушителя.

Так же имеет место быть проблема в отношении несовершеннолетних преступников. К примеру, в городе П. несовершеннолетний Н. был осужден к девяти месяцам ограничения свободы. Н. являлся злостным нарушителем, скрывался с места

жительства сутками. В его отношении неоднократно выносились Постановления о применении мер взыскания и о незачете в срок отбывания наказания времени, в течение которого осужденный не находился по месту жительства. Однако заменить ограничение свободы на «реальный срок» не представлялось возможным, так как на момент совершения преступления правонарушителю не было пятнадцати лет. Осужденный чувствовал свою безнаказанность. В конечном итоге осужденный совершил повторное преступление и причинил ущерб государству, который выразился в порче электронного браслета, примененного в его отношении. Исходя из вышеизложенного, возникает вопрос, в чем суть наказания в данном случае, когда осужденный понимает, что государственный орган не сможет применить какие-либо превентивные меры в отношении него.

Кроме негативных факторов при исполнении наказания в виде ограничения свободы имеются и положительные моменты для осужденных, например: в случае если осужденный официально трудоустроен и его деятельность связана с выездами за пределы того или иного муниципального образования, а по приговору суда он не имеет права выезда, то осужденный вправе обратиться с ходатайством о дополнении ограничения. После чего надзирающий орган вправе выйти в суд с представлением о дополнении ограничения не выезжать за пределы муниципального образования (на территории которого проживает) за исключением случаев, связанных с трудовой деятельностью. Либо осужденный ограничен во времени, то есть не имеет право покидать постоянное место жительства в ночное время, например с 22.00 до 06.00 часов, а трудовая деятельность осуществляется посменно, в том числе и в ночные смены. В таких случаях осужденный так же имеет право обращаться в инспекцию с ходатайством, а далее процедура идентичная. Безусловно, это распространяется на тех осужденных, которые официально трудоустроены и подтверждают все выезды и выходы на работу документально. Сюда же можно отнести меры поощрения, примененные в отношении данной категории осужденных. Такие как выезд за пределы того или иного муниципального образования в индивидуальных случаях, например смерть близкого родственника.

Обобщая все вышеприведенные примеры, обозначающие пробелы в исполнении ограничения свободы, можно свидетельствовать о том, что данный вид наказания довольно востребован на современном этапе и требует решения проблем, стоящих ребром перед сотрудниками уголовно-исполнительной инспекции. Наличие ряда проблемных вопросов объясняется тем, что организационно-правовая база, регламентирующая уголовное наказание в виде ограничения свободы, несовершенна и требует изучения и разрешения на законодательном уровне.

Наказание, предусматривающее гуманное отношение к осужденному, в связи с отсутствием пенитенциарной изоляции не должно регулироваться только частично и обладать низкоэффективной мерой ответственности за нарушение порядка его отбывания.

Подводя итоги всему вышесказанному, стоит отметить, что для достижения цели, а именно исправления осужденных, необходимо:

– использовать ограничение свободы в качестве основного вида наказания, а применение дополнительного наказания в виде ограничения свободы отменить, так как при исполнении больше проблемных вопросов, нежели положительной тенденции у осужденных к исправлению;

– пересмотреть в целом наказание, ужесточить меры взыскания в части замены ограничения свободы на лишение свободы с расчетом один день ограничения свободы на два дня лишения свободы, а для осужденных, доказавших свое исправление, предусмотреть досрочное снятие судимости;

– расширить перечень возможных ограничений, исходя из проблемных сторон осужденного, например: обращение к врачу-наркологу и в случае необходимости прохождения курса лечения; для несовершеннолетних осужденных – продолжение обучения и др.

В заключение данной статьи нам бы хотелось отметить, что цель, поставленная перед нами в начале исследования, достигнута и соответствующие ей задачи успешно решены.

Список литературы

1. Бирюкова Е.А. Ограничение свободы в отечественной системе уголовных наказаний // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 7. С. 27–28.

2. Иванова А. О. Актуальные проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы и ограничения свободы // Право. Общество. Государство: сб. науч. трудов студентов и аспирантов / редколл.: Д.В. Рыбин (пред.), Е.В. Трофимов (отв. ред.) [и др.]. СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2020. С. 37–40.

3. Красоткин П.Н. Актуальные проблемы исполнения и отбывания наказания в виде ограничения свободы // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения (к 10-летию принятия Европейских пенитенциарных правил): сб. материалов международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Вологда, 11 ноября 2016 года / под общ. ред. П.В. Голодова. Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. С. 148–152.

4. Мальцагов И.Д. Содержательная сторона наказаний в виде лишения и ограничения свободы // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2020. № 4(40). С. 155–159.

5. Москвиченко А.А. Обстоятельства, учитываемые судом при назначении ограничения свободы // Моя профессиональная карьера. 2021. Т. 1. № 25. С. 115–118.

Об авторах:

РАДЧЕНКО Марине Эдуардовна – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Псковского филиала Академии ФСИН России, (Зональное ш., 28, Псков, Псковская обл., 180014), SPIN-код: 9749-4078, AuthorID: 1117939, e-mail: marin.eduardovna@yandex.ru

МАТВЕЕВ Дмитрий Николаевич – кандидат юридических наук, доцент Псковского государственного университета (Советская ул., 21, Псков, Псковская обл., 180000), SPIN-код: 9884-5708, AuthorID: 762176, e-mail: kafgpp@pskgu.ru

PROBLEM ISSUES IN THE IMPLEMENTATION OF THE PUNISHMENT IN THE FORM OF RESTRICTION OF FREEDOM

D.N. Matveev¹, M.E. Radchenko²

¹ Pskov State University, Pskov

² Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pskov

Restriction of freedom as a type of punishment not related to isolation from society is a set of measures that are applied to convicts as the main or additional type of punishment. The execution of this punishment has a number of unresolved problems that require an early review by the legislative authorities.

Keywords: *restriction of freedom, main and additional types of punishment, offense, impunity.*

About authors:

MATVEEV Dmitry – PhD in Law, Associate Professor, Pskov State University (Sovetskaya st., 21, Pskov, Pskov region, 180000), SPIN-code: 9884-5708, AuthorID: 762176, e-mail: kafgpp@pskgu.ru

RADCHENKO Marine – Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the Pskov Branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, (28 Zonal Highway, Pskov, Pskov Region, 180014), SPIN-code: 9749-4078, AuthorID: 1117939, e-mail: marin.eduardovna@yandex.ru

Матвеев Д.Н., Радченко М.Э. Проблемные вопросы при исполнении наказания в виде ограничения свободы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 111–117.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТАТЬЕ 207¹ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Т.П. Сапронова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются вопросы применения норм Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающих ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан; анализируется обоснованность распространения действия статьи 207¹ Уголовного кодекса РФ на широкий круг лиц, делаются выводы о возможных субъектах данного состава преступления, обстоятельствах, подлежащих доказыванию, рассматриваются возможные ограничения свободы выражения мнений, связанные с пандемией COVID-19.

Ключевые слова: «антиваксер», распространение заведомо ложной информации, обстоятельства, представляющие угрозу жизни и безопасности граждан, право на поиск, получение и распространение информации, COVID-19, ограничения публично-правового характера, специальный субъект.

В течение 2021 г. неоднократно слышались призывы, в том числе и со стороны депутатов Государственной Думы Российской Федерации, о необходимости привлечения к уголовной ответственности так называемых «антиваксеров», то есть лиц, принципиально выступающих против вакцинации, в том числе от COVID-19.

Основания для такого рода призывов появились в апреле 2020 г., когда были введены в действие две статьи Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), одна из которых (ст. 207¹) прямо предусматривает ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств [4].

Не секрет, что причины появления в УК РФ статей с таким содержанием связаны, в первую очередь, с желанием государства привлечь к ответственности блогеров, заполонивших Интернет своими негативными высказываниями относительно проводимой в России прививочной кампании против COVID-19.

Однако само желание привлечь к ответственности и фактическое привлечение к ответственности – это разные вещи. Во втором случае необходимо выполнение целого ряда условий, предусмотренных ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации,

включающих, в том числе, доказывание органами предварительного расследования по уголовному делу таких обстоятельств как виновность лица в совершении преступления, форма вины, мотив совершения преступления.

В частности, для привлечения к ответственности по ст. 207¹ УК РФ конкретного лица следователю необходимо доказать умысел этого лица, направленный на распространение только ложной информации. На практике последнее означает обязанность следователя подтвердить доказательствами, собранными по делу, фактическую осведомленность лица, привлекаемого в качестве подозреваемого (обвиняемого), о ложности распространяемой им информации. Например, применительно к вакцинации от COVID-19 заведомо ложной может быть признана информация, которая не соответствует изложенной в инструкции по применению вакцины, либо информация, прямо ей противоречащая (о составе вакцины, ее эффективности, способе применения, возможных противопоказаниях и побочных эффектах).

С учетом последнего обстоятельства представляется более правильным и логичным возбуждение уголовного дела в рамках вышеуказанной статьи УК РФ не в отношении любого из дееспособных граждан Российской Федерации, выступивших или разместивших информацию в сети Интернет о COVID-19, а исключительно в отношении лиц осведомленных, то есть лиц, имеющих медицинское или специальное образование, а также непосредственно контактирующих с медицинскими препаратами, включая вакцину от COVID-19, в силу чего имеющих о ней более широкие познания.

Поскольку невежество должностного лица (как правило, медицинского работника) в ситуации с COVID-19 маловероятно, то умышленное распространение или попытка распространения им заведомо ложной информации об инфекции и прививках от нее обоснованно должны приводить к последствиям, влекущим возбуждение уголовного преследования по конкретной статье уголовного закона.

Что же касается остальных, предполагаемых «субъектов» ответственности, то анализ их высказываний, в том числе в сети Интернет, позволяет сделать вывод скорее о слухах [6], ими распространяемых, чем об информации. Причем о слухах, распространяемых не умышленно, а по незнанию.

Данный вывод, на мой взгляд, подтверждается и опросами общественного мнения, согласно которым негативное отношение к вакцинации как в Российской Федерации, так и в мире в целом, объясняется общим беспокойством по поводу возможного наступления непредвиденных последствий, а также представлением общества о COVID-19 как о заболевании, которое все еще плохо изучено, и последствия которого неизвестны [7].

О последнем, кстати, свидетельствуют и высказывания самих медицинских работников со ссылками на содержание все тех инструкций к препаратам по лечению от этого заболевания.

При таком отношении общества к пандемийной ситуации государству в лице его должностных лиц стоило бы, в первую очередь, сосредоточиться не на карательной практике, а на просветительской и научной работе с населением, поощрении вопросов о заболевании, в том числе в сети Интернет, с последующим привлечением к разъяснению этих вопросов профессионально подготовленных и популярных в обществе лиц, пользующихся однозначным доверием.

Какие-либо ограничительные меры никогда не помогали в борьбе с чем-либо. Наоборот, увеличивали препятствия, способствовали отчуждению и недоверию людей, разобщенности общества.

Кроме того, такого рода меры, включая карательную практику государства, подрывают доверие общества к государству в целом, и, как результат, затрудняют работу системы здравоохранения.

По мнению Генерального секретаря ООН, «...сегодня как никогда раньше действия правительств должны быть прозрачными, гибкими, подконтрольными. Решающее значение имеют простор действий гражданского общества и свобода прессы...» [5].

Каждый человек, помимо получения своевременной и квалифицированной помощи во времена пандемии, должен еще иметь и право на получение информации о заболевании, от которого он лечится.

Последнее объясняется необходимостью своевременно и в полном объеме оградиться от недобросовестного распространения лекарственных препаратов теми или иными государственными (частными) фармакологическими фирмами, от дискриминации в предложенных формах и способах лечения.

Таким образом, предусмотренные законом [3] ограничения публично-правового характера не должны распространяться на свободу граждан думать и говорить.

Более того, Конституцией Российской Федерации установлены обязательства государства по обеспечению гарантий свободы выражения мнения, включающие в себя право на поиск, получение и распространение информации.

Законодательно запрещено [2] ограничение в доступе к информации о состоянии здравоохранения, санитарии, демографии, образовании, о состоянии преступности, то есть ко всем тем сферам, которые очень важны для человека, его физического и психического здоровья, полноценного ощущения себя и своих детей в будущем.

В продолжение изложенного, ст. 29 Конституции РФ гарантирует каждому из нас возможность свободно общаться с другими людьми, участвовать в спорах и дискуссиях, в том числе по поводу заболеваний, представляющих угрозу жизни или здоровью, высказывать свою точку

зрения, узнавая позицию других. Возможные ограничения свободы выражения мнений, связанные в том числе с пандемией COVID-19, не должны ставить под сомнение реализацию самого этого права, поскольку «никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них» [1].

Что же касается мер государственного принуждения, включающих возможность привлечения к уголовной ответственности по соответствующим статьям УК РФ, то в этих рамках необходима ответственность исключительно специального субъекта (должностного лица) за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 23.02.2022).
2. Федеральный закон «О государственной тайне» от 21.07.1993 г. № 5485-1 (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/ (дата обращения: 05.05.2022).
3. Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/ (дата обращения: 23.02.2022).
4. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ от 21.04.2020г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350813/ (дата обращения: 23.02.2022).
5. Организация объединенных наций в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unrussia.ru/ru> (дата обращения: 05.05.2022).
6. Толковый словарь Даля онлайн [Электронный ресурс]. URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=38085> (дата обращения: 23.02.2022).
7. Я не прививаюсь от ковида, потому что ... Разбираем популярные причины [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11751617?nid=60d987b31586bdc264a900d5&grs=70> (дата обращения: 23.02.2022).

Об авторе:

САПРОНОВА Тамара Петровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет»; SPIN-код: 8184-3045; e-mail: Saprónova.TP@tversu.ru

PROBLEMATIC ISSUES OF LIABILITY UNDER ARTICLE 207¹ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

T.P. Saprónova

Tver State University, Tver

The article deals with the application of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, which provide for liability for the public dissemination of knowingly false information about circumstances that pose a threat to the life and safety of citizens, analyzes the validity of the extension of Article 207¹ of the Criminal Code of the Russian Federation to a wide range of people, draws conclusions about the possible subjects of this corpus delicti, the circumstances to be proven, considers possible restrictions on freedom of expression, related, among other things, to the COVID-19 pandemic.

Keywords: *"anti-vaxer", dissemination of deliberately false information, circumstances that threaten the life and safety of citizens, the right to search, receive and disseminate information, COVID-19, restrictions of a public legal nature, a special subject.*

About author:

SAPRONOVA Tamara – PhD in Law, assistant professor of the department of environmental law and legal support of professional activity Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN-code: 8184-3045, e-mail: Saprónova.TP@tversu.ru

Сапронова Т.П. Проблемные вопросы ответственности по статье 207¹ Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 118–122.

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ОКАЗАНИЕМ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Л.В. Туманова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются дискуссионные проблемы изменения подходов к доказыванию по делам, связанным с оказанием медицинских услуг, необходимости более широкого использования возможностей информационных технологий и внедрения искусственного интеллекта для проведения судебно-медицинской экспертизы. Затронут вопрос распознавания лжи и истинных намерений при обращении в суд по делам об ответственности за оказание медицинских услуг.

***Ключевые слова:** медицинские услуги, доказывание, доказательства, судебно-медицинская экспертиза, консультация специалиста, информатизация, искусственный интеллект, распознавание лжи.*

В судебной практике наметилась тенденция роста числа дел, связанных с оказанием медицинских услуг. В начале XXI в. вопросы ответственности в сфере оказания медицинских услуг были предметом первых научных исследований, а иски о возмещении вреда вне уголовных дел почти не встречались. В настоящее время таких исков становится больше с каждым годом, что обуславливает необходимость исследования особенностей рассмотрения дел о возмещении вреда, причиненного при оказании медицинских услуг.

Возможно, некоторые выводы и положения по данной проблеме покажутся не совсем реалистичными, но решение многих вопросов в сфере судебной защиты напрямую зависит от внедрения новых цифровых технологий и использования искусственного интеллекта.

Как и в любом судебном споре, главной является проблема установления истины. «Под истиной в правосудии и в теории доказательств понимается соответствие (адекватность) знания судей фактам реальной действительности и правоотношениям, т.е. верное знание о фрагментах действительности, имеющих правовое значение» [5, с. 18]. Целесообразно такую истину именовать судебной, поскольку ее установление строго ограничено процессуальными правилами, а средствами ее установления являются средства доказывания, закрепленные в законе. Причем существующие специальные правила допустимости доказательств в ряде случаев устанавливают ограничения на применение средств доказывания, определяя, как именно может быть подтверждено то или иное обстоятельство.

Судебная истина определенным образом «распадается» на абсолютную и относительную. Суд устанавливает факты и

обстоятельства, имеющие значение для дела, с помощью доказательств, которые были исследованы и оценены в ходе судебного разбирательства. Никакие догадки или «озарения» не могут быть положены в основу судебного решения, оно будет признано законным и обоснованным только при надлежащем соблюдении процесса доказывания.

Традиционно процесс доказывания представляют в виде следующих этапов: определение фактов, имеющих значение для дела; выявление необходимых и возможных средств доказывания; представление и собирание доказательств; исследование доказательств и оценка доказательств. Решающим для разрешения дела является правильное определение круга тех фактов, которые должен установить суд. Обычно перечень таких фактов основывается на соответствующих нормах материального права, но применительно к делам, связанным с оказанием медицинских услуг, недостаточно ориентироваться только на общую схему: деяние, результат, причинно-следственная связь между ними и вина.

Это связано прежде всего с тем, что медицинские услуги охватывают различные сферы, от косметологии до психиатрии, и по каждому медицинскому направлению существует множество специализаций, а соответственно, и многочисленные методы лечения и профилактики. Уникальность таких дел связана также с тем, что очень серьезным фактором выступает личное восприятие как болезни, так и лечения каждым человеком. Например боль, являясь ключевым синдромом, в наибольшей степени субъективна, а суд должен установить объективные обстоятельства относительно качества медицинской помощи или отказа в ее предоставлении.

Полагаем, именно субъективное восприятие стало основой для злоупотребления правом в сфере оказания медицинских услуг. Позиция большинства судей – «защита слабой стороны» при рассмотрении дел, связанных с оказанием медицинских услуг, – не всегда соответствует требованию установления истины и вынесению справедливого решения, оно будет скорее формально законным и обоснованным. Следует согласиться с высказыванием К.А. Лебеда: «Конечно, можно пойти простым путем и считать справедливым любое формально законное и обоснованное решение. Однако в этом случае вряд ли категория справедливости будет работать как нужно и служить обществу» [2, с. 188].

Решение должно быть справедливым, а для этого, как уже отмечалось, необходимо правильно определить, что же следует установить в ходе судебного разбирательства. Учитывая, что своеобразным объектом судебного исследования выступает сам человек, то прежде всего суду необходимо получить информацию о состоянии его здоровья на момент применения к нему медицинского вмешательства. И только после этого целесообразно исследовать вопросы относительно

того, какое лечение применялось и соответствовало ли оно установленным стандартам и состоянию здоровья больного. Наличие определенных хронических заболеваний, особенностей организма, предшествующее лечение, психологический портрет человека – все имеет значение. Этот вопрос первоочередной не только для судьи, но и для медицинского работника, который оказывает медицинскую помощь. Информация об этом должна содержаться в документе, который принято называть историей болезни, но насколько полно там отражены необходимые сведения, далеко не очевидно. Ведь в современных условиях мы пользуемся услугами самых разных медицинских организаций, в каждой из которых остается определенная информация, но она не сведена в единый документ. И, соответственно, когда человек обращается за медицинской помощью, врач только с его слов может узнать о перенесенных ранее или хронических заболеваниях, а гарантии достоверности такой информации нет абсолютно. Но ведь при применении даже стоматологических процедур важно знать общее состояние организма пациента, а объективных данных нет. Также сложно исследовать эти данные и в суде, а они могут иметь решающее значение для вопроса об ответственности медицинского работника.

Вывод из этой ситуации очевиден. Необходима цифровизация данных о состоянии здоровья и всех видах медицинского консультирования или вмешательства. Конечно, это сложнее, чем «оцифровать» трудовые книжки, но современные технологии развиваются. Есть опыт Израиля и других государств в этой области. Частично возможности создания единой базы сведений о здоровье человека у нас есть в связи с проведением вакцинации. Этот единый электронный документ должен быть обязательным для предъявления или использования независимо от того, куда и к какому специалисту человек будет обращаться. Тогда и в суде можно будет получить всю необходимую информацию.

Следующий важный факт, который надо установить суду, – насколько пациент был осведомлен о характере медицинских услуг и предполагаемых последствиях. «Человек принимает решение о применении медицинского вмешательства после получения необходимой информации о методах лечения, возможных результатах и осложнениях. И это информированное добровольное согласие является, в соответствии со ст. 20 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”, необходимым предварительным условием для медицинского вмешательства. Конечно, эта информация в определенной степени носит формальный характер, не учитывает всех особенностей пациента, но все же позволяет принять решение о согласии или отказе от медицинского вмешательства» [2, с. 57–58]. К сожалению, этот формальный подход иногда приводит к негативным последствиям, поскольку пациент не получает всей

необходимой информации, которая учитывала бы специфику его состояния здоровья. Добровольное согласие также должно перейти в цифровую форму, чтобы оно формировалось врачом путем голосового набора, ведь, как правило, врач разъясняет все особенности лечения, после этого пациент должен иметь возможность прочитать его и принять соответствующее решение.

В судебной практике нередко истец утверждает, что не был информирован о возможном результате, и это становится одним из доказательств ненадлежащего оказания медицинских услуг. В эру цифровизации стандартные типографские бланки добровольного согласия не отвечают тем целям, ради которых эта процедура установлена законом.

Следующий вопрос касается качества оказания медицинской услуги. Это сложный состав, который, как и все в области медицины, имеет объективную и субъективную составляющие. Первое, что должен установить суд, соответствует ли лечение или проведение какой-либо процедуры действующим стандартам и порядку оказания медицинской помощи. При этом следует учитывать и такой фактор, как обоснованный риск, поскольку иногда для спасения жизни и здоровья пациента необходимо применить методы, которые прямо не закреплены в стандартах, да и вряд ли возможно нормативно предусмотреть все случаи.

Это можно считать основным наиболее объективным показателем. Большинство других обстоятельств связано с субъективными особенностями организма человека и его ощущениями. В зависимости от вида медицинской помощи это могут быть самые разнообразные жалобы: от претензий к внешнему виду после проведенной операции до болевых ощущений и развития других болезней. Относительно других болезней, которые, по мнению истца, появились у него после медицинского вмешательства, суду важно установить как время их возникновения, так и причинно-следственную связь с проведенным лечением. Отмеченное ранее несовершенство ведения историй болезни, невозможность или нежелание обращаться своевременно к врачу при наличии определенных симптомов часто приводят к тому, что болезнь возникла задолго до медицинского вмешательства, которое послужило поводом для обращения в суд. Это и другие обстоятельства, как правило, устанавливаются с помощью судебно-медицинской экспертизы, поскольку эти вопросы требуют специальных знаний.

Судебно-медицинская экспертиза является столь же широким понятием, как медицинские услуги, скорее всего, даже с большим диапазоном, поскольку эксперт должен дать ответ на очень конкретные вопросы. Задачами суда являются выбор экспертного учреждения или эксперта и формулирование вопросов, на которые необходимо ответить. При выборе эксперта суд должен обеспечить его независимость и

беспристрастность, что является достаточно проблемным, ведь эксперты в сфере медицины являются членами медицинского сообщества региона и в той или иной степени связаны определенными корпоративными отношениями. Назначение эксперта из другого региона осложняет во многих случаях сам процесс экспертного исследования, ведь специфика требует, чтобы были исследованы не только документы. Необходимо обследовать самого истца, что может быть очень затруднительно. Проблема беспристрастности частично решается тем, что эксперт предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение, но ведь «заведомость» – очень сложная категория применительно к судебно-медицинской экспертизе. Нельзя не учитывать и коммерциализацию сферы экспертной деятельности. Но особо важно учитывать, что в современном мире нет врачей-универсалов и не может быть таких экспертов, значит в каждом конкретном случае нужен специалист узкого профиля, что не всегда достижимо, а следовательно, и заключение не может претендовать на профессиональное. Необходимо создание общего банка данных экспертных организаций с указанием четкой специализации и, конечно, внедрение и в эту сферу искусственного интеллекта.

Сегодня с применением искусственного интеллекта успешно проводят диагностику, следовательно, таким же образом можно использовать робототехнику для проведения экспертиз. С традиционным вопросом о соответствии лечения установленным стандартам искусственный интеллект справится гораздо лучше и точно будет беспристрастным. Развитие информационных технологий должно обеспечить систему дистанционного исследования при проведении экспертизы. Все это не только обеспечит большую доступность экспертизы, но и устранил значительную часть сомнений в ее достоверности.

Но независимо от того, человек или робот будет выступать экспертом, вопросы ему задает суд. И здесь с очевидностью проявляется еще одна сложность: экспертиза назначается потому, что суд не обладает специальными познаниями в медицине, но как без этого правильно сформулировать вопросы эксперту? Даже если сформировать специальные методические рекомендации для подготовки вопросов эксперту, это не обеспечит все возможные ситуации, хотя определенную помощь суду окажет, поскольку формулировки в определениях во многих случаях оставляют желать лучшего. По закону стороны имеют право предлагать свои вопросы для экспертизы, но и это не решает проблему, кроме того, часто эти вопросы отклоняются или подлежат значительной корректировке.

Назначение экспертизы относится к подготовительным действиям, и здесь судье нужен помощник, которым мог бы выступать специалист. Но согласно ст. 188 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК

РФ) специалист появляется только на судебном заседании, и хотя указано, что его консультации приобщаются к делу, он не является самостоятельным средством доказывания. Гораздо важнее консультация специалиста именно на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, в том числе для определения вопросов экспертизы.

Специалист необходим и для расшифровки таких специфических доказательств, как рентгеновские снимки, показания электрокардиограмм и других исследований, выяснения действий лекарственных средств и многого другого. Практика показывает, что специалистов не так часто привлекают к участию в подобных делах, вероятно, из-за сложности в обеспечении независимости и беспристрастности.

Исследование доказательств предполагает активность сторон процесса, поскольку, подтверждая или оспаривая доказательства, они стремятся убедить судью в своей правовой позиции, а истец еще, как правило, пытается вызвать к себе сочувствие и даже сострадание. Поэтому в ходе судебного процесса необходима помощь квалифицированного адвоката. «Многие правила, которыми адвокат руководствуется в своей деятельности, можно назвать, скорее, не процессуальными, а тактическими» [4, с. 247]. Правильно сформулированный уточняющий вопрос, выражение сомнений относительно доказательств, предъявленных другой стороной, психологическая поддержка своего доверителя и многое другое – вот что позволяет суду уже на стадии исследования доказательств сделать предварительные выводы. Но для участия в таких делах недостаточно только юридических знаний, необходима дополнительная специальная подготовка, чтобы по меньшей мере достаточно владеть медицинской терминологией. К сожалению, крайне мало юристов, а тем более адвокатов, которые специализируются на рассмотрении дел в сфере оказания медицинских услуг.

Существует еще одна серьезная проблема для доказывания по всем категориям дел, обладающая особой актуальностью по исследуемой проблематике. Это проблема распознавания лжи. Поскольку велика опасность злоупотребления правом на получение компенсации в сфере медицинских услуг, то очень важно суду установить истинные намерения сторон и особенно истца. Ведь каждое решение о признании медицинских услуг не соответствующим необходимому качеству и взыскание компенсации не просто наносит непоправимый ущерб репутации врача или медицинской организации, но и нередко прерывает профессиональную карьеру врача, поскольку психологически он становится неспособен оказывать медицинскую помощь, если считает обвинение в некомпетентности и совершении врачебной ошибки несправедливым и необоснованным.

Стороны, как известно, не подлежат уголовной ответственности за заведомо ложные объяснения, если только это не переходит в заведомо ложный донос о совершении преступления, что выглядит как своеобразное право на ложь. Надо заметить, что в отношении свидетелей в гражданском процессе практика говорит о достаточно либеральном подходе, поскольку уголовных дел за лжесвидетельство по гражданским делам практически нет. Может быть, пришло время вооружить суд современными техническими средствами распознавания лжи. Банки и другие кредитные организации уже применяют голосовой скоринг, который позволяет определить степень правдивости клиента и оценить его психологическое состояние, так почему бы и судей не обеспечить аналогичными возможностями. Перефразируя знаменитую фразу, можно сказать: устройство дорого, но истина дороже.

Завершающий этап доказывания – оценка доказательств, что означает «определение судом правдивости изученных сведений о фактах, а при использовании косвенных доказательств – также выявление наличия или отсутствия взаимосвязей фактов доказательственных с главными. Установление этих обстоятельств – конечная цель оценки, от ее правильности непосредственно зависит обоснованность актов судов» [3, с. 226]. Оценка доказательств согласно ст. 67 ГПК РФ осуществляется по внутреннему убеждению судьи, основанному на всестороннем, полном, объективном исследовании доказательств, притом ни одно доказательство не может иметь заранее установленной силы. Но так ли уверен судья в своем решении и мучают ли его сомнения относительно доказанности определенных фактов, остается только в его душе. Отсутствие необходимых специальных познаний в медицине нередко приводит к тому, что заключение экспертизы приобретает некое приоритетное значение, а в последующем такое решение отменяет или изменяет проверочная инстанция, ведь, перефразируя еще одну знаменитую цитату, заключения людьми даются, а люди могут обмануться.

В итоге можно отметить главные особенности доказывания по делам, связанным с оказанием медицинских услуг: широкое использование специальных знаний и необходимость противодействия злоупотреблению правом в этой сфере и превращению судебного порядка в некий способ получения дохода. Не все и не сразу, но многое поможет решить более широкое внедрение информационных технологий и в области медицины, и судопроизводства.

Список литературы

1. Дронова Ю.А., Туманова Л.В. Отказ родителей от медицинского вмешательства в отношении ребенка: право или преступление? // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2019. № 3 (59). С. 57–70.

2. Лебедь К.А. Законность и обоснованность судебного решения с учетом критерия справедливости. // Возникновение гражданских и семейных прав и их защита: традиционные и новые подходы: сб. научн. тр. / отв. ред. д.ю.н., проф. С.С. Занковский. М.: Институт государства и права РАН, ООО «Издательство «ПЛАНЕТА», 2021. 352 с.

3. Пучинский В.К. Из творческого наследия: Сборник трудов. М.: Издательский Дом «Городец», 2022. 852 с.

4. Решетникова И.В. Доказательственное право Англии и США. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский Дом «Городец», 2021. 320 с.

5. Треушников М.К. Судебные доказательства. 5-е изд., доп. М.: Издательский Дом «Городец», 2021. 304 с.

Об авторе

ТУМАНОВА Лидия Владимировна – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8705-4643, AuthorID: 648735, e-mail: gpipd@tversu.ru

FEATURES OF EVIDENCE IN CASES RELATED TO PROVISION OF MEDICAL SERVICES

L.V. Tumanova

Tver State University, Tver

The article poses a debatable problem about changing approaches to proving in cases related to the provision of medical services, the need for wider use of the capabilities of information technology and the introduction of artificial intelligence for forensic medical examination. The issue of recognizing lies and true intentions when applying to the court in cases of liability for the provision of medical services is touched upon.

Keywords: *medical services, proof, evidence, forensic medical examination, specialist consultation, informatization, artificial intelligence, lie detection.*

About author:

TUMANOVA Lidia – Honored Lawyer of the Russian Federation, the doctor of the Legal Sciences, Professor, professor of the department of judiciary and Law Enforcement Affairs of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 8705-4643, AuthorID: 648735, e-mail: gpipd@tversu.ru

Туманова Л.В. Особенности доказывания по делам, связанным с оказанием медицинских услуг // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 123–130.

Вопросы истории государства и права

УДК 34.043 : 378

DOI: 10.26456/vtpravo/2022.2.131

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ВЫСОКОМОТИВИРОВАННЫХ ШКОЛЬНИКОВ В РОССИИ В АСПЕКТЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЛИФТА: СОВРЕМЕННЫЙ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ

С.Н. Смирнов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются вопросы поддержки одаренных школьников в современной России с учетом сложившихся в этой сфере традиций. Особое внимание уделяется роли высших учебных заведений в работе со школьниками.

***Ключевые слова:** одаренные школьники, Россия, социальный лифт, традиции, университеты, образовательная поддержка, ТвГУ.*

Обращение к тематике, связанной с совершенствованием функционирования механизма вертикальной социальной мобильности, с государственной поддержкой способностей детей и молодежи является актуальным и представляет как теоретический, так и прикладной интерес.

Уточним, что в настоящей статье рассматривается, прежде всего, организация образовательной поддержки обучающихся с использованием потенциала взаимодействия системы общего образования и иных компонентов системы образования России. Приоритет отдан рассмотрению деятельности «довузовского сектора» системы образования. При этом понятия «общее образование» и «школьное образование» для целей данного исследования рассматриваются как синонимичные.

В историческом аспекте отдельные вопросы характеристики образования в России в качестве канала социальной мобильности рассматриваются в трудах П.А. Зайончковского, Н.М. Коркунова, Т.И. Любиной, Б.Н. Миронова, А.М. Феофанова и некоторых других отечественных исследователей.

В качестве примера можно привести исследования по проблематике становления и развития системы образования в России, по истории отдельных учебных заведений. Историография данной проблематики сформировалась в течение приблизительно последних полутора столетий. В названных работах в той или иной мере рассматриваются вопросы, связанные с ролью обучения в профессиональной карьере и личной биографии людей, относящихся к различным сословиям и

профессиональным группам. Авторами этих исследований являются А.В. Аврус, В.Н. Бенда, Е.Ю. Жарова, В.А. Змеев, Г.В. Калашников, В.Г. Капитуров, Г.В. Кукушкина, О.А. Логинова, А.Н. Назаров, Г.А. Окушова, С.В. Рождественский, А.Н. Сазонов и др. При этом можно констатировать, что большинство данных исследований сделано вне рамок историко-правовой науки. Данное обстоятельство еще более повышает актуальность рассмотрения заявленной темы именно в юридическом «ключе».

Целью настоящей работы является рассмотрение вопросов формирования в России организационно-правовых механизмов образовательной поддержки высокомотивированных обучающихся общеобразовательных программ, в т. ч. с использованием потенциала учреждений высшего образования, научных учреждений и общественных организаций в аспекте расширения возможностей для указанных обучающихся по вертикальной социальной мобильности.

Настоящее исследование выполнено в рамках историко-правовой науки. В качестве предмета исследования выступают законодательные меры и инфраструктура системы образования России с начала восемнадцатого столетия и до настоящего времени.

Метод исследования базируется на цивилизационном подходе и включает в себя исторический, формально-юридический и некоторые другие методы.

Эмпирическую основу настоящей работы составляют отечественные нормативно-правовые акты.

Применительно к XVIII в. можно назвать организацию нескольких учебных заведений в годы правления Петра I. Нас с позиций предмета настоящего исследования интересуют в первую очередь формирование сети цифирных школ и создание академического комплекса в Санкт-Петербурге. Мы обращаем в данном случае внимание на задействование государством потенциала различных общественных институтов в школьном образовании.

Законодательное оформление мер по организации в России сети цифирных (арифметических) школ относится к 1714 г. [1]. В соответствии с указом в губерниях и провинциях на базе архиерейских домов и монастырей открывались школы, имевшие статус мужских государственных начальных общеобразовательных учебных заведений. Налицо попытка государства использовать не только материальную базу, но и учебно-методический потенциал организаций Русской православной церкви.

Академическая триада, созданная в Санкт-Петербурге в самом начале второй четверти XVIII в., представляет собой наиболее полно организационно и юридически оформленную попытку верховной государственной власти того времени задействовать в общем образовании потенциал организации высшего образования и научной

организации. Данный тип организационно-правового механизма образовательной поддержки мотивированных обучающихся также можно рассматривать как сквозь призму достижений отечественной педагогики, так и сквозь призму функционирования каналов вертикальной социальной мобильности.

В 1730–1740-е гг. произошло замедление развития системы образования России. Применительно к этому времени обратим внимание на решение законодателя в 1737 г.

Согласно указу от 9 февраля 1737 г. дворянам, владеющим ста и более душами крепостных людей, было разрешено самостоятельно организовывать обучение своих детей мужского пола. Мелкопоместные дворяне могли воспользоваться этим правом, если сумеют доказать, что «сын их действительно арифметике и геометрии учится, и к дальнейшему онаго обучению способ имеют» [2]. Малолетних дворян, обучение которых не было организовано их родственниками, предписывалось направлять в государственные учебные заведения. Вскоре сенатским указом дворянских недорослей, явившихся на смотр к герольдмейстеру, было предписано направить «для обучения в дома». Уже прошедших обучение молодых дворян в возрасте от 15 до 17 лет предписывалось представить в Правительствующий сенат для определения на службу «в коллегии и канцелярии» [3].

Указ 1737 г. представляет собой первую, во всяком случае первую последовательную, меру законодателя по урегулированию места домашнего образования в сфере образования и, что более для нас важно, по определению роли домашнего образования в доступе к каналам социальной мобильности. Домашнее образование для представителей дворянского сословия было официально приравнено к обучению в образовательных учреждениях, в т.ч. – в высших. Факт получения домашнего образования являлся достаточным условием для прохождения дворянами государственной службы, а значит для построения профессиональной карьеры.

Деятельность основанного в январе 1755 г. Московского университета представляет собой яркий пример образовательной поддержки высокомотивированных обучающихся в аспекте их дальнейшего успешного продвижения по социальной лестнице.

Исходя из статуса Московского университета и из предоставленных законодателем его выпускникам возможностей поступления на государственную службу можно сделать вполне определенный вывод: университет с самого начала являлся инструментом для вертикальной социальной мобильности, включая межсословную мобильность (в т.ч. получение дворянского статуса посредством обучения в университете и дальнейшего поступления на государственную службу). Судя по всему, данная функция университета была признана и принята законодателем с самого начала.

Образование в форме университетского образования являлось в XVIII в. каналом изменения индивидуального правового статуса для лиц из всех сословий Российской империи. При этом методический потенциал университета применялся в общеобразовательной деятельности. Прежде всего мы имеем в виду работу Академической гимназии Московского университета. Созданная по инициативе М.В. Ломоносова гимназия стала воплощением его представлений о порядке организации взаимодействия университета со школьниками. Именно данное организационное соединение в рамках одного образовательного комплекса образовательных программ разного уровня является характерной чертой российской системы образования того времени или, если угодно, одной из традиций отечественного образования.

Таким образом обучение на уровне общего образования в университетской гимназии и последующее обучение в университете на программе высшего образования выступали в качестве классической образовательной траектории для высокомотивированного обучающегося. При этом данная образовательная траектория открывала доступ к каналу вертикальной социальной мобильности.

Почти две трети девятнадцатого столетия высшее, среднее и общее образование в Российской империи были соединены определенными административными связями. Это обстоятельство облегчало, в частности, возможность использования потенциала всех указанных компонентов в деятельности по отбору высокомотивированных обучающихся и по последующей образовательной поддержке.

В период Великих реформ XIX в. роль образования как механизма социальной мобильности существенно возросла. Это обстоятельство явилось следствием модернизации социальной системы. В итоге для нескольких категорий населения был кардинально упрощен доступ к получению образования.

В советский период истории произошел отказ от традиции построения образовательных комплексов из структурных подразделений и программ разного уровня. Тем интереснее представляется открытие в середине 1960-х гг. школ-интернатов в структуре нескольких ведущих университетов СССР.

В настоящее время используется большое количество организационно-правовых форм образовательной поддержки высокомотивированных обучающихся. Инструменты образовательной поддержки применяются во всех регионах Российской Федерации. Немалый опыт такого рода накоплен в системе образования Тверской области, в т.ч. благодаря деятельности Тверского государственного университета.

Можно отметить то обстоятельство, что федеральные и региональные органы управления и организации высшего образования России в целом ряде случаев учитывают при формировании

инфраструктуры образовательной поддержки высокомотивированных школьников отечественные традиции. В частности, вузы получили возможность реализации программ общего образования. Можно сказать, что произошло возрождение ломоносовской концепции организации работы университета со школьниками. Имеется практика функционирования в структуре материальной базы вузов общежитий и интернатов для одаренных школьников.

Естественно, что в настоящее время арсенал мер по образовательной поддержке одаренных школьников, в т.ч. имеющих следствие в виде облегчения им доступа к каналам вертикальной социальной мобильности, несравненно шире того арсенала, что сформировался за предшествующие столетия отечественной истории. Тем не менее учет накопленного опыта позволяет российскому законодателю и российской системе образования получить необходимые исторические ориентиры при проведении деятельности по поддержке и развитию способностей детей и молодежи.

Список литературы

1. Именной указ «Об обучении дворян приказного чина, дьячих и подьяческих детей арифметике и геометрии, о присылке для того в губернии учеников из математических школ и об учреждении училищ при архиерейских домах и монастырях» от 28 февраля 1714 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. V. № 2 778.

2. Именной указ «О явке недорослям в Санкт-Петербурге к герольдмейстеру, а в губерниях к губернаторам для освидетельствования их в науках; о назначении им сроков к обучению и об определении их на места, по достижении 20-летнего возраста» от 9 февраля 1737 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. X. № 7 171.

3. Сенатский указ «Об отпуске недорослей, явившихся на смотр от шестнадцатилетнего возраста до урочных лет в дома для обучения, об имени губернаторам и воеводам в обучении оных недорослей прилежного смотра и о писании тех, которые наукам не обучились, вечно в матросы» от 19 февраля 1737 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. X. № 7 182.

Об авторе:

СМИРНОВ Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», директор Института непрерывного образования ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-код: 5101-9484, e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

**EDUCATIONAL SUPPORT FOR HIGHLY MOTIVATED
SCHOOLCHILDREN IN RUSSIA IN TERMS OF MEANS
OF SOCIAL MOBILITY FUNCTIONING: MODERN
ORGANIZATIONAL AND LEGAL MECHANISM AND NATIONAL
TRADITIONS**

S.N. Smirnov

Tver State University, Tver

The issues of support for gifted schoolchildren in modern Russia are considered, taking into account the traditions that have developed in this area. A major focus is on the role of higher educational institutions in working with schoolchildren.

Keywords: *gifted schoolchildren, Russia, means of social mobility, traditions, universities, educational support, TvGU.*

About author:

SMIRNOV Sergey – PhD in Law, associate professor of the department of Legal Theory of Tver State University, director of the Institute of Continuous Education of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-код: 5101-9484, e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

Смирнов С.Н. Образовательная поддержка высокомотивированных школьников в России в аспекте функционирования социального лифта: современный организационно-правовой механизм и отечественные традиции // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 131–136.

НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

М.Г. Фролов

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», г. Смоленск

Дан исторический экскурс процесса трансформации уголовно-правовой нормы, регламентирующей наказание в виде ограничения свободы. Исследованы различные концептуальные подходы отечественных и зарубежных ученых в сфере правовой регламентации ограничения свободы и иных наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Рассмотрены коллизии, возникающие в процессе назначения наказания в виде ограничения свободы, внесены предложения по совершенствованию норм уголовного закона.

Ключевые слова: система наказаний, ограничения свободы, основное и дополнительное наказание, probation.

Пенитенциарная практика свидетельствует о том, что применение наказаний, связанных с изоляцией от общества, не способствует исправлению и перевоспитанию осужденных. В этой связи в зарубежных уголовных законодательствах наметилась устойчивая тенденция сокращения доли наказаний, связанных с лишением свободы, и использования альтернативных наказаний – ограничения свободы, домашнего ареста, а также различных вариантов probation. Ограничение свободы в уголовных законодательствах Испании и Сан-Марино является основным видом наказания и представляет некое сочетание уголовно-правовых мер, закрепленных в ст. 53 и 54 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), так как оно, наряду с рядом ограничительных мер (посещение определенных мест, выход из дома в определенные часы суток, уведомление о смене места жительства и др.), предусматривает изоляцию осужденного от общества в выходные и праздничные дни [12, с. 1702]. Уголовный кодекс Швейцарии (ст. 56) относит правовые меры ограничения свободы сугубо к дополнительным наказаниям. В ряде стран (Великобритания, США, ФРГ, Швеция и др.) применяются программы probation, включающие целый комплекс мер надзора за лицами, условно осужденными и условно-досрочно освобожденными от отбывания лишения свободы [14, с. 94], которые по своей правовой природе схожи с мерами ограничения свободы, предусмотренными в ст. 53 УК РФ.

Российский вариант наказания в виде ограничения свободы в первоначальной редакции УК РФ не предусматривал полную изоляцию осужденного от общества, но регламентировал его нахождение под надзором в специальном учреждении - исправительном центре (далее –

ИЦ). Изначально планировалось привлекать осужденных к труду, в связи с чем данный вид наказания не мог назначаться лицам, использование труда которых в силу объективных причин (болезнь, инвалидность, возраст и др.) не представлялось возможным. Режимные требования предусматривали запрет выхода за пределы ИЦ и ряд других ограничений свободы, которые во многом совпадали с положениями ст. 24.2 УК РСФСР, регламентировавшей в 1977–1993 гг. исполнение наказания в виде условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением к труду. В связи с тем, что на момент принятия действующего Уголовного кодекса в системе УИС ФСИН России не существовало ИЦ, назначение наказаний в виде ограничения свободы было решено отложить до 2005 г. [1] Однако отсутствие должного финансирования строительства ИЦ не позволило организовать исполнение ограничения свободы в установленный срок. Ввиду схожести порядка и условий отбывания наказания в виде лишения свободы в колониях-поселениях и наказания в виде ограничения свободы, практическими работниками ФСИН России предлагалось альтернативное решение этой проблемы: организовать исполнение последнего на базе колоний-поселений, реорганизованных в ИЦ. Решение проблемы обозначилось после изучения возможности адаптации опыта, накопленного зарубежными пенитенциариями при реализации программ probation. В итоге, ст. 53 УК РФ получила принципиально новую интерпретацию [2]. В частности, ограничение свободы приобрело статус смешанного вида наказания, предусматривающего ряд ограничений личных прав и свобод человека (перемещение в пространстве, участие в определенных мероприятиях, смена работы и места жительства, явка в специализированный орган для регистрации и др.). В случае злостного уклонения осужденного от отбывания наказания в виде ограничения свободы, назначенного в качестве основного вида наказания, суду предоставлялось право замены не отбытой части наказания лишением свободы на определенный срок или альтернативным ему наказанием – принудительными работами. Кардинальное изменение сущности наказания позволило значительно расширить круг лиц, которым оно могло назначаться. Исключение составили военнослужащие, иностранные граждане, апатриды и лица, не имеющие постоянного места жительства в РФ.

Таким образом, ретроспективный анализ уголовного законодательства дает ответ на вопрос о причине нарушения принципа последовательного ужесточения наказаний, перечисленных в ст. 44 УК РФ, поднимаемый Т.Н. Долгих [11, с. 21], И.В. Соколовым [15, с. 35] и другими исследователями, которые не без основания полагают, что ограничение свободы, относящееся к наказаниям смешанного типа, не может следовать в системе наказаний за такими основными наказаниями,

как обязательные работы и исправительные работы, предполагающие принудительный труд осужденного.

Постановлением Правительства РФ от 31.03.2010 г. № 198 [3] были предусмотрены технические средства контроля, применяемые при исполнении наказания в виде ограничения свободы – электронный браслет, надеваемый на осужденного с целью отслеживания его местонахождения; система аудиовизуального контроля и технические средства обработки и хранения информации о выполнении осужденным предписанных ограничений. Однако применение технических средств контроля в ряде случаев является затруднительным в силу состояния здоровья, климатических условий, специфики трудовой функции и иных факторов, наличие которых в обязательном порядке должно учитываться при назначении наказания. В этой связи, как справедливо отмечают Е.А. Пермиловская [13, с. 173], П.В. Тепляшин и З.Р. Рахматулин [16, с. 134], вопрос о применении электронного браслета должен решаться с учетом характера конкретного преступления, особенностей личности осужденного и прогноза его поведения. Однако исполнение наказания без использования электронных средств контроля требует дополнительных трудозатрат, связанных с традиционными формами надзора – посещением по месту жительства, вызовами в уголовно-исполнительную инспекцию, внезапными проверками по месту работы.

Определенная проблема при назначении наказания в виде ограничения свободы за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 117 и ч. 1 ст. 119 УК РФ, возникает в ситуациях, когда преступник и жертва проживают на одной территории. В подобных ситуациях, по нашему мнению, целесообразно использовать опыт, накопленный пенитенциариями зарубежных стран, где на стадии судебного разбирательства сотрудники службы пробации готовят рекомендации для суда относительно возможного приговора. Ими проводится исследование личности подсудимого, условий жизни его семьи и других факторов, требующих тщательного анализа до вынесения приговора. В этой связи следует согласиться с точкой зрения С.А. Борсученко, которая предлагает возложить эту функцию на сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, законодательно закрепив ее в ст. 54 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [9, с. 64]. Похожие предложения вносятся и разработчиками проекта закона «О системе пробации в РФ» [10], где данную функцию предлагается возложить на службу пробации, создаваемую с учетом опыта, накопленного зарубежными пенитенциариями.

Некая коллизия в правоприменении имеет место при оценке последствий злостного уклонения осужденного от отбывания наказания в виде ограничения свободы, назначаемого в качестве основного и дополнительного наказания. Если в первом случае суд вправе заменить неотбытую часть наказания принудительными работами или лишением

свободы (ч. 5 ст. 53 УК РФ), то во втором случае возникает ситуация совокупности приговоров, так как злостное уклонение образует самостоятельное преступление (ч. 1 ст. 314 УК РФ), совершенное в процессе отбывания наказания за первое преступление. Такая ситуация порождает, по нашему мнению, более жесткие уголовно-правовые последствия для лиц, злостно уклоняющихся от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания.

Таким образом, нам представляется, что наказание в виде ограничения свободы, с учетом его двойственной правовой природы и характера присущих ему правоограничений, не должно занимать позицию, следующую за такими видами наказаний, как обязательные и исправительные работы, отбываемые без изоляции от общества, но содержащие требование обязательного привлечения к труду, который либо вообще не оплачивается (ст. 49 УК РФ) либо оплачивается за вычетом удержаний в доход государства (ст. 50 УК РФ). Внесение изменений в систему наказаний (ст. 44 УК РФ) в соответствии с предложенным концептом, позволит расширить палитру наказаний, которые гипотетически могут быть законодательно закреплены заменяющими в случаях злостного уклонения от отбывания ограничения свободы, назначаемого в качестве основного наказания.

Использование многозвенной системы мер наказания, не связанных с изоляцией от общества, предшествующих лишению свободы (заключению), с различными вариациями практикуется в зарубежных пенитенциарных системах, где ограничение свободы может выступать как мерой безопасности [7], так и определенным звеном в системе пробации [14, с. 94].

Из анализа действующей системы наказаний вытекает, что к числу наказаний, которыми могло бы быть заменено ограничение свободы в случае злостного уклонения осужденного, по формальным признакам можно отнести арест (ст. 54 УК РФ), который в настоящее время не назначается из-за отсутствия учреждений (арестных домов), исполняющих это наказание. В этой связи нам представляется, что введение в действие данного вида наказания не только повысит уровень универсальности системы наказаний, но и станет определенным шагом при разработке отечественной программы пробации. Исходя из анализа опыта зарубежных пенитенциариев (ФРГ и др.), заметим, что использование краткосрочного ареста (не более 1 месяца) позволяет оказывать достаточно сильное профилактическое воздействие на лиц, впервые совершивших преступление. Причем краткосрочный арест в разных вариантах («воскресный», «короткий» – до 4 дней, «продолжительный» – до 4 недель), применяемый к несовершеннолетним в качестве меры пробации, является одной из наиболее эффективных мер превенции подростковой преступности в ФРГ [17, с. 134].

Коллизионным является также положение ч. 6 ст. 53 УК РФ в части невозможности назначения наказания в виде ограничения свободы в качестве дополнительного к лицам, не имеющим постоянного места жительства на территории РФ, осужденным к лишению свободы. Ситуация отсутствия регистрации, являющаяся типичной для лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, не может признаваться основанием для признания его не имеющим постоянного места жительства. Такова позиция Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 [5] и Конституционного Суда РФ от 28.09.2021 г. № 2104-О [6]. Однако на практике окончательное решение об отсутствии места постоянного проживания лица на территории РФ может быть принято только в совокупности с данными о его личности, которые, например, указывают на склонность к постоянной смене места жительства. Несомненно, что объективная информация о личности может быть представлена пенитенциарным учреждением, осуществляющим подготовку осужденного к освобождению. В этой связи определенный интерес представляет проект закона «О системе пробации в РФ», разрабатываемый в соответствии с Концепцией развития УИС РФ на период до 2030 г. [4], предусматривающей законодательную регламентацию пенитенциарной и постпенитенциарной пробации. Меры постпенитенциарной пробации (разработка индивидуальных программ помощи осужденным, включающих комплекс мер социальной адаптации, оказание бесплатных юридических консультаций и материальной помощи освобождающимся), по замыслу разработчиков проекта, будут способствовать решению проблем, возникающих при освобождении из мест лишения свободы.

Несомненно, что достижение цели, поставленной в Концепции развития отечественной пенитенциарной системы [4], предусматривающей снижение к 2030 г. числа лиц, находящихся в изоляции от общества, до 250–300 тысяч человек, немыслимо без внедрения новой модели института исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в рамках программы внепенитенциарной (приговорной) пробации. В этой связи предлагаемый нами концепт реформирования системы наказаний может стать отправной точкой в решении задачи экономии уголовной репрессии.

Список литературы

1. Федеральный закон «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» от 13.06.1996 г. № 64-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10701/ (дата обращения: 12.01.2022).

2. Федеральный закон от 27.12.2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-

исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2009/12/30/arrest-dok.html> (дата обращения: 12.01.2022).

3. Постановление Правительства РФ от 31.03.2010 г. № 198 «Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99050/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 12.01.2022).

4. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383610/ (дата обращения: 12.01.2022).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами уголовного наказания» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vsrfr.ru/documents/own/8470/> (дата обращения: 12.01.2022).

6. Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2021 г. № 2104-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Синекаева Романа Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 397 - 399 и главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28092021-n-2104-o/> (дата обращения: 12.01.2022).

7. Уголовный кодекс ФРГ [Электронный ресурс]. URL: http://rawunsch.de/images/Ugolovnyiyi_Kodeks.pdf (дата обращения: 12.01.2022).

8. Уголовный кодекс Швейцарии [Электронный ресурс]. URL: https://www.studmed.ru/view/ugolovnyy-kodeks-shveycarii_1a1ab322d3f.html?page=12 (дата обращения: 12.01.2022).

9. Борсученко С.А. Пробация: международные рекомендации, зарубежный опыт: монография. М.: ВГУЮ (РПА Минюста России). 2015. 124 с.

10. Гончарук Д. Закон о пробации поможет адаптировать заключенных к жизни на свободе // РГ. 2021. № 244 (8595).

11. Долгих Т.Н. Некоторые особенности правового и организационного характера назначения и исполнения уголовного наказания в виде ограничения свободы // Российская юстиция. 2015. № 1. С. 20–23.

12. Новикова Е.А. Правовая природа ограничения свободы // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8 (45). С. 1699–1704.

13. Пермиловская Е.А. Назначение наказания в виде ограничения свободы // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7. С. 169–177.

14. Пертли Л.Ф. Возможные пути межведомственного взаимодействия по вопросам изучения зарубежного пенитенциарного опыта и истории уголовно-исполнительной системы России // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2015. Т. 14. № 3. С. 88–97.

15. Соколов И. В. Проблемы назначения наказания в виде ограничения свободы // Уголовное право. 2011. № 5. С. 35–43.

16. Тепляшин П.В., Рахматулин З.Р. Учет личностных характеристик лиц при назначении уголовного наказания в виде лишения свободы // Современное право 2015. № 12. С. 133–136.

17. Фролов М.Г. Опыт применения ювенальных технологий в Федеративной Республике Германия // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. научных статей / под общ. ред. д-ра юрид. наук Т.М. Лопатиной. Смоленск: изд-во СмолГУ, 2021. С. 133–137.

Об авторе:

ФРОЛОВ Михаил Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент Смоленского государственного университета (214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4), SPIN-код: 3237-5534, e-mail: michailfroloff@mail.ru

PENALTY OF RESTRICTION OF LIBERTY: HISTORIC BACKGROUND, CURRENT SITUATION AND OPPORTUNITIES

M.G. Frolov

Smolensk State University, Smolensk

The article provides a historical overview of the transformation process of a criminal law provision relating to liberty restriction penalties. Different conceptual approaches of Russian and foreign researchers to the legal regulation of liberty restrictions and other noncustodial penalties have been investigated. The author discusses the difficulties appearing during the sentencing process regarding the restriction of liberty and makes a proposal for improving the criminal provisions.

Keywords: *penalty system, restriction of liberty, principal and complementary penalties, probation.*

About author:

FROLOV Mikhail – PhD in Law, Associate Professor of Smolensk State University, Candidate of Law, Docent (4 Przhevsky St., Smolensk, 214000), SPIN-code: 3237-5534, e-mail: michailfroloff@mail.ru

Фролов М.Г. Наказание в виде ограничения свободы: история, современные реалии и перспективы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 137–143.

Проблемы организации учебного процесса

УДК 372.881.111.1

DOI: 10.26456/vtpravo/2022.2.144

МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОСТРАНСТВА В АВТОРСКОМ КУРСЕ «ИНОСТРАННЫЙ (АНГЛИЙСКИЙ) ЯЗЫК В СФЕРЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ»

Л.К. Гордеева¹, Т.С. Мясникова²

¹ ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

² ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)», г. Тверь

Отражены основные результаты обучения профессиональному иностранному языку студентов-юристов в рамках авторского курса, созданного на базе юридического факультета Тверского государственного университета. Апробированы электронные технологии (в частности, платформа BigBlueButton), позволяющие повысить качество языковой подготовки участников курса – будущих специалистов в области юриспруденции, а также профессионалов в области права. Задача, которую ставили перед собой авторы курса, заключалась в том, чтобы стимулировать участников курса к изучению английского языка через иноязычную социализацию в академическом и профессионально-ориентированном дискурсах.

Ключевые слова: обучение английскому языку в вузе, модель иноязычного пространства, учебный билингвизм, юридический английский.

По данным интернет-источника Internetworldstats.com [5] (по состоянию на 15.04.2022) английский язык занимает лидирующее место по количеству стран, говорящих на нем (106), а также возглавляет список самых популярных языков в сети Интернет. Отмечается, что около 950 млн интернет-пользователей (26,3 % от населения Земли) используют именно английский язык для общения и поиска информации, поскольку в современном мире он является языком не только международного общения, но и мировой науки, и передовых технологий, глобальной политики, экономики, торговли, транспорта.

Представляется, что современный выпускник должен владеть английским языком в профессиональной и академической сфере, уметь использовать мировые информационные и научно-технические ресурсы.

Традиционно выделяют три основных подхода к организации обучения иностранным языкам: традиционный, личностно-ориентированный и интегративный (комбинированный). Анализ работ отечественных и зарубежных ученых по данной проблематике [1, 6, 7]

позволил систематизировать основные характеристики каждого из этих подходов. Для наглядности данные были представлены в таблице.

Основные характеристики подходов

Подход	Традиционный	Личностно-ориентированный	Интегративный (комбинированный)
Принцип	Сочетание лекционного способа изложения и самостоятельной работы учащегося с учебником, дополняется использованием технических средств обучения	Акцент смещен с преподавателя на студента; обучение индивидуализировано	Целостная подготовка будущих специалистов благодаря слиянию методов, форм и организации учебного процесса
Достоинства	Систематический характер, логически структурированная подача учебного материала, организационная четкость	Гибкость в определении целей, содержания, структуры и принципов в обучении иностранному языку, учитывает личные интересы и индивидуальные особенности обучаемых	Способствует развитию мышления студентов, предоставляет возможность широко использовать методы научного познания, формирует комплексный подход к учебным дисциплинам, повышает качество знаний студентов, расширяет кругозор, способствует развитию творческих возможностей
Недостатки	Шаблонное построение занятий, однообразие, пассивность учащихся, отсутствие индивидуального подхода	Упор на практическое изучение иностранного языка с целью коммуникации не обеспечивает равномерного усвоения всех составляющих языка	—

На сегодняшний момент интегративный подход в обучении иностранному языку является наиболее перспективным и эффективным. Однако в условиях учебного билингвизма вызывает обоснованные сомнения сама возможность качественно обучить английскому языку учащихся нелингвистических специальностей даже с применением передового интегративного подхода. В связи с этим во многих вузах

создаются специальные программы, ориентированные на углубленное изучение английского языка для той или иной специальности.

Авторский курс «Иностранный (английский) язык в сфере юриспруденции для профессиональных целей» был разработан в стенах Тверского государственного университета. Отличительной особенностью этого курса стал диапазон его слушателей: от первокурсников – студентов, получающих образование по специальности 40.03.01 «Юриспруденция», до профессионалов в сфере юриспруденции – практикующих адвокатов, следователей, работников прокуратуры. Такой формат способствовал обмену знаниями между слушателями: с одной стороны, профессионалы в сфере юриспруденции помогали в выполнении заданий, делясь своим опытом, с другой – студенты помогали старшим коллегам с выполнением заданий, подразумевающих использование нестандартных творческих решений, а также современных программ и приложений.

Авторский курс был полностью организован в онлайн-формате. Для удобной работы использовалась платформа BigBlueButton [4], которая представляет собой вебинарную комнату для проведения онлайн-занятий и видеоконференций.

Цель курса заключалась в том, чтобы стимулировать участников к изучению английского языка через иноязычную социализацию в академическом и профессионально-ориентированном дискурсах. Под академическим дискурсом нами понимается «сфера коммуникации, связанная со специфической сферой человеческой деятельности – получением и трансляцией научного знания» [3, с. 115]. Под профессионально-ориентированным дискурсом мы понимаем «сложное образование, представляющее собой целенаправленную речевую деятельность специалиста, которая характеризуется общностью знаний коммуникантов и стереотипностью ситуации общения, протекающую в соответствии с принятыми в данной профессиональной среде правилами и стандартами, мотивом которой является выполнение задания для социально значимого результата» [2, с. 175].

В задачи авторского курса «Иностранный (английский язык) в сфере юриспруденции для профессиональных целей» входило: 1) развитие и усовершенствование коммуникативных навыков для эффективного и успешного межкультурного профессионально-делового общения; 2) повышение уровня владения английским юридическим языком; 3) освоение эффективных коммуникативных стратегий и приемов самопрезентации (собеседование и составление резюме), а также языка и стиля деловой коммуникации (деловая переписка, презентации, совещания, переговоры и т.д.); 4) приобретение базовых навыков перевода юридической документации различных жанров и форматов.

Курс состоял из двух лексических блоков: «Профессия юриста как жизненный выбор» и «Понятие права», в которые по степени сложности

уровня сложности и тематики. По завершении курса авторы смогли представить иноязычное пространство в виде модели, исходя из сделанных ими выводов о результатах работы как самих преподавателей, так и слушателей курса. Наглядно модель иноязычного пространства представлена на рис. 2.

Рис. 2. Модель иноязычного пространства в единстве профессионально-ориентированного и академического дискурсов

Как видно из рисунка, модель состоит из двух структурных блоков, в каждом из которых располагаются определенные формы работы. Безусловно, задания творческого типа больше привлекали слушателей курса, тем не менее задания классического типа не вызывали у участников занятий отрицательных эмоций, поскольку авторы курса специально выбирали интересные темы и формат работы с текстами, аудио- и видеоматериалами.

В профессионально-ориентированном блоке наибольший положительный отклик от слушателей получило задание конкурса презентаций, которое предусматривалось авторами как финальное, отчетное по всему курсу. Слушатели должны были выбрать определенную тему из предложенных, провести небольшое исследование и представить понравившийся им материал в форме презентации. Необходимо отметить, что все участники курса достойно представили свой материал, а также продемонстрировали знания, полученные ими на занятиях.

В академическом блоке участникам курса больше всего понравилось составлять резюме и сопроводительное письмо. В пост-опросе участники курса признавались, что до курса они ни разу не писали резюме или

сопроводительное письмо на английском языке и не знали особых правил оформления. Многим слушателям было интересно увидеть, как остальные участники справились с этим заданием, вместе проработать свои ошибки и недочеты.

Основной целью каждого блока явилась иноязычная социализация в том или ином дискурсе.

Таким образом, предложенная авторами курса «Иностранный (английский) язык в сфере юриспруденции для профессиональных целей» модель иноязычного пространства способствует как становлению, так и дальнейшему росту, совершенствованию современного конкурентоспособного специалиста, обладающего необходимым набором сформированных компетенций, а следовательно, отвечающего высоким требованиям рынка труда.

Предложенная модель иноязычного пространства выходит за рамки авторского курса и позволяет обеспечить не только качественную, но и массовую подготовку специалистов в любой профессиональной сфере.

Список литературы

1. Селевко Г.К. Энциклопедия образовательных технологий: в 2 т. М.: Народное образование, 2005. Т. 1. 556 с.
2. Шатурная Е.А. Профессионально-ориентированный дискурс как объект овладения в неязыковом вузе // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 321. С. 174–176.
3. Шилихина К.М. Ирония в академическом дискурсе // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2013. № 1. С. 115–118.
4. Bigbluebutton [Электронный ресурс]. URL: <https://bigbluebutton.org/> (дата обращения: 28.04.2022).
5. Internet World Stats [Электронный ресурс]. URL: <http://internetworldstats.com/> (дата обращения: 16.04.2022).
6. Moeller A.K., Catalano T. Foreign Language Teaching and Learning // International Encyclopedia for Social and Behavioral Sciences. Oxford: Pergamon Press. Vol. 9. P. 327–332.
7. Yan Zhang. Cooperative Language Learning and Foreign Language Learning and Teaching // Journal of Language Teaching and research. Vol. 1. No.1. P. 81–83.

Об авторах:

ГОРДЕЕВА Людмила Константиновна – старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2741-4404, AuthorID: 924610, e-mail: Gordeeva.LK@tversu.ru

МЯСНИКОВА Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук и дизайна филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)» (170100, г. Тверь, пер. Смоленский, д. 1, корп. 2), SPIN-код: 8806-2490, AuthorID: 926155, e-mail: tanya_mak_1987@mail.ru

FOREIGN ENVIRONMENT'S MODELLING IN THE AUTHORS' COURSE "FOREIGN (ENGLISH) LANGUAGE IN THE SPHERE OF LAW FOR SPECIFIC PURPOSES"

L.K. Gordeeva¹, T.S. Myasnikova²

¹ Tver State University, Tver

² The Kosygin State University of Russia, Tver

In the article the main results of teaching professional foreign language within the authors' course are shown. New e-technologies (Bigbluebutton, in particular) that enable to raise the level of language are being tested. The task set by the authors of the course was to stimulate the participants to learn English through foreign socialization in professional and academic discourse.

Keywords: *teaching English in high school, model of foreign environment, educational bilingualism, law English.*

About authors:

GORDEEVA Liudmila – senior professor Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 2741-4404, AuthorID: 924610, e-mail: Gordeeva.LK@tversu.ru

MYASNIKOVA Tatiana – PhD in Philology, associate professor, Branch of the Russian State University A.N. Kosygin (170100, Tver, Smolenski lane, 1 korpus 2), SPIN-code: 8806-2490, AuthorID: 926155, e-mail: tanya_mak_1987@mail.ru

Гордеева Л.К., Мясникова Т.С. Моделирование иноязычного пространства в авторском курсе «Иностранный (английский) язык в сфере юриспруденции для профессиональных целей» // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 144–150.

ТАТЬЯНА ЛАРИНА КАК ПРЕДВЕСТНИК СОВРЕМЕННОЙ ВИРТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Л.В. Туманова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья предполагает вызвать интерес к литературе и выработать умение увидеть новое в давно знакомом. Роман в стихах «Евгений Онегин» дает основу поразмышлять о том, какая огромная разница между реальной жизнью и вымыслом. Татьяна Ларина предвестник современной виртуальной жизни, потому что она, как и современные молодые люди, «прикованные» к Интернету, живет в мире своих иллюзий.

Ключевые слова: роман в стихах «Евгений Онегин», Татьяна Ларина, виртуальная жизнь, цифровизация.

В год культурного наследия народов России начинаешь по-особому понимать сокровища нашей литературы, перечитываешь хорошо знакомое и вдруг находишь что-то новое, важное для понимания современной жизни, то, что раньше или не привлекало внимания, или иначе воспринималось. И даже у дилетанта, как автор этих строк, появляется желание выразить то, что увидел и понял именно сейчас.

Значение литературного наследия А.С. Пушкина трудно переоценить, но, пожалуй еще труднее сказать о его значении что-то новое, ведь главное уже давно прозвучало короткой фразой: «Пушкин – наше все!», а это значит все, что сказал Александр Сергеевич о человеке, его чувствах и отношениях с другими людьми, не утратило актуальности. Его творения настолько известны и столько раз изданы в самых различных форматах, что даже нет необходимости делать ссылки, каждый кто будет читать цитаты, уверена, не только поймет, откуда они, но мысленно их продолжит.

Наша жизнь стала более комфортной и технологичной, но это далеко не всегда делает нас более счастливыми. А многие опасности, на которые только намекал гений, сейчас становятся грустной реальностью, правда, одновременно с этим сбываются и другие его предсказания более приятные.

Например, такое:

«Когда благому просвещению
Отдвинем более границ,
Со временем (по расчисленью
Философических таблиц,
Лет чрез пятьсот) дороги, верно,
У нас изменятся безмерно:

Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды,...»

Роман в стихах «Евгений Онегин», откуда эти строчки, справедливо признан энциклопедией русской жизни, но можно еще добавить, что это энциклопедия психологии человека. Ну разве скажешь лучше поэта о «друзьях».

«Что нет нелепицы такой,
Ни эпиграммы площадной,
Которой бы ваш друг с улыбкой,
В кругу порядочных людей,
Без всякой злобы и затей,
Не повторил стократ ошибкой»

А ведь это про наш сегодняшний «стеб», когда все можно осмеять, но при этом считать, что все замечательно и обижаться нельзя, ведь это все по-приятельски, чтоб не скучно было! А наше распространившееся желание любой ценой как-то выделиться, пусть даже и чем-то негативным, не об этом ли писал Пушкин?

«Где каждый, вольностью дыша,
Готов охлопать entrecat,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину вызвать (для того,
Чтоб только слышали его)»

Продолжать можно бесконечно, находя в каждой строчке особый и часто новый смысл. Александр Сергеевич является истинным гением, поскольку то, что он писал однозначно гораздо глубже и многограннее, чем он сам предполагал. Классика как в литературе, так и в музыке, живописи, других искусствах потому такой и является, что новые поколения находят в ней новые смыслы старых истин.

Так и образ Татьяны Лариной, воспетый поэтом, сегодня позволяет увидеть то, что еще совсем недавно представлялось иначе. А.С. Пушкин восклицает: «я так люблю Татьяну милую мою!», но при этом он пишет много такого, что заставляет задуматься, а таким ли должен быть идеал русской женщины. Противоречия личности Татьяны видны в отдельных строках.

Читаем:

«Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала,

И выражалася с трудом
На языке своем родном»

А дальше: «Татьяна русская душою». С позиций современного человека именно язык является основой идентичности, за право пользоваться своим родным языком люди борются сегодня в буквальном смысле не щадя жизни, поэтому странно быть русским душою и не владеть русским языком. Вероятно, как ни дорог был Пушкину образ Татьяны, прототипом которого была одна из женщин-декабристок, действительно великих своей душой, но правда жизни сама складывалась в строки.

Все проблемы, обозначенные в романе и созвучные с современной жизнью, невозможно даже перечислить, но есть одна, понимание которой пришло именно сейчас в эпоху цифровых технологий.

Цифровизация нашей жизни безусловно делает ее более комфортной и удобной, но одновременно появилась очень серьезная проблема, которая грозит кардинально изменить человеческую природу и отношения людей. Это проблема ухода из реальной жизни «в цифру». К сожалению, мы еще недостаточно серьезно воспринимаем масштабы этого бедствия. С легким юмором относимся к тому, что молодежь, да и не только, предпочитает личному общению обмен сообщениями в мессенджерах, что компьютерные игры поглощают большую часть свободного времени, отчего реальная жизнь смешивается с виртуальной. Крайне редко можно увидеть во дворах детей, которые играют в какие-либо массовые игры, даже такие страшные вещи как смерть воспринимаются через призму компьютерной игры. Этот тяжелый перечень можно продолжать долго. И если мы не осознаем опасности, то вряд ли вообще сохраним семью, дружбу и любовь, как главные ценности человека, и превратимся в полуроботов, живущих в выдуманном мире.

К сожалению, эту проблему нельзя решить правовыми средствами, но важно хотя бы понять ее опасность. Вероятно, уже возник вопрос, а при чем тут Татьяна Ларина? Что ж обратимся к тому, что написал поэт.

«Дитя сама, в толпе детей
Играть и прыгать не хотела
И часто целый день одна
Сидела молча у окна».

«Когда же няня собирала
Для Ольги на широкий луг
Всех маленьких ее подруг,
Она в горелки не играла,
Ей скучен был и звонкий смех,
И шум их ветреных утех».

«Ей рано нравились романы;

Они ей заменяли всё;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо».

Так как, уважаемый читатель, разве в этом нет прямых аналогий с сегодняшним днем? Разница только в том, что Татьяна Ларина уходила в свою «виртуальную реальность» на основе прочитанных романов, а современные и Татьяны, и Евгении пропадают в пространстве Интернета. Но суть одна, ведь для Татьяны Лариной вымысел заменил реальность, даже ее любовь к Онегину была иллюзией, навеянной романами, но такой, что важнее реальности. На это намекает и сам поэт:

«Одна с опасной книгой бродит,
Она в ней ищет и находит
Свой тайный жар, свои мечты,
Плоды сердечной полноты,
Вздыхает и, себе присвоя
Чужой восторг, чужую грусть,
В забвенье шепчет наизусть
Письмо для милого героя...»

Совершенно очевидно, что она вообще не была готова к обычной жизни, а замужество, в результате которого она стала «богата и знатна», позволило ей продолжать жить в мире своих иллюзий. Но современным молодым людям, уходящим из реальности в мир иллюзий, рано или поздно приходится сталкиваться с трудностями настоящей жизни и это может закончиться настоящей трагедией.

Не хотелось бы выглядеть каким-то тупым пропагандистом, над которыми вдоволь потешались юмористы, но, как представляется, именно такие произведения как «Евгений Онегин» и дают почву для размышлений о психологических проблемах человека. Ведь сам автор в который раз отмечает противоречия, помним очень хорошо «отповедь» Татьяны и слова: «меня с слезами заклинаний молила мать, для бедной Тани все были жребии равны...», но ведь раньше Александр Сергеевич приводит слова матери:

Пора; а что мне делать с ней?
Всем наотрез одно и то же:
Нейду. И все грустит она
Да бродит по лесам одна».

Это противоречие объяснимо. Александр Сергеевич помимо своей воли, подсознательно дает правдивый образ человека, который не живет реальной жизнью. Ну как могла Татьяна согласиться стать женой мелкого сельского помещика, ведь тогда надо изменить свою жизнь, так как когда-то ее мать, и начать жить в реальности.

«Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,..»

А Татьяна совершенно не была готова к такой грубой реальности.

«Задумчивость, ее подруга
От самых колыбельных дней,
Течение сельского досуга
Мечтами украшала ей.
Ее изнеженные пальцы
Не знали игл; склонясь на пяльцы,
Узором шелковым она
Не оживляла полотна»

Разумеется у Татьяны Лариной нет ничего общего с современными «золотоискательницами», она действительно могла бы продолжать скромную жизнь в мире своих иллюзий, но для этого надо, чтобы кто-то заботился о ней.

Собственно та же проблема и у тех, кто сегодня пребывает в виртуальном мире, ведь в этой иллюзорной жизни все-таки надо есть, пить и где-то спать. А ведь реальная жизнь гораздо богаче и интереснее, чем даже самый красивый, но выдуманный мир. И настоящие друзья надежнее тех, которые живут под «никами».

Прочитав еще раз роман в стихах «Евгений Онегин» понимаешь, что может и не вполне осознанно, но великий поэт в образе Татьяны не только воплотил верность, благородство, отсутствие пошлости, но и предостерег от ухода от реальной жизни в иллюзии. Это очень хорошо чувствуешь в строчках, посвященных родителям Татьяны.

«Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод;
В день Троицын, когда народ
Зевая слушает молебен,
Умильно на пучок зари
Они роняли слезки три;
Им квас как воздух был потребен,
И за столом у них гостям
Носили блюда по чинам»

Пожалуй, с описанием такой спокойной семейной жизни можно сравнить только начало повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики». Вот в этой простоте и есть счастье жизни!

Вероятно, многие сочтут все это дилетантством, не согласятся с ролью Татьяны Лариной отличной от хрестоматийного образа. Пусть так, но строчки поэта обязательно затронут каждого, а это главное – в год культурного наследия насладиться бессмертными стихами, а если при этом еще и задуматься, то значит цель достигнута.

Об авторе

ТУМАНОВА Лидия Владимировна – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8705-4643, AuthorID: 648735, e-mail: gpipd@tversu.ru

TATYANA LARINA AS A FOREIGNER OF MODERN VIRTUAL LIFE

L.V. Tumanova

Tver State University, Tver

The article is supposed to arouse interest in literature and develop the ability to see the new in the long-familiar. The novel in verse "Eugene Onegin" provides a basis for reflecting on the huge difference between real life and fiction. Tatyana Larina is a harbinger of modern virtual life, because she, like and modern young people "chained" to the Internet, lives in a world of their own illusions.

Keywords: *novel in verse "Eugene Onegin", Tatyana Larina, virtual life, digitalization..*

About author:

TUMANOVA Lidia – Honored Lawyer of the Russian Federation, the doctor of the Legal Sciences, Professor, professor of the department of judiciary and Law Enforcement Affairs of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 8705-4643, AuthorID: 648735, e-mail: gpipd@tversu.ru

Туманова Л.В. Татьяна Ларина как предвестник современной виртуальной жизни // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 151–156.

Трибуна молодого ученого

УДК 347.763.4

DOI: 10.26456/vtpravo/2022.2.157

О ДОСТУПНОСТИ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ И УСЛУГ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА ДЛЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ (ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ)

К.И. Никитина

ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова»,
г. Казань

Рассматриваются правовые аспекты доступности транспортной инфраструктуры и услуг железнодорожного транспорта для потребителей с ограниченными возможностями здоровья. В работе установлено, что в ряде случаев инфраструктура и услуги железнодорожного транспорта не приспособлены для пассажиров с ограниченными возможностями здоровья и нуждаются в приведении в соответствие с требованиями законности, разумности и справедливости. Сделан акцент на том, что маломобильные группы населения относятся к льготной категории граждан и не могут в силу ограничения своей жизнедеятельности пользоваться транспортной инфраструктурой и услугами железнодорожного сообщения наравне с обычными пассажирами.

***Ключевые слова:** пассажирские железнодорожные перевозки, потребители с ограниченными возможностями здоровья, транспортная инфраструктура, услуги железнодорожного транспорта, защита прав потребителей.*

Повышение транспортной подвижности населения на железнодорожном транспорте, создание безбарьерной среды для маломобильных пассажиров на железнодорожных вокзалах и пассажирских платформах, увеличение доли подвижного состава, оборудованного для перевозки граждан с ограниченными возможностями здоровья, являются важными направлениями развития железнодорожного сообщения в России. По данным Программы развития ОАО «Российские железные дороги» до 2025 г. (далее – ОАО «РЖД») в 2019 г. в России доля подвижного состава железнодорожного транспорта, оборудованного специальными устройствами для перевозки маломобильных групп, составляла 60 % от общего количества штабных вагонов. Причем, согласно Годовому отчету ОАО «РЖД» за 2020 г., в России полностью обеспечены доступной средой только 103 вокзала из 1287 вокзальных комплексов [2, с. 61]. Остальные же железнодорожные вокзалы лишь частично пригодны для пребывания маломобильных пассажиров. Между тем основными требованиями безбарьерной среды для маломобильных граждан на железнодорожном транспорте по-

прежнему остаются: доступность и безопасность путей движения и мест целевого посещения, беспрепятственная эвакуация из помещений и подвижного состава, качественная визуальная и тактильная навигация к месту целевого помещения. В то же время следует признать, что транспортная подвижность маломобильных групп населения остается сравнительно невысокой и во многом зависит от адаптации объектов инфраструктуры железнодорожного транспорта для потребителей с ограниченными возможностями здоровья. Поэтому считаем возможным рассмотреть ряд вопросов, связанных с защитой прав маломобильных групп населения при пользовании инфраструктурой и услугами железнодорожного транспорта.

1. Обеспечение доступности инфраструктуры железнодорожного вокзала для пассажиров с ограниченными возможностями здоровья. В соответствии с абз. 4 п. 2 Приказа Минтранса России от 19 декабря 2013 г. № 473 «Об утверждении Правил перевозок пассажиров, багажа, грузобагажа железнодорожным транспортом» (далее – Приказ Минтранса России от 19 декабря 2013 г. № 473) и ст. 15 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», ОАО «РЖД» обеспечивает железнодорожные вокзалы специальными приспособлениями, позволяющими пассажирам с ограниченными возможностями здоровья пользоваться их услугами. Однако в действительности не всегда инфраструктура железнодорожных вокзалов приспособлена для передвижения граждан с ограниченными возможностями здоровья.

Наиболее распространенными ограничениями прав потребителей в части обеспечения беспрепятственного доступа к инфраструктуре железнодорожного вокзала являются: а) здание и территория железнодорожного вокзала не оборудована пандусами и (или) пандус имеет скользящую наклонную поверхность [13]; б) туалеты железнодорожного вокзала не оборудованы специальными кабинками для инвалидов [14]; в) билетные кассы железнодорожного вокзала не оснащены устройствами для пассажиров с ослабленным слухом и (или) недоступны по высоте для инвалидов-колясочников [15]; г) здание железнодорожного вокзала не оборудовано звуковыми и тактильными информационными указателями для пассажиров с ослабленным слухом [12] и зрением [10]; д) дверные проемы в здании железнодорожного вокзала имеют недостаточную ширину для передвижения инвалидов-колясочников [7]; е) на парковке железнодорожного вокзала отсутствуют отдельные места для пассажиров-инвалидов [16].

Ненадлежащее обеспечение доступной среды в здании и на территории железнодорожного вокзала для маломобильных групп населения и (или) ее отсутствие нарушает права потребителей при оказании услуги по перевозке железнодорожным транспортом, а в ряде случаев делает невозможной реализацию права на передвижение без

посторонней помощи. Вдобавок не соответствует требованию баланса интересов участников гражданского правоотношения [1, с. 7].

2. Обеспечение доступности оформления электронных проездных документов на железнодорожный транспорт для пассажиров с ограниченными возможностями здоровья. Согласно абз. 4 ст. 80 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» перевозчики и владелец инфраструктуры должны обеспечить пассажиров с ограниченными возможностями здоровья информацией об условиях перевозки, в том числе с помощью информационно-телекоммуникационной сети. Причем в соответствии с абз. 5 п. 7 Приказа Минтранса России от 19 декабря 2013 г. № 473 пассажир с ограниченными возможностями здоровья должен проинформировать перевозчика о своем статусе.

В то же время оформление электронных проездных документов для потребителей с ограниченными возможностями здоровья затруднено. Во-первых, в соответствии с Правилами покупки электронных билетов ОАО «РЖД» [6] приобрести льготный электронный билет возможно только на официальном сайте ОАО «РЖД», который предусматривает возможность сверки сведений о пассажире с федеральным реестром инвалидов. В мобильном же приложении «РЖД Пассажирам», которое значительно проще и удобнее для лиц, ограниченных в своей жизнедеятельности, оформление льготных электронных билетов технически невозможно. Причем онлайн-сервисы субагентов по продаже электронных проездных документов оформление билетов на места для пассажиров с ограниченными возможностями здоровья также не осуществляют. Во-вторых, достаточно часто потребители с ограниченными возможностями здоровья нуждаются в лечении и (или) реабилитации и вынуждены покупать билеты на поезда южного направления. Однако в силу вышеназванных правил оформление электронных проездных документов, например, на поезда перевозчика ГУП «Крымская железная дорога», на официальном сайте ОАО «РЖД» и в мобильном приложении «РЖД Пассажирам» не производится. Оформление же электронного проездного документа на поезд дальнего следования в Республику Крым возможно только на официальном сайте у единственного перевозчика АО ТК «Гранд Сервис Экспресс» (www.grandtrain.ru). Кроме того, есть ряд иных правовых ограничений, связанных с оформлением электронных железнодорожных билетов. В частности, на официальном сайте ОАО «РЖД» и в мобильном приложении «РЖД Пассажирам» не производится резервирование мест без оплаты, оформление багажа и т.д. Между тем ранее ситуация с оформлением проездных билетов на поезд была более плачевной, поскольку граждане с ограниченными возможностями здоровья были вынуждены с большим комплектом документов лично посещать кассы

железнодорожного вокзала [5, с. 146]. Поэтому полагаем, что пассажир, в том числе с ограниченными возможностями здоровья, должен получать полную и достоверную информацию об услугах перевозчика одновременно на всех его официальных электронных платформах, а сам перечень транспортных услуг, предоставляемых потребителю в электронном виде, должен быть идентичен тому перечню услуг, который предоставляется потребителю в кассе железнодорожного вокзала. В этой связи следует согласиться с мнением о том, что посредством технического регулирования «могут быть не только восполнены несовершенства рыночного механизма, но и созданы благоприятные условия для его формирования» [3, с. 16].

3. Обеспечение разумных сроков резервирования мест и достаточного количества специализированных вагонов для перевозки пассажиров с ограниченными возможностями здоровья. Согласно разд. 3–5 Распоряжения ОАО «РЖД» от 23 июля 2018 г. № 1554/р «Об утверждении технологии оформления проездных документов на места для инвалидов в поездах дальнего следования» пассажирские поезда подразделяются: а) на составы, в которых предусмотрено специализированное купе для маломобильных пассажиров; б) на составы, в которых не предусмотрено специализированное купе для маломобильных пассажиров, но оно может быть включено при наличии соответствующей заявки.

В первом случае обработка заявки на резервирование мест в подвижном пассажирском составе, в котором предусмотрено специализированное купе для маломобильных пассажиров, осуществляется подразделением РЖД в течение 3 дней с момента направления заявки. Срок рассмотрения заявки на резервирование мест составляет 3 дня с момента ее получения. Причем в течение 10 дней с момента направления заявки на резервирование места проездной билет должен быть выкуплен. Следовательно, максимальный срок от подачи заявки до оформления билета составляет 10 дней, что в целом соответствует ожиданиям потребителя в части разумных сроков оказания транспортных услуг.

Во втором же случае заявка на включение специализированного купе в подвижной пассажирский состав должна быть подана за 60 (90) суток до отправления поезда. Срок же рассмотрения заявки на включение специализированного купе в подвижной состав составляет не менее 5 и не более 10 рабочих дней. Получается, что пассажир с ограниченными возможностями здоровья должен согласовывать свою перевозку железнодорожным транспортом за 3–5 месяцев до даты поездки. Полагаем, что установленные сроки подачи заявок на включение специализированного купе в подвижной пассажирский состав являются чрезмерно строгими и невыполнимыми, нуждаются в пересмотре и существенном сокращении.

В то же время при анализе официального сайта ОАО «РЖД» было установлено, что значительная часть подвижных пассажирских составов в среднем имеют только по одному специализированному купе, оборудованному для пассажира с ограниченными возможностями здоровья и его сопровождающего. Следовательно, в случае, если два и более потребителя с ограниченными возможностями здоровья изъявят желание о перевозке железнодорожным транспортом на одном и том же поезде, то возникнет потребность в еще одном специализированном купе. Ситуация осложняется тем, что количество подвижных пассажирских составов, ежедневно и (или) еженедельно курсирующих на одном и том же направлении, может разительно отличаться. Например, по состоянию на март 2022 г. по маршруту Казань – Сочи курсирует только один поезд 4 раза в неделю, а по маршруту Казань – Москва ежедневно курсируют до 8 поездов дальнего следования. Перевозчик должен учитывать количество подвижных составов, которые курсируют по одному и тому же направлению, чтобы не допустить ущемления права на передвижение маломобильных граждан. В случае же, когда по объективным причинам невозможно включить специализированное купе в подвижной пассажирский состав, считаем возможным рассмотреть реализацию проездных билетов маломобильным пассажирам в обычный купейный вагон по стоимости специализированного купе при предъявлении соответствующих документов.

4. Обеспечение компенсации расходов на оплату стоимости проезда для пассажиров с ограниченными возможностями здоровья. Согласно п. 35–37 Приказа Минтруда России и Минздрава России от 21 декабря 2020 г. № 929н/1345н «Об утверждении порядка предоставления набора социальных услуг отдельным категориям граждан» лица с ограниченными возможностями здоровья и сопровождающие их лица вправе воспользоваться бесплатным проездом на железнодорожном транспорте для перевозки к месту лечения и обратно. Для этого гражданин с ограниченными возможностями здоровья и (или) его законный представитель должны обратиться в региональный орган государственной власти в сфере здравоохранения для получения направления и талона. После получения данных документов их необходимо предоставить в территориальный орган социального страхования, где гражданину с ограниченными возможностями здоровья должны быть выданы именное направление и талон для получения бесплатных железнодорожных билетов.

Однако сам порядок компенсации транспортных расходов для граждан с ограниченными возможностями здоровья к месту лечения и обратно имеет свои особенности. Во-первых, получатель государственных социальных услуг должен соблюсти очередность обращения в уполномоченные органы: сначала в региональный орган государственной власти в сфере здравоохранения для получения

направления и талона, а затем в территориальный орган социального страхования для выдачи именного направления и талона. Изменение последовательности обращения и (или) необращение в установленном порядке за бесплатными проездными документами к месту лечения и обратно влекут отказ в удовлетворении компенсации транспортных расходов [8]. Во-вторых, отказ регионального органа государственной власти в сфере здравоохранения в выдаче талона не может служить основанием для отказа во взыскании компенсации расходов на оплату стоимости проезда для пассажиров с ограниченными возможностями здоровья в судебном порядке [9], даже когда отсутствует действующий государственный контракт с перевозчиком на перевозку пассажиров с ограниченными возможностями здоровья [11]. Причем во втором случае речь может идти о возмещении морального вреда [4].

Таким образом, необходимо отметить, что в ряде случаев инфраструктура и услуги железнодорожного транспорта не приспособлены для потребителей с ограниченными возможностями здоровья и нуждаются в скорейшем приведении в соответствие с требованиями законности, разумности и справедливости. Необходимо учитывать, что маломобильные группы населения относятся к льготной категории граждан и не могут в силу ограничения своей жизнедеятельности пользоваться транспортной инфраструктурой и услугами железнодорожного сообщения наравне с обычными пассажирами.

Список литературы

1. Васильев В.В., Ченцов Н.В. Задачи функционирования внутриотраслевых связей гражданского права // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2016. № 4. С. 7–13.
2. Годовой отчет ОАО «Российские железные дороги» за 2020 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1786-р). М.: РЖД, 2021. 324 с.
3. Доклад экспертной группы «Экономико-правовые средства защиты национальных интересов» (руководитель – д.ю.н., профессор В.С. Белых) // Бизнес, менеджмент и право. 2018. № 1. С. 7–26.
4. Козырева Е.В. О критериях определения размера компенсации морального вреда // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2015. № 4. С. 14–17.
5. Мамина О.И., Кобзева Е.И. Обеспечение прав инвалидов при перевозке железнодорожным транспортом // Транспортное право и безопасность. 2018. № 2 (26). С. 142–146.
6. Правила покупки электронных билетов ПАО «Российские железные дороги» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rzd.ru/ru/9287> (дата обращения: 14.03.2022).
7. Кассационное определение Верховного Суда Республики Карелия от 17.01.2012 г. по делу № 33-98/2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/pDke5pmEbDYy/> (дата обращения: 14.03.2022).

8. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18.06.2020 г. по делу № 88-10223/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 15.07.2021 г. № 88-14193/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Решение Железнодорожного районного суда г. Красноярск от 20.01.2020 г. по делу № 2-241/2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/DANp8EqOMtx0/> (дата обращения: 14.03.2022).

11. Решение Норильский городской суда Красноярского края от 09.04.2020 г. по делу № 2-407/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hQFMrxLuedN/> (дата обращения: 14.03.2022).

12. Решение Печорского городского суда Республики Коми от 14.07.2020 г. по делу № 2-1126/2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/xuXG9gtO4y5N/> (дата обращения: 14.03.2022).

13. Решение Центрального районного суда города Хабаровска от 28.01.2020 г. по делу № 2-552/2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/B0IUqzхрпхo5/> (дата обращения: 14.03.2022).

14. Постановление Мирowego судьи судебного участка № 3 Искитимского судебного района Новосибирской области от 25.05.2016 г. по делу № 5-242/2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/magistrate/doc/Bk25R178v5J9/> (дата обращения: 14.03.2022).

15. Постановление Мирowego судьи судебного участка Свердловской области от 30.03.2017 г. по делу № 5-220/2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/magistrate/doc/4soHS5SX246l/> (дата обращения: 14.03.2022).

16. Постановление Мирowego судьи Чулымского судебного района Новосибирской области от 05.05.2016 г. по делу № 5-110/2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/magistrate/doc/qtdad4vqFk5l/> (дата обращения: 14.03.2022).

Об авторе:

НИКИТИНА Кристина Игоревна – аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права, ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова» (420111, г. Казань, ул. Московская, 42), SPIN-код: 3946-0692, e-mail: knikitina@ieml.ru

ON ACCESSIBILITY OF TRANSPORT INFRASTRUCTURE AND RAIL TRANSPORT SERVICES FOR CONSUMERS WITH DISABILITIES (LEGAL ASPECTS)

K.I. Nikitina

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan

The article deals with the legal aspects of the accessibility of transport infrastructure and railway transport services for consumers with disabilities. The author concludes that in some cases the infrastructure and services of railway transport are not adapted for passengers with disabilities and need to be brought into line with the requirements of law, reasonableness and fairness. Particular attention is drawn to the fact that people with limited mobility belong

to the privileged category of citizens and, due to the limitation of their life, cannot use the transport infrastructure and railway services on an equal basis with ordinary passengers.

Keywords: *passenger rail transportation, consumers with disabilities, transport infrastructure, rail transport services, consumer protection.*

About author:

НИКИТИНА Kristina – post-graduate student of the Department of Civil and Business Law, Kazan Innovative University named after VG Timiryasov (420111, Kazan, Moskovskaya st., 42), SPIN-code: 3946-0692, e-mail: knikitina@ieml.ru

Никитина К.И. О доступности транспортной инфраструктуры и услуг железнодорожного транспорта для потребителей с ограниченными возможностями здоровья (правовые аспекты) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 157–164.

НАУЧНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ» КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

М.Г. Терехов

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»,
г. Москва

Поднимается вопрос о гражданско-правовой природе законодательного определения понятия «цифровые финансовые активы» в системе права России, которые, по мнению автора статьи, должны иметь более конкретизированную правовую конструкцию в гражданском праве.

Ключевые слова: цифровое право, цифровые правоотношения, отрасль права, гражданское право, цифровизация, цифровые активы, криптовалюта, цифровая среда (сеть «Интернет»), новеллы права, безопасность, правоохранительная деятельность.

В настоящее время ускоренные процессы глобализации в мировом сообществе вбирают в себя совершенно новые правовые конструкции для дальнейшего гражданско-правового регулирования общественных отношений. К описываемым процессам непосредственно относится проблема гражданско-правового регулирования цифровой среды (сети «Интернет»)¹ как фундаментального элемента состояния гражданских отношений современности, буквально пронизываемого феноменом глобализации (выделяется автором настоящей статьи).

В свою очередь, большинство гражданско-правовых отношений, пронизываемых феноменом глобализации, тесно взаимосвязаны с различными экономическими процессами общества, которые также естественным образом формируются и развиваются внутри государства при использовании цифровой среды (сети «Интернет»). Выражается взаимосвязь права и экономики в рамках различных договорных обязательств, а также при гражданско-правовом обороте объектов, имеющих ценностное выражение, которые необходимо охарактеризовать как «цифровые правоотношения» (выделяется автором настоящей статьи).

Цифровые правоотношения как феномен современности обуславливают актуальность и необходимость научного исследования в настоящей статье, во-первых, ввиду отсутствия понятного и отработанного («рабочего») гражданско-правового регулирования

¹ Автор берет за основу не только определение понятия телекоммуникационная сеть «Интернет», а также совокупность технических средств, взаимодействующих с объектами материального мира, что достаточно логично.

оборота цифровых финансовых активов в цифровой среде (сети «Интернет»); во-вторых, из-за отсутствия детализированного законодательно устанавливаемого гражданско-правового режима цифровых финансовых активов; в третьих из-за длительного отсутствия требуемой трансформации гражданско-правового режима цифровых финансовых активов в системе права России.

Для процессов глобализации во все времена особенно важным вопросом представлялась правоохранительная составляющая экономической, социальной, культурной и иных сфер жизни общества. Подробнее следует остановиться на современных экономических угрозах. Отдельные современные угрозы экономического характера, предупреждение и разрешение которых, бесспорно, стоит в приоритете у мирового сообщества, преследуя цель обеспечения внутренней и внешней экономической безопасности стран, влияющей на процесс реализации гражданских прав, автором статьи отмечаются в другом научном труде [3; 11, с. 91–94]. Однозначно, в правовом регулировании нуждаются и отношения, складывающиеся в области гражданского оборота цифровых финансовых активов, что также обуславливается приоритетами национальной безопасности РФ [2].

Данное утверждение становится бесспорным, исходя из общего анализа международных отчетов в экономическом секторе, где прослеживаются тенденции преобладающей роли быстрого развития цифровой среды (сети «Интернет») и интеграции в «традиционные экономические процессы» [14, с. 4–8]. Р.Н. Ахметзянов раскрывает традиционное определение понятия как «ключевой элемент развития системы экономических отношений», в содержании которых основополагающим остается процесс воспроизведения общественных продуктов [4, с. 5].

По мнению автора настоящей статьи, описываемые Р.Н. Ахметзяновым фундаментальные положения традиционного определения понятия являются важным научным катализатором для дальнейшего правильного формирования и описания гражданских отношений в цифровой среде (сети «Интернет») при обороте цифровых финансовых активов как феномена «современных экономических процессов» [4, с. 5].

Вышеизложенное позволяет автору настоящей статьи утверждать, что объект оборота в вышеизложенных гражданских отношениях имеет свойства имущественного характера и соответствующие ключевые признаки: 1) дефицитность; 2) ценность; 3) оборотоспособность; 4) спрос. Исходя из данных признаков, предопределяется дальнейший вектор и характер научного исследования в данной статье.

Непроработанным с научной точки зрения (отсутствие в науке систематизированных и конкретизированных эмпирических данных) остается в настоящее время вопрос оборотоспособности объектов

гражданского права в форме иного имущества (цифровых прав) в цифровой среде (сети «Интернет»), характеризующихся автором настоящей статьи как «современные экономические процессы».

Совершенно справедливо в своих научных трудах Н.Н. Тарусина высказывает мысль о том, что «правоприменительная деятельность, как и всякое явление, особенно сложного (если не сказать – суперсложного) порядка, классифицируется под самыми различными углами доктринального и прикладного зрения. И среди аспектов означенной вариабельности ее видения особую исследовательскую нишу занимает критерий отсутствия/наличия творческого начала при ее осуществлении» [10, с. 44–52].

С данным мнением следует согласиться. Каждый закон пишется человеком с определенным складом мышления, познаний и иными особенностями восприятия существующей действительности. Не является исключением и анализируемое в статье закона положение о «цифровых финансовых активах» [1].

На основании изложенного, целью исследования и научной проблематики в данной статье является определение понятия «цифровые финансовые активы» в гражданском праве как одного из основных экономических элементов цифровой среды (сети «Интернет»). Вследствие этого, обуславливаются следующие задачи научного исследования в настоящей статье: 1) анализ законодательного определения понятия «цифровые финансовые активы» в Российской Федерации; 2) выработка предложений по устранению выявленных проблем.

В сфере оборота цифровых объектов основополагающим для юрисдикции Российской Федерации с недавнего времени является принятый Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ (далее – закон об активах), который призван обеспечить социально-экономическую защищенность общества в цифровой среде (сети «Интернет») при обороте цифровых финансовых активов.

Анализ законодательных положений предмета регулирования закона об активах в первую очередь обращает внимание читателей к содержанию п. 2 ст. 1 – определению понятия цифрового финансового актива, в которое законодатель вкладывает достаточно объемное содержание на тему оборота цифровых финансовых активов.

Данное положение не в достаточной мере, по мнению автора настоящей статьи, характеризует предмет регулирования, указывая, что цифровой финансовый актив – это цифровые права, а также: денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг,

которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

Происходит отсылка к уже существующим правовым нормам в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ). Исходя из чего, следует обратиться к ст. 141.1 ГК РФ «Цифровые права», где под цифровыми правами государством признается право распоряжения в рамках информационной системы составными элементами оборота цифровой среды. Смысл настоящей статьи соотносится с положениями ст. 128 ГК РФ, определяя, что объектом гражданских прав на сегодняшний день признаются в списке иного имущества цифровые права.

На основании изложенного, необходимо сделать вывод о том, что законодатель не дает определения конкретному элементу гражданских отношений в цифровой среде (сети «Интернет»), в частности, цифровым финансовым активам, которыми в настоящее время в силу своей правовой природы являются любые права гражданско-правового характера, связанные с оборотом имеющего ценностное выражение элемента цифровой среды (сети «Интернет»).

Л.В. Санникова и Ю.С. Харитоновна также отмечают, что «данная категория была сформулирована столь расплывчато, что большинство участников круглого стола «Гражданско-правовое регулирование криптоактивов и смарт-контрактов», организованного 27.06.2019 г. Финансовым клубом (ЦСР, юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Школа права «Статут»), поддержало мнение о том, что феномен цифровых прав не порождает для юристов новой сущности. Это понятие, по сути, является собирательным – цифровыми правами могут быть названы совершенно разные вещи: приложение обслуживающего банка в смартфоне, аккаунт в социальной сети и пр.» [7, 8]. Дальнейшее развитие законодательства показало необоснованность такого расширенного толкования понятия «цифровые права», которое было введено законодателем для регулирования криптоактивов» [9].

Автор настоящей статьи соглашается также с другим мнением Л.В. Санниковой и Ю.С. Харитоновой о том, что «следует признать, что, когда традиционные объекты гражданских прав получают новую форму существования – цифровую (электронную), возникают определенные проблемы, связанные с их правовым регулированием. С этой точки зрения их отнесение к цифровым активам может быть вполне оправданно. Но тогда возникает необходимость различать понятие цифровых активов в широком и узком смысле» [8].

Имея определенные характеризующие критерии и признаки ценностного и распорядительного характера, цифровые права, по

мнению автора, следует выделять более детально в обособленную категорию объектов гражданско-правового регулирования – «цифровое имущество», которое, с учетом значимых признаков, может «использоваться исключительно в цифровой среде (сети «Интернет»).

Таким образом, автор настоящей статьи предлагает дать определение понятию «цифровое имущество» в следующем виде: это совокупность цифровых объектов гражданско-правовых отношений, которые находятся в собственности физического лица или юридического лица, обладающего правом распоряжения, т.е. правом делить, передавать, дарить, хранить, отказаться от него, завещать и вступать в наследство.

В свою очередь, цифровые права – это скорее неотъемлемый элемент гражданско-правового статуса в гражданских отношениях, осуществляемых в цифровой среде (сети «Интернет»), который дает возможность реализовать вышеизложенное (воспользоваться правом) в рамках оборота цифрового имущества. Необходимо понимать, что существуют также обязанности и ответственность в рамках описываемых гражданско-правовых отношений, которые также выступают элементами данного гражданско-правового статуса (пользователя цифровой среды (сети «Интернет»)).

Резюмируя, можно смело утверждать, что данные элементы неразрывно связаны с самим пользователем цифровой среды (сети «Интернет»), который может быть традиционно как юридическим, так и физическим лицом. Права, обязанности и ответственность пользователь приобретает автоматически, когда возникает потребность в обороте цифрового имущества.

Существующие процессы законодательных тенденций в сфере оборота элементов, имеющих ценностное выражение в цифровой среде (сети «Интернет»), способствуют подмене отдельных понятий. Например, задается ошибочный вектор развития законодательной системы для молодой отрасли цифрового права, что в последующем очень негативно скажется на научно-технической и экономической сфере цифровизации общества. Данные последствия также существенно затруднят в дальнейшем законодательное регулирование правоотношений в цифровой среде (сети «Интернет»), которые на сегодняшний день уже являются проблемной сферой для законодательных органов.

Проанализировав понятие цифровых финансовых активов, а также сформировав обоснованные с теоретической точки зрения предложения, возникает потребность в анализе родственного по правовой природе понятия «цифровая валюта» для полной гражданско-правовой характеристики предмета регулирования.

Понятие цифровых финансовых активов не содержит в себе положений, связанных с платежными средствами по типу криптовалют

или иных электронных платежных средств (Webmoney, Qiwi и др.), которые, по мнению автора настоящей статьи, являются составной частью цифровых активов. Законодательное действие по закреплению понятия цифровых финансовых активов оставляет криптовалюту и иные платежные средства в обособленном правовом положении.

Пункт третий ст. 1 закона об активах определяет в качестве цифровых валют платежные средства, что представляет собой исключительно технический термин, в результате чего отсутствует прямое гражданско-правовое определение понятия данного феномена, а также понимание гражданско-правовой природы вышеперечисленных форм платежных средств, которые используются в сети «Интернет» (цифровой среде).

Обращаясь к понятию платежных средств в цифровой среде (сети «Интернет»), автор настоящей статьи полагает более рациональным определить понятие «цифровая валюта» как цифровой актив, под которым следует понимать особый вид цифрового имущества, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей. Выражается в форме финансового инструмента, обладающего свойствами: платежного средства, накопительного средства, обмена, сберегательного средства.

Характерный признак цифровых активов – это совокупность электронных данных, которые содержатся в информационной системе.

К данному понятию следует отнести криптовалюту, ее разновидности, а также иные электронные платежные средства.

В защиту такого суждения автор настоящей статьи приводит научное мнение Л.В. Санниковой и Ю.С. Харитоновой, которые полагают, что «выделение категории цифровых активов в узком смысле необходимо, в первую очередь, для отграничения новых объектов имущественного оборота, требующих создания адекватного правового режима, от тех объектов гражданских прав, которые хотя и претерпели видоизменение в результате цифровизации, но не нуждаются в создании нового правового режима. Поэтому в узком смысле под цифровыми активами следует понимать новые экономические объекты, созданные с использованием цифровых технологий» [8].

Г.М. Вельяминов отмечает, что процессы глобализации на сегодняшний день это не что-то уникально новое, а, скорее, прослеживаемое в истории от Римской империи (Pax Romana) до сегодняшних дней [15, с. 16–18.]. В свою очередь Е.В. Ершов при научном анализе проблемы интегративного правопонимания и происходящих в мире процессов глобализации достаточно хорошо продолжает вводную мысль статьи о том, что глобализация – это уже своего рода объективная реальность, которую следует оценивать и определено совершенствовать [5, с. 538]. И, наконец, завершает общую

мысль С.А. Шаронов, который считает, что установление общей правовой природы (в контексте рассмотрения гражданско-правового режима охранных услуг) помогает гражданам получить наибольший эффект и пользу [13, с. 126–130].

По мнению автора настоящей статьи, именно общая и детально описываемая правовая природа общественных отношений, складывающихся в цифровой среде (сети «Интернет»), поможет в дальнейшем правильно развивать законодательный фундамент по регулированию оборота цифровых активов в РФ.

Подводя итоги исследования, можно сказать, что в настоящее время достаточно критическим для развития системы права России в сфере «цифровизации» общества остается принятый Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ [1], который определяет предмет регулирования (оборот) элементов цифровых правоотношений.

Именно правильный подход к понятийному аппарату, изменения и дополнения данного закона помогут на национальном уровне в последующем определить системное и органичное законодательное регулирование сферы цифровых правоотношений, а также экономических процессов, происходящих в цифровой среде (сети «Интернет»).

В ходе исследования в данной статье были достигнуты следующие результаты в рамках поставленных целей и задач: 1) сформулировано определение понятия «цифровое имущество»; 2) предложено аргументированное изменение законодательного определения понятия «цифровая валюта» на «цифровой актив»; 3) определен основополагающий характерный гражданско-правовой признак цифрового имущества – цифровая среда (сеть «Интернет»).

Список литературы

1. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
3. Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «Консультант Плюс».
4. Ахметзянов Р.Н. Вопросы развития устойчивых экономических процессов // Russian Journal of Economics and Law. 2007. № 2 (2) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-razvitiya-ustoychivyh-ekonomicheskikh-protsessov> (дата обращения: 16.09.2021).

5. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М.: РГУП., 2018. 628 с.
6. Культовый журнал о биткоине, технологии блокчейн и цифровой экономике [Электронный ресурс]. URL: <https://forklog.com> (дата обращения: 05.03.2021)
7. Официальный сайт Facebook. URL: <http://www.facebook.com/events/372935010000371/>
8. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. Москва: 4 Принт, 2020. 304 с.
9. Сулейменов М.К. Цифровизация и совершенствование гражданского законодательства [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakon.kz/5009131-tsifrovizatsiya-i-sovershenstvovanie.html>.
10. Тарусина Н.Н., Субсидиарное применение правовых норм: цивилистические этюды // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 2 (66). С. 44–52.
11. Тумаков А.В., Терехов М.Г. Создание финансовых пирамид с использованием цифровых активов // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3. С. 91–94.
12. Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2021. С. 18–19.
13. Шаронов С.А. Понятие, правовая природа и классификация оказания охранных услуг как объекта гражданских прав в контексте осуществления предпринимательской охранной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2. С. 126–130 .
14. Deutsche Bank Research / The Future of Payments: Part III. Digital Currencies: the Ultimate Hard Power Tool. 2019. С. 4–8 [Электронный ресурс]. URL: <https://bits.media/analitiki-deutsche-bank-sravnil-razvitiie-kriptoalyut-s-razvitiem-interneta/> (дата обращения: 13.11.2021).
15. Melanczuk P. Op. cit. P. 50 etc.; Вельяминов Г.М. Курс. С. 16–18.

Об авторе:

ТЕРЕХОВ Максим Геннадьевич – соискатель кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя» (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д.12); email: Maxxx47@inbox.ru

SCIENTIFIC ANALYSIS OF THE LEGISLATIVE DEFINITION OF THE CONCEPT OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS

M.G. Terekhov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named
after V.Ya. Kikot, Moscow

The article raises the question of the civil turnover of objects representing value expression, which are used exclusively in the digital environment (the Internet).

Keywords: *digital law, digital legal relations, branch of law, civil law, digitalization, digital assets, cryptocurrency, digital environment (network Internet), novelties in law, security, law enforcement.*

About author:

TEREKHOV Maxim – Candidate of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (12 Akademika Volgina str., Moscow, 117997); e-mail: Maxxx47@inbox.ru

Терехов М.Г. Научный анализ законодательного определения понятия «Цифровые финансовые активы» как объект гражданских прав // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 165–173.

Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право
решением Президиума ВАК включён в Перечень российских
рецензируемых научных журналов в редакции 2015 года, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Контактные данные редакционной коллегии:

170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222.

Тверской государственной университет: телефон/факс: (4822) 70-06-57.

Главный редактор – Ильина Ольга Юрьевна (8-968-968-6161);

технический редактор – Огаркова Наталья Олеговна;

law.vestnik@tversu.ru

Вестник Тверского государственного университета

Серия: Право

№ 2 (70), 2022

Подписной индекс: **85714** (подписной интернет-каталог «Пресса России»)

Подписано в печать 27.06.2022. Выход в свет 30.06.2022.

Формат 70 x 108 ¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,23.

Тираж 500 экз. Заказ № 148.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственной университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.

Тел.: 8 (4822) 35-60-63. *Цена свободная.*